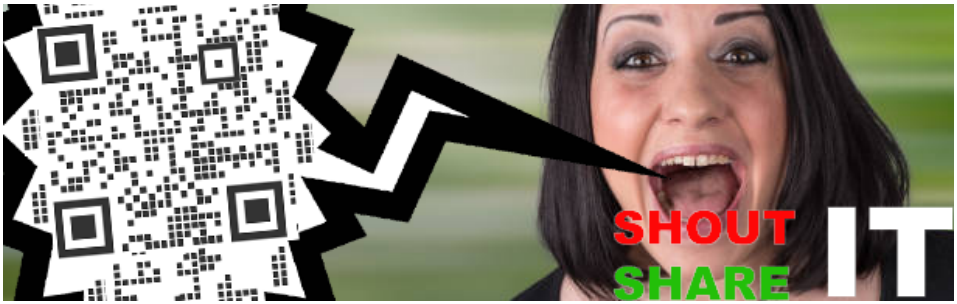
АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ
КОРПОРАЦИЯ ЛЮБИТ НАС


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2054 год. Это история об Империи Каменного Пояса и о Путнике, безымянном юноше, пришедшем издалека и забывшем прошлое. Он встречает аборигена Константина, изгнанного из общины металлиста, и незнакомку, работающую стриптизёршей. За ними следят император-технократ, корпорация, которая любит нас, сектанты и субкультуры. И множество соседних миров, похожих и на сон, и на виртуальную реальность одновременно.

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН. Гимн субкультурам Екатеринбурга и музыке 2000-х годов. Социальная/антиутопическая фантастика с примесью посткиберпанка, сюрреализма, космогонии, попаданчества и мистики

Часть I. Соната - Часть II. Фуга - Часть III. Токатта.

- Корпорация любит нас
  - I. Соната. Эпизод 1. Уральская Рапсодия
  - I. Соната. Эпизод 2. Охотник на слонотавров
  - I. Соната. Эпизод 3. Табу жителей бункера (а)
  - I. Соната. Эпизод 3. Табу жителей бункера (б)
  - I. Соната. Эпизод 4. Корпорация
  - I. Соната. Эпизод 4. Корпорация (б)
  - II. Фуга. Эпизод 5. Зверинец и зверь (а)
  - II. Фуга. Эпизод 5. Зверинец и зверь (б)
  - II. Фуга. Эпизод 6. Путник и Спутница (а)
  - II. Фуга. Эпизод 6. Путник и Спутница (б)
  - II. Фуга. Эпизод 6. Путник и Спутница (в)
  - II. Фуга. Эпизод 7. Во имя Вестника перемен (а)
  - II. Фуга. Эпизод 7. Во имя Вестника перемен (б)
  - II. Фуга. Эпизод 7. Во имя Вестника перемен (в)
  - II. Фуга. Эпизод 8. Город восковых обитателей (а)
  - II. Фуга. Эпизод 8. Город восковых обитателей (б)
  - II. Фуга. Эпизод 8. Город восковых обитателей (в)
  - III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (а)
  - III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (б)
  - III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (в)
  - III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (г)
  - III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен
  - III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен (б)
  - III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен (в)
  - III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен (эпилог)
  - Nota bene

Корпорация любит нас

I. Соната. Эпизод 1. Уральская Рапсодия

— Пора спать, мой маленький, — сказал чей-то ласковый голос, но он, уставший от игр, тут же забыл это, обняв большого плюшевого медведя.

Он забыл, как попал сюда.

Сначала звучала музыка.

На короткий миг он видел себя в странной комнате рядом с группой незнакомых людей. Спустя мгновение его ослепил и позвал к себе свет ярких фонарей между верхушками деревьев. Словно во сне, он бродил по тропинкам сырого, холодного парка и, наконец, вышел к людям, к какому-то огромному, шумному зданию. Люди казались блёклыми, хмурыми силуэтами, и окончательно себя юноша осознал только тогда, когда за ним погнались.

Юноша побежал по пыльному тротуару от торгового центра вглубь кварталов со свободными коммунами. Лёгкое серое пальто расстегнулось на ветру, шарф размотался и неприятно налезал на подбородок.

Иногда обстоятельства кажутся сильнее личности. Иногда создаётся ощущение, что лучший способ спастись от череды разрушений — попасть в новую реальность, начать жизнь с чистого листа. Похоже, что это начало получаться.

Все эти мысли крутились в голове, но сильнее всего хотелось спастись от преследования.

Новый мир, в который он пришёл всего пару часов назад, казался всё более живым и настоящим, но при этом чересчур агрессивным. Двое крепких охранников-наймитов в сине-зелёной униформе гнались за ним от Основинского Парка. Беглец не

совсем понимал, в чём он провинился, но, судя по выражениям лиц преследователей, жалеть худого юношу они не собирались.

Он свернул с Кооперативного проспекта на улицу Учителей и стал петлять между огороженных заборами кирпичных домов и высоток прошлого века постройки. Забежал за угол одного из них и, прижавшись к стене, отдышался. Двухэтажный дом стоял отдельно от других и не был огорожен, рядом виднелся подъезд.

Засунув за пазуху предмет, который он бездумно подобрал в торговом центре и до сих пор держал в руке, беглец подошёл к подъезду и посмотрел наверх. Вверху красовалась вывеска с узорчатыми буквами «Часовая мастерская», а рядом эта же надпись, только японскими иероглифами. Непонятно почему, но надпись показалась удивительно родной, и беглец почувствовал, что стало безопаснее. Свой маршрут по незнакомому городу он выбрал интуитивно, неосознанно, словно кто-то звал, тянул его к этой странной вывеске.

Поправил шарф, застегнул пальто, осторожно пододвинулся к краю и посмотрел за угол — преследователей не было видно, и это обрадовало беглеца.

— Это он и есть? — послышался шепот со стороны подъезда. — Худой какой.

— Тише, он заметит! — второй голос был бархатистым и старческим.

Беглец повернулся, но разглядеть, кто подкрался к нему сзади, он не успел — по голове ударили чем-то тяжёлым, и сознание отключилось.

(Абориген)

Танки приходят утром с востока, вместе с первыми лучами солнца.

Даже когда придёт новый мир, восток так и останется для Константина на всю жизнь чем-то странным, опасным и мощным. Сначала на востоке жило зло в лице крупнейшего в уцелевшем мире мегаполиса, который угрожал отколовшимся провинциям. Потом, когда страна станет единой, наступит власть Корпорации, а мегаполис сменит гнев на милость и станет родным, зло на востоке всё равно останется: в лице непостижимой и зловещей Японской Империи.

В тот день танки видны из окна многоэтажки: улица переходит в пустынный Московский тракт, ведущий в мегаполис на востоке. Машины подсвечивают лучи восходящего солнца, вскоре колонна останавливается, сверкая сине-зелёными боками. Мальчику кажется это красивым и таинственным ровно до той самой минуты, пока системы «Град», спрятанные за лесом, не

пускают первый залп.

— Вниз! В подвал! — орёт отец, хватая сына на руки.

Сначала грохот слышен только снаружи. Потом, когда они с матерью уже бегут вниз, стены, пол и всё вокруг сотрясают взрывы ракет. В ушах звенит от боли, отец еле удерживает Константина на руках и несёт дальше к спасительному входу в подвал сквозь, пыль, дым и грохот, расталкивая локтями точно таких же сонных и испуганных соседей.

В подвале темно, сыро и душно. В этой темноте мальчику слышится плач и кажутся страшными силуэты. Чаще всего, потом эти силуэты превращаются в слоноголовых людей, в синекожих толстяков и других чудовищ из соседних миров, а потом Константин просыпается…

* * *

Почесав лохматую голову, Константин Молот уставился в своё отражение в обломке зеркала, стоящего в прихожей. Этот сон про войну за Чусовую снился в этом году уже в десятый, если не двадцатый раз.

Раньше, даже в детстве, снилось реже. Старею, вдруг подумалось ему. Всё правильно, немолодой уже, скоро придёт пора детишек учить, а особых перемен к лучшему нет. Товарищи давно советовали пойти наймитом в Корпорацию, но ненависть к центральной власти всё время оказывалась сильнее желания прилично зарабатывать. Константин и в тридцать пять оставался извечным максималистом и терпеть не мог любого намёка на какую-либо форму зависимости. В душе ему оставалось лет двадцать, не больше. Впрочем, ровесников с похожей судьбой и характером, в городе, особенно Внешнем, пруд пруди, как-никак, родился в период демографического бума. Говорят, в стране миллиону с лишним человек тридцать — тридцать пять лет. Почти четверть мирового населения.

Металлист вернулся в комнату, надел косуху и растёр замёрзшие за ночь в кожаных брюках ноги.

Ещё раз огляделся. Помимо трёх бутылок из-под древнего коньяка, на полу валялись окурки от самокруток и драгоценных сигарет, игральные карты и пара гильз. Картонка, уже второй год заменявшая оконное стекло в комнате, была пробита в двух местах. Крови на полу и стенах не оказалось — что уже радовало. Чувство, что вчера случилось что-то важное, не покидало металлиста. Константин попытался вспомнить вчерашнее, растирая виски.

А вчерашнего не было. В голове было шумно и пусто, как после Ядерного Четверга. Помимо сумбурных воспоминаний о ночных кошмарах, в сознании крутились только несколько тревожных кадров последнего вечера. Вспомнилось лицо девушки, лица двух приятелей — Алекса и Егора, но что конкретно произошло, оставалось неясным.

Много выпить он не мог — это про себя Константин знал точно. В эпоху сухого закона с крепкой выпивкой надо осторожнее, могут поймать и закрыть. Потому подобные провалы в памяти совсем не радовали — непонятно, чем они могли быть вызваны. Также настораживало отсутствие дома Лизы — познакомились они недавно, и, судя по всему, первой пьянки с друзьями она не перенесла.

«Надо прогнать печальные мысли», — решил Молот, подошёл к холодильнику и включил стоящий рядом древний магнитофон с заслушанной до дыр бразильской «Сепультурой». Достал японский «бичпакет» и начал грызть, запивая кефиром и потряхивая головой в такт музыке.

Стало немного веселее. Вспомнить бы ещё, что было вчера.

Хорошо, всё же, жить в коммуне, думалось Константину. Особенно в неспокойные времена. Кончилась еда — зашёл к соседу, попросил. Кончились иены — можно взять из «общака», хотя злоупотреблять этим не стоит. В коммуне свободный и никем не контролируемый доступ в сеть Урнет. Сине-зелёные относятся уважительно, а всё потому, что коммуна частично независима от властей.

Гарантом независимости служила японская лазерная пушка, установленная на крыше двенадцатиэтажки и нацеленная в сторону бывшего торгового центра, где теперь находился опорный пункт Корпорации. В эпоху альфа-батарей лазерной пушкой мог владеть каждый, у кого хватало наличности и были налажены связи с контрабандистами, таскающими японское барахло откуда-то с северных районов сброса. Конечно, если Корпорация сильно захочет, она сможет захватить и подчинить такую общину, но без особой нужды общины с пушками не трогали.

«Интересно, куда делась эта дура», — только сейчас подумал металлист про подругу. Ощущение, что он пропустил что-то важное, не покидало его. К тому же, за неделю с небольшим, что подруга жила в его квартире, он успел привыкнуть к тому, что она рядом, и теперь стало неуютно.

Константин подошёл к окну и посмотрел в пыльное небо, потом на привычный ландшафт окружающих кварталов.

К многоэтажке, в которой жила коммуна, примыкало

одноэтажное здание старого магазина, где теперь располагалась общая столовая, мастерские и лавка. Здания и небольшой сад, обнесённые трёхметровым забором, стояли по улице Шахрина. Улице этой, ранее носившей имя академика Бардина, после Катаклизма присвоили имя уральского рок-музыканта. Подобная судьба постигла добрую половину улиц города во Внешней части города, называвшихся ранее именами прославленных строителей коммунизма. Улица Щорса стала улицей Самойловых, улица Патриса Лумумбы — улицей Шевчука, а Шаумяна переименовали в Кипелова.

Проспектам во Внутреннем городе, обнесённым теперь Вторым Периметром безопасности, напротив, вернули исторические название. Проспект Ленина стал Главным, Малышева — Сибирским проспектом. Центральная площадь стала площадью Тринадцатого года — потому что в этот год началась новая история. Первый правитель новой страны сделал всё это из желания стереть у горожан воспоминания о потерянной действительности, нанеся на карту города новые или, напротив, давно позабытые теперь имена. Всё равно, старый мир, старое общество были безвозвратно потеряны. Даже сам город уже в третий раз сменил своё имя, и носил теперь название маленького поселения, когда-то давно являвшегося пригородом.

Это был Верх-Исетск — столица Империи Каменного Пояса, единственный уцелевший город-миллионник.

Его Верх-Исетск. Молот прожил здесь больше двадцати лет, и мегаполис входил в число тех немногих вещей, которые суровый металлист по-настоящему любил, несмотря на все недостатки и всю ту боль, что принесла столица в его жизнь.

За окном, через дорогу, на месте бывшего парка Архипова раскинулась рисовая плантация со складом, снабжавшая зерном добрую половину Юго-западного района. Рис теперь выращивали во многих городских парках, где это позволял ландшафт, и в поймах пригородных рек. Фермерское хозяйство за окном не входило в Корпорацию, и Константин раньше время от времени подрабатывал там. Последние месяцы, в период зимы, работы было мало, и он бездельничал. Видимо, настала пора искать новый род занятий, потому что от безделья человек начинает тупеть.

Это всегда говорил ему отец, которого не было рядом уже много лет.

* * *

…Когда Константину исполнилось двенадцать лет, отец стал учить сына играть на гитаре и рассказывать, какой был мир до Катаклизма. Мир этот казался ребёнку странным, огромным и чарующим — в нём были междугородние поезда, шумные бензиновые автомобили, самолёты, всемирная компьютерная сеть Интернет, связывающая далёкие страны между собой. В нём были гигантские теплоходы и маленькие сотовые телефоны, по которым можно говорить в любой точке города. В огромных городах в незнакомых частях света в нём жили миллиарды людей, говорящих на тысячах разных языков. Его отец родился в огромной стране, самой большой по площади стране в мире, две столицы которой превышали Верх-Исетск и по населению, и по размерам, и по высоте небоскрёбов.

На дворе были две тысяча пятидесятые. Теперь от страны остался лишь крохотный кусочек с населением в пять миллионов человек. Осталось самое необходимое из того, что было раньше, и остался город. Постаревший, отрезанный от своего прошлого, осиротевший без старших братьев, но почти не изменившийся за четыре десятка лет. Зато добавилось много того, о чём раньше было сложно подумать.

Отец Молота, Максим, был родом с Урала. Он родился в Челябинске, в начале девяностых годов прошлого века, ещё до Катаклизма. Мать Константина родилась в Ревде, небольшом городке — родители были одними из тех немногих людей, кто помнил старую, сгинувшую и забытую реальность, которая превратилась в реальность нынешнего Верх-Исетска.

Сначала, в середине две тысяча десятых, когда люди прозрели и отошли от первозданного хаоса, возникла Империя Каменного Пояса. После наведения порядка власти решили объединить вокруг Верх-Исетска все районные городки, а в перспективе и более отдалённые города — Челябинск, Миасс и Златоуст, которые, по слухам, остались невредимыми.

Но Челябинск отказался идти на контакт, а вскоре на юге возникла гигантская тридцатиметровая стена вдоль всей бывшей границы областей, считавшаяся не то аномальным явлением, не то происками мифической Японской Империи, на которую списывали все беды. Первоуральск и Ревда, бывшие некогда крупными пригородами, в восемнадцатом году объявили о независимости и создали Республику Реки Чусовой. Подобные карликовые государства тогда возникали по всему Среднему Уралу, как грибы после дождя, но население большинства из них не дотягивало и до пятидесяти тысяч. Новоявленный сосед с двухсоттысячным населением показался Императору опасным. Через три года Империя вторглась в Первоуральск и Ревду на

старых танках и сравняло два города с землёй, истратив почти все боевые и топливные арсеналы бывшей Федерации. Выжившее мужское население двух городов было уничтожено или порабощено, но Максиму с семьёй удалось выбраться лесами из осаждённого города в одну из нетронутых деревень. Константин потом искал эту деревню на карте, но так и не смог найти.

Через год супруга не вынесла тягот жизни и ушла куда-то на Запад, откуда ещё никто не вернулся, оставив Константина с отцом одних. В Верх-Исетск они переселились в две тысяча тридцатом, тогда в стране был установлен контроль над северными территориями, и к власти пришла Корпорация.

Город к тому времени оказался разделён стеной на Внутренний и Внешний. Отец пропал, когда сыну было семнадцать, во время беспорядков в городе. Перед этим он подолгу стал пропадать по каким-то секретным делам, которые скрывал даже от сына, а потом просто ушёл из квартиры и растворился в глубине улиц Внешнего города.

Отец. Последний родной человек. Был он сейчас жив, или нет, Константин не знал. Отцовская гитара и умение играть — вот то единственное, что осталось в наследство. Иногда приходила в голову мысль — будь отец рядом, возможно, Константин бы и не стал трэш-металлистом[1], отдав своё сердце более лёгким и гуманным разновидностям рок-музыки. Но нелёгкая судьба сама привела юношу к этой редкой и суровой субкультуре. Благо, физически он был силён, характеру металлиста соответствовал, потому и выжил, худо-бедно дожив до тридцати пяти.

Размышления прервались грохотом железной двери — запирать квартиру в коммуне считалось дурным тоном, но металлический дверной каркас остался ещё с конца двадцатого века. Молот вышел из кухни, потряхивая бутылочку, чтобы кефир стёк со стенок на дно.

На пороге стоял Каиров, пожилой председатель жилсовета коммуны, за спиной маячили Стенов и Стрекалин, которых за глаза называли «братцами-акробатцами». Последний — бородатый двухметровый качок в футболке с Пинк Флойд — молча проследовал в комнату и выключил магнитофон. Константин заподозрил неладное. Он и сам был не из робкого десятка — метр семьдесят пять ростом, но коренастый и крепкий, однако эту парочку «вышибал» Молот не любил.

— Вот что, Константин, — сказал Каиров, делая скорбное лицо. — Ты не обижайся. Коммуна приняла решение лишить тебя права совместного проживания. В течение суток ты должен покинуть наш дом.

— Дядя Эдя, но за что?! — Константин чуть не выронил

бутылку от неожиданности. Подобные изгнания случались очень редко, да и отношения с председателем жилсовета казались до сего момента не то, чтобы отличными, но, по крайней мере, неплохими.

— За что?! Ты когда последний раз нам в хозяйстве помогал, ёлки-палки! — протараторил Стрекалин. — У пушки на крыше когда дежурил? Работать не хочешь, бюджет последний раз пополнял два месяца назад. Не женишься всё, а это было условием.

— Девушку привёл — думал, уж остепенишься, а сейчас делась куда-то, — спокойно-уверенным тоном продолжал Каиров. — Потом, музыка по ночам орёт, не достучаться, тише не делаешь. Товарищей, опять же, приводишь сомнительных. У нас, конечно, рокерская коммуна, мы ценим таких, как ты, но сатанюг и «мясников» малые детишки с мамашами пугаются. А ещё и алкоголь пьёте.

Чёртовы предубеждения. Никакие они не сатанисты, просто красятся под мертвяков. Середина двадцать первого века, а мышление у пожилых как в перестройку, стереотипное — все субкультуры в одну кучу мешают. Иные металлисты подоброе и обходительней «попсовиков» будут. Пожилых людей, как любой из настоящих металлистов, Молот уважал, но слышать от них такое было огорчительно.

— Но последняя капля, переполнившая чашу терпения, — закончил свою речь председатель. — это вчерашние выстрелы в твоей квартире. Нет, такие товарищи нам не нужны.

Константин нахмурился, и Стенов похлопал толстенной ручищей Молота по плечу.

— Ты уж давай, брат, на нас не сердись. Сейчас свободных хат много, жильё ты найдёшь. А жить с тобой совсем тяжко стало, у меня жинка по ночам всё головными болями мучается, а ты…

— Да пошли вы все! — рявкнул Молот, швырнул бутылку в стен, едва не попав в последнее уцелевшее в квартире стекло, и пошёл в комнату. Гости ушли, побоявшись, что металлист начнёт бузить — все знали, что драться он умеет, хоть и не любит.

Приступы ярости случались с Константином очень редко, и он уже давно умел их останавливать. Спустя пару минут он успокоился, и, решив не медлить, начал собираться. Скидал диски, старые кассеты и другое нехитрое барахло в торбу. Достал спрятанный в шкафу чехол с отцовской «Ямахой»[2] и положил в карман два рожка патронов к АКС-74У — к тому самому, из которого стреляли вчера его пьяные гости. Сам автомат забросил на плечо, под куртку. Съел одиноко лежащий в холодильнике кусок колбасы. Обошёл последний раз комнаты, служившие ему

приютом последние пять лет, затем хлопнул дверью и шагнул в общий коридор. Резво сбежал по лесенке вниз, не здороваясь с проходящими мимо соседками, и вышел из подъезда.

На улице за рисовыми плантациями послышалась пара выстрелов — похоже, в глубинах Юго-Западного района, где были изолированные индуистские общины, опять назревал какой-то конфликт Корпорации с повстанцами. У подъезда, перед воротами ограждения, стояли четверо старейшин коммуны во главе с Каировым.

— Говорят, у тебя сложно с финансами, — сказал председатель, выйдя вперёд. — Мы посоветовались и решили дать тебе денег на первое время, чтобы обжиться на новом месте.

Старик протянул две бумажки по пятьсот иен. Молот усмехнулся, вытянул банкноты из сжатых пальцев старика и демонстративно бросил вниз. Пусть лучше он будет без денег, чем с такой подачкой. Каиров пожал плечами и поднял деньги — спорить старейшина не любил.

Стенов разомкнул ржавые ворота и пропустил металлиста вперёд, на улицу. Когда стальной засов на двери со скрежетом закрылся, Константин невольно обернулся. Старая двенадцатиэтажка, возвышавшаяся позади, вдруг показалась такой до боли родной, что металлист не выдержал, сбросил с плеча автомат и проорал в свинцовое уральское небо:

— Грёбаный социум!

Панки-бомжи, сидевшие на картонках у ворот коммуны, испуганно разбежались по сторонам, а на душе почему-то полегчало.

(Путник)

Сначала казалось, что он медленно идёт через бескрайнее серое поле под пустым небом.

Потом он понял, что времени и пространства нет. На короткие мгновения ему удавалось почувствовать скорость течения времени, но большую часть его сознание пребывало в огромной пустоте, которую нельзя назвать ни пространством, ни тьмой, ни вакуумом. Это было Ничто — без пространственных и временных координат.

Но сознание сохранялось. Короткие вспышки — обрывки мыслей, фраз, вкусов и запахов позволяли его личности не расплыться, не исчезнуть в этой пустоте.

Постепенно обрывков-вспышек стало становиться всё больше и больше, и из них начала выкристаллизовываться реальность. Сначала разум осознал, что неплохо бы обзавестись телом. Зрение пока ещё не восстановилось, но обладатель разума

почувствовал своё сердцебиение и ощутил кожей лёгкую прохладу. Чувство равновесия подсказало, что тело находится в горизонтальном положении.

Затем появились слух и обоняние — они были слабы и неестественны, а когда он открыл глаза, то увидел расплывчатые, неясные силуэты. Он прислушался к своим ощущениям. На короткий миг ему показалось, что нечто подобное с ним уже было, но потом это ощущение ушло. Чувство тревоги и пустоты соседствовали внутри него с каким-то щенячьим, почти беспричинным восторгом.

Во-первых, он понял, что свободен. Во-вторых, — что забыл всё, что было раньше, и помнит лишь слова и фразы родного языка… или языков? Всё это казалось восхитительно новым, свежим, и, в тоже время, тревожным.

Память очистили, оставив только самые необходимые знания.

Высоко над ним с разной скоростью плыли разноцветные облака, казавшиеся размазанными кляксами на стекле, а лёгкий ветер доносил запах сырости.

Он поднялся. Посмотрел на руки и на тело — на нём оказалась лёгкая белая футболка и такие же лёгкие брюки. Светло-серая субстанция под ногами напоминала одновременно и мелкозернистый песок, и поверхность какой-то жидкости, наподобие масла. Когда он попытался шагнуть, субстанция липла к голым ступням и затем осыпалась, но ноги не проваливались — видимо, таковы были местные законы природы.

Серые барханы заполняли всё пространство вокруг, а вдалеке виднелся ярко-синий объект, выделявшийся из ландшафта, но из-за близорукости было сложно определить, что это. Интуиция подсказала — надо идти туда, и он пошёл…

Он. А кто он? На миг остановился и решил называть себя Путником, потому что новая жизнь началась с короткого пути по незнакомым барханам этого мира.

По мере приближения оказалось, что объект, к которому он направился — трёхметровый великан, сидящий в позе лотос и облачённый в синюю тогу. Голова у великана была слоновья. Путник откуда-то вспомнил название похожего существа — ганеша. Точно такие же великаны были в индийском пантеоне, но от этого субъекта не веяло никакой божественностью или страшащей инаковостью, он казался простым и естественным обитателем этих мест. Путник подошёл ближе и решил заговорить с незнакомцем.

— Привет! Не подскажешь, где я?

Свой голос показался ему непривычно звонким. На короткий миг в глазах существа он увидел удивление, смешанное с

испугом, но потом исполин ответил ровным, таинственным голосом, не меняя выражения лица:

— Ты находишься в стране Песка.

— Пустыня? В какой части света?

— В верхней, разумеется.

Так, интересно. Мир, разделённый на верхнюю и нижнюю часть…

— А нижняя тогда где?

Синий исполин слегка повернул свою массивную голову и снисходительным тоном объяснил:

— Внизу, под нами. Придёт время, и она станет верхней частью, а то, где мы находимся — нижней. Это же очевидно. Наша страна устроена очень просто.

Путник обошёл великана вокруг.

— Просто — это хорошо… Как тебя зовут?

— Слонотавр. Синий слонотавр.

«Слонотавр» не походило на имя — скорее, оно напоминало мифологического «минотавра». Путник решил, что у существа или нет имени, или оно его скрывает. Немногословность собеседника немного раздражала, но вопросов хотелось задать много.

— Много вас тут?

— Мало, — ответил слонотавр, не поворачиваясь.

— А всего жителей? Людей? Много?

Собеседник промолчал. Похоже, вопрос прозвучал глупо.

— Хорошо. Ты не подскажешь мне, кто я? Я… почему-то забыл.

Слонотавр довольно прищурился.

— Забыл — это хорошо, — проговорил исполин, пародируя интонацию Путника. — У тебя глаза разного цвета. Роста невысокого. Европеец. Худой. Волосы тёмные. Выглядишь немного наглым, но, в то же время, неуверенным. Мне кажется, ты прошёл уже много миров, и теряешь память не в первый раз. Но это всё не важно, — сказал исполин, повернулся и достал хоботом из украшенной бисером сумки дыню. — Теперь ты тот, кем хочешь себя видеть. Утоли жажду.

Идеально круглая дыня, покрытая странной, потрескавшейся кожурой, оказалась сочной, но совершенно безвкусной. Путник подумал, что или у него пропали вкусовые ощущения, или вся пища в этом мире не имела вкуса. По сути, это теперь не так важно — в этом Путник полностью согласился с слонотавром.

Солнечный свет заливал всё пространство вокруг, и это забавляло. Источник света был далеко, и Путник не мог определить, в какой стороне находится светило. Это добавляло

ощущение свободы. Пока он затруднялся сказать, от кого или от чего он теперь свободен — ведь разум очистился, но смена обстановки на столь диковинную сама по себе вызывала радость.

Тревожную, неспокойную радость. Как будто кто-то мог её отобрать.

— Куда деть корки? — подумал вслух Путник.

— Кидай прямо на землю, — разрешил синий слонотавр. — Всё, что лишнее, песок времени забирает сам. Ты уже побывал к городе?

Город. Опасность. Бетонные и кирпичные здания, бег по пыльной улице. Мысли о городе, городские образы и лица других людей находились где-то совсем близко, но их словно кто-то сдерживал, не позволяя информации подняться на поверхность сознания, как бывает после пробуждения ото сна.

— Возможно… я не знаю, — признался Путник и последовал совету. Корки утонули в песке. — Что за город?

Слонотавр пожал плечами.

— Я мудр, но мало знаю о нём. Большой город, столица Страны Каменного Пояса. Миллион разумных созданий живёт в нём. Или больше. Там много техники, много деревьев и больших домов. Там время течёт по-другому. Надеюсь, мне ещё удастся побывать в нём. Сюда иногда заходят люди из города. Но только просветлённые.

— А, так ты тут главный? — предположил Путник.

— В странах, подобных нашей, все равны. Нет главных и второстепенных, все свободны.

— Но зачем ты здесь, что делаешь?

— Сижу. Жду перемен, — слонотавр прикрыл глаза.

До чего же немногословны местные жители, подумалось Путнику. Но это тоже совершенно неважно. Важно, что он свободен теперь. И находится в свободной стране.

Солнце погасло почти мгновенно, и исполин вытащил из сумки старинный светильник. Странно, но почти все движения он совершал хоботом, а руки так и остались покоиться на коленях, в позе лотоса.

Путник решил остаться рядом со слонотавром и прилёг на землю.

— Тут всегда так быстро темнеет?

— Всегда. Иногда медленнее, но обычно внезапно. Жаль только, спать не получится.

— Это почему? — удивился Путник.

— Москиты… Они летят к лампе.

И действительно — через несколько секунд полчища москитов прилетели откуда-то сверху и стали назойливо гудеть

над ушами, лезть в нос и уши, щекотать кожу лапками. К своему удивлению, Путнику эти ощущения показались приятными — видимо, у него не было никакой боязни насекомых. Стало душно. Путник поймал одного из комаров и поднёс к лампе, чтобы получше рассмотреть, что тот из себя представляет, но раздавленное насекомое превратилось в песок и просыпалось сквозь пальцы.

— Интересно… Как ты спасаешься от них?

— Медитацией, — проговорил исполин и добавил: — Всё равно они не станут нас кусать — им это не нужно. Они питаются временем.

Неожиданно песок времени под ногами дёрнулся и резко просел на пару локтей, Путник потерял равновесие и упал.

— Что это? — испуганно спросил он, поднимаясь с песка и отряхиваясь.

— Время уходит. Не волнуйся, это нормально. Послушай, ты выглядишь таким удивлённым, как будто первый раз оказался в таком странном месте. А выглядишь, меж тем, как опытный Путник. Если хочешь, я расскажу тебе историю о храбром, уравновешенном и доблестном Раме, не ведающем зависти и гнева? Возможно, тогда ты перестанешь выглядеть столь растерянным и невежественным.

— Ну, расскажи, — усмехнулся Путник и сел рядом в позу лотоса, копируя исполина.

— Красноречивейший среди людей, благоразумный Вальмики, — начал повествование слонотавр, — спросил у Нарады: «О добрый владыка, знающий веды! Скажи мне имя безгрешнего, того, кто превосходит всех отвагой и доблестью, знанием и добродетелью, верного в слове, прекрасного лицом, не подверженного гневу, способного в битве вселить ужас даже в небожителей». И ответствовал святой Нарада: «Таков Рама, сын царя Дашаратхи из рода Икшваку!»…

В рассказе исполина было такое огромное количество индийских имён, трёхэтажных эпитетов и совершенно непонятных слов, что нить и смысл повествования быстро потерялись. Монотонная речь рассказчика, слившись с комариным писком, превратилась в нудный гул, Путник закрыл глаза, сознание впало в дрёму, но уснуть в ту ночь так и не получилось.

Ночь длилась недолго, всего пару часов. Светало здесь так же быстро, как и темнело. Разноцветные облака с размытыми силуэтами снова проплывали над ним, снова дул свежий воздух, а москиты исчезли.

— Мне кажется, ты бездельничаешь. Не хочешь прогуляться?

— вдруг спросил синий слонотавр, прервав рассказ, и достал из сумки странный свёрток.

Путник подумал, что сутки, пусть и короткие, прошли чрезвычайно скучно, и согласился.

— Почему бы и нет. Ведь всё равно, я теперь свободен… мне нечего делать.

— Следуй вон туда, — исполин передал свёрток в руки Путнику и указал хоботом направление. — Там должен сидеть Красный Слонотавр, мой приятель. Отдай свёрток ему.

— Хорошо, с удовольствием, — кивнул Путник и зашагал в заданном направлении.

Ветер усилился, жидкий песок, казавшийся единой субстанцией, теперь медленно тёк куда-то направо. Путник подумал, что пока не видел в этой стране ничего, кроме песка, комаров и слонотавра. «Интересно, а есть здесь другая живность, кроме мошкары? — подумал Путник. — Должна быть, иначе чем питаться слонотаврам. Или всё, что нужно, они достают из своей сумки?»

Вспомнилось, что тоже неплохо бы поесть. Возник соблазн раскрыть свёрток, но Путник не стал этого делать — мало ли, вдруг там было нечто важное, и решил скорее добраться до второго исполина — может, он угостит чем-нибудь.

Путь длился около получаса. Когда цель уже была видна, и до неё оставалась пара сотен шагов, песок под ногами снова резко провалился. Путник понял, что такие циклы повторяются достаточно часто, и уже не был столь удивлён.

Красный слонотавр, как и его приятель, тоже сидел в позе лотоса, поджав массивные ноги. Левой рукой он придерживал небольшой барабан, а правой настукивал на нём незамысловатый мотив. Мелодия ему нравилась — зажмурившись, он покачивал слоновьей головой.

Музыка. Что-то неясное, и в то же время что-то очень близкое почудилось на миг Путнику, но он мысленно махнул рукой на подобные образы.

— Добрый день! — поприветствовал Путник исполина. Тот от неожиданности перестал играть и вздрогнул.

— Ты кто?

— Путник.

— Что тебе надо? — существо выглядело настороженным.

— Ваш приятель, синий слонотавр, попросил меня передать вам вот это, — человек протянул свёрток. Слонотавр развязал его и заглянул внутрь, его глаза округлились.

— Зачем мне это?! — воскликнул он. — И вообще, я не знаю никакого синего. Есть жёлтый слонотавр, он живёт вон в той

стороне.

Исполин отдал свёрток и показал налево от себя. Странно, почему он не знает своего синего собрата, если тот знает его? Путник сообразил, что расположение трёх слонотавров в Стране Песка образует равносторонний треугольник.

— Я извиняюсь, но у вас не найдётся ничего съестного?

— Хочешь есть? — существо усмехнулось, лукаво прищурив глаза.

Путник кивнул.

— Мы сделаем так, — предложил красный слонотавр. — Давай ты сначала отнесёшь свёрток обратно, а потом вернёшься ко мне, тогда я дам тебе вот это.

Хобот достал из сумки оттуда огромный окорок, зажаристый, с хрустящей корочкой, окутанный странной дымкой — как будто только что из духовки. Он точно должен быть не столь безвкусным, как дыня, которую отдал синий слонотавр, понял Путник и поинтересовался:

— Это говядина?

Существо посмотрела на человека с ужасом и осуждением.

— Это баранина. Как можно есть мясо священных животных! Сходи обратно, и тогда ты утолишь голод.

Идти обратно совсем не хотелось. Путник подумал и предположил:

— Может, мне можно просто оставить этот свёрток себе?

— То есть ты хочешь присвоить эту вещь?! — изумился красный слонотавр. — Так ты, чего доброго, меня обокрадёшь. И всех остальных слонотавров. В Стране Песка так нельзя…

— Нет, конечно, надо отдать свёрток обратно, — согласился Путник и направился к синему слонотавру.

* * *

Синий слонотавр заявил, что не знает жёлтого, и знаком только с красным. Получалась странная ситуация: местные обитатели знали — или, по крайней мере, делали вид, что знают — о существовании только следующего слонотавр, в то время как предыдущий им не был знаком. Синий казался разочарованным, он сказал, что надеялся на Путника и удивлён таким поведением своего красного собрата.

— Что ж, если красный говорит, что не хочет меня знать, то не стоит ему ничего отдавать. Я ему теперь не доверяю. Отдай тогда свёрток тому самому третьему слонотавру, о котором сказал красный. Больше некому.

— Почему бы тебе не оставить его у себя? — предположил Путник.

— Нельзя. Свёрток больше не может находиться у меня, иначе случится что-то страшное.

Сказав это, слоночеловек лукаво подмигнул. Загадочность начинала надоедать.

— Мне кажется, вы все меня специально путаете. Не мог бы ты меня угостить чем-нибудь, как в тот раз?

Синий слонотавр покачал головой.

— Нет, к сожалению, еда пока что кончилась. Иди сначала к жёлтому собрату и отдай свёрток, а там, глядишь, в моей сумке появится что-то новое.

Ситуация перестала нравиться Путнику. В принципе, прогулки от одного слонотавра к другому не сильно утомляли — видимо, в этом мире у него был совсем другой обмен веществ, нежели на земле, и конечности не уставали. По сам процесс напоминал издевательство. Он не мальчик на побегушках, он Путник.

Путник, забывший прошлое. Путник, который вечно в пути. Он думал, что он свободен, а на самом деле зависим от еды и от успеха общения с слоноголовыми мифическими существами.

— Нет. Я, пожалуй, пойду к красному слонотавру. У него есть окорок, он мне обещал.

— Ты знаешь, что время уходит? Кто знает, что случится, если ты не передашь вещь в свёртке своему законному обладателю? — сказал собеседник и снова принял невозмутимый вид. Добавил, когда Путник уже отвернулся. — Впрочем, поступай как знаешь, ты свободен.

Да уж, не о такой свободе он мечтал, когда попал в этот мир. Песок снова резко осел под ногами.

Когда он вернулся к красному слонотавру, снова наступила ночь. В землю около барабана был воткнут факел, он привлекал стаи мошек и москитов.

Исполин заявил, что не будет отдавать окорок, потому что Путник не выполнил главного условия — не вернул свёрток своему хозяину. Зато позволил утолить жажду — дал выпить воды из кувшина с узким горлышком.

Путь до третьего, последнего слонотавра был труднее остальных. Во-первых, приходилось пробираться практически на ощупь — звёзды на небе отсутствовали, а свет факелов остался далеко позади. Во-вторых, крутые спуски чередовались с резкими подъёмами на пути, пару раз Путник оступался и падал, правда, песок был мягким, и падать было не больно. И, в-третьих, москиты уже не казались такими безобидными — похоже, раз от

раза они становились всё больше и больше, грозясь превратиться в настоящих монстров-инсектов.

Человек решил, что следует искать источник света — ночью, как он понял, у каждого слонотавра ночью горит свет, чтобы привлекать комаров. Обогнув очередной невысокий бархан, он увидел тусклый, холодный столб света, бьющий от поверхности песка. Ускорив темп, он добежал до места, где должен был сидеть жёлтый слонотавра, и в удивлении остановился.

Около источника света не было никого, кроме стаек жужжащих москитов. Свет исходил от электрического светильника, который держала в руке статуэтка обнажённой женщины. Рядом валялась жёлтая накидка, кувшин и сумка.

Путник пригляделся к женщине, которую изображала статуя. Черты лица и фигура неожиданно показались знакомым. Возникло ощущение, что эта женщина сделала что-то очень важное в его жизни, но попытки вспомнить, где он мог видеть её, ничего не принесли. Очнувшись на песке, Путник сразу понял, что со своим прошлым он безвозвратно порвал, поэтому он прекратил размышления. К тому же, гораздо более важным сейчас казался другой вопрос: неужели владелец всего этого ушёл, просто так бросив все свои вещи? Подобное поведение выглядело странным.

Возможно, подумалось Путнику, есть ещё какие-то слонотавры, бардовые, зелёные, оранжевые, в полосочку, в конце концов, и этот жёлтый отправился к ним? Если так, то надо отыскать владельца всех этих вещей и отдать ему свёрток… Или… есть способ проще?

Он наклонился к сумке слонотавра и осторожно приоткрыл её. Яркое свечение на мгновение ослепило его глаза, привыкшие к полумраку Страны Песка, но, привыкнув к яркости, он увидел, что находится внутри.

Внутри находился одновременно и огромный, и микроскопически крошечный мир. Хотелось бесконечно долго наблюдать за ним, потому что это было прекрасно. Над лепёшкой, похожей на сдобную, неподвижно висело крохотное, но яркое солнце и тёмно-серая луна, под ними была подушка из облаков, а на поверхности разливалось маленькое море…

Стоп. А что если эта лепёшка съедобна? Путником овладел ужас. Если у жёлтого слонотавра в сумке есть сдобная лепёшка, являющаяся отдельным миром, то неужели та дыня, что съели вчера…

Снова стало светло, снова резко просела поверхность под ногами. Теперь она стала рыхлой, и Путник, проваливаясь в песок по лодыжку, словно в тёплый снег, помчался по барханам к

синему слонотавра.

Дорога обратно, к удивлению Путника, заняла гораздо меньше времени. Теперь первый слоночеловек находился в центре некоторого странного углубления и медленно поворачивался против часовой стрелки. На его слоновьем лице сияло счастье.

— Что за еду ты мне дал?! — вскричал Путник. — Что за чушь происходит? Ответь!

Исполин ответил только спустя два оборота.

— Это была Страна Дынной Кожуры. Пустыня, там жило не так много народу. Ты разрушил её, но это теперь не важно, она была неудачной попыткой. Время уходит… Ты передал свёрток кому-нибудь из слонотавров?

О боже… Он уничтожил целую страну… Целый маленький мир. И всё из-за какой-то жажды!

— Чёрт… Но жёлтого слонотавра нет… Он ушёл, остались только его вещи.

— Жаль! — воскликнул слонотавра, но блаженная улыбка не сошла с его лица. Его массивные ноги уже наполовину погрузились в песок. — Видимо, именно поэтому время течёт так быстро.

Внезапно Путник понял.

— Ты мне соврал, ведь так? Вы — синий, красный и жёлтый — знакомы, да?

Исполин удовлетворённо кивнул, поменявшись в лице.

— Да. Мы с Красным разыграли тебя, это было так здорово. Но не печалься. Мы испытываем тебя, и, похоже, ты силён и можешь стать одним из нас. Жёлтый ушёл ещё пару дней назад, но ты можешь надеть его накидку и стать слонотавром. Подумай, как это прекрасно — у тебя будет хобот, ты станешь мудрым и бесконечно счастливым. Ты сможешь создать и хранить свой собственный мир, играть на священных инструментов и поить проходящих мимо путников водой из кувшина. Скоро верхний мир поменяется с нижним и тогда…

— Но я не хочу быть слонотавром! — выкрикнул Путник. — Мне не нужен ваш хобот! Ответь мне, пока не провалился под песок… где я? Кто я?

— Ты — Путник, ты несёшь перемены. Но что за этим стоит — я не знаю, тебе может подсказать твоё подсознание. А где… В сети реальностей, в одном из миров. Ты ещё не доходил до края нашей Страны Песка? Попробуй, ведь она не такая большая…

* * *

Снова бег по барханам, снова внезапная смена дня и ночи… Под конец пути Путник заметил, что барханы поднимаются вверх, образуя длинную дугу, обрывающуюся в вышине и постепенно сползавшую куда-то вниз, под ноги. Он долго полз по её склону, пока не оказался наверху, и его рука не коснулась…

Стекла. Твёрдого, очень толстого стекла, которое постепенно поднималось вверх, и за которым зияла пустота с неясными, блёклыми силуэтами. На короткий миг в стекле Путник разглядел в стекле своё отражение — на него глядел худой двадцатилетний парень со странной седой прядью волос, но рассмотреть лучше черты лица он не успел. Присмотревшись к пустоте за стеклом, он смог различить складки, морщины на какой-то гигантской, космически-огромной поверхности, а оглянувшись назад, внезапно понял, что из себя представляет мир, в который он попал.

Три далёких источника света внизу, от которых он ушёл, образовывали треугольник, стремительно уменьшавшийся в размерах. Когда они слились в одну точку, вновь стало светло, и Путник увидел в центре мира большую воронку, куда стекал песок.

Он вспомнил про свёрток, который всё это время держал в руке, и наконец-то развернул его. Повернувшись обратно на свет, к краю мира, Путник разглядел, как далеко за стеклом стоит кто-то огромный, как галактика, смотрит на него, песчинку в этом песчаном водовороте, и плавно, словно в замедленной съёмке, машет гигантскими ресницами.

В свёртке находились песочные часы — две тонкие полукруглые стекляшки, внутри которых тек песок времени. До очередной смены времён оставалось чуть меньше минуты.

Точно в таких же стеклянных часах оказался он, Путник, свободный от неизвестного прошлого. Его свободу теперь ограничивали две стеклянных колбы и время, за которое песок перетекает из одной половины мира в другую.

Время уходило.

Страх навечно остаться в закупоренной колбе оказался сильнее Путника, и он понял, что мир вокруг должен разрушиться. Гигантская рука владельца внешних часов поднялась над бархатно-чёрной поверхностью накидки, и Путник побежал прочь от стекла. Бросившись в песок, он крепко сжал в руке маленькие песочные часы, что-то хрустнуло вокруг, и мир исчез.

(Третьи лица)

По зомбоящику показывали очередную ерунду

пятидесятилетней давности — долгий сериал со стрельбой и погонями на машинах. Кабельный канал в районе транслировался всего один, а по радиоволнам передач уже давно не велось, поэтому выбирать не приходилось. В качестве дополнительного развлечения приходилось играть в шахматы. Юрген выигрывал у Ромула — старик был старше и опытнее, и к концу партии у молодого латиноамериканца на доске осталось всего три фигуры.

— Король, пешка и слон, — проговорил Юрген, поправив старые очки. — Символично, мой друг, не правда ли?

— М-да, куда уж символичнее, — проговорил охранник и пригладил усы, делавшие его похожим на молодого Сальвадора Дали, только намного крепче и выше. — Хобот, вирус абсурда. Они просто окружили нас со всех сторон.

Юрген вздохнул, соглашаясь с напарником.

— Ваше благородие, а твой узбек точно приедет завтра? — спросил Ромул.

— Карим не похож на личность, готовую просто так обмануть, — старик откинулся на спинку резного стула и добавил, отрешённо глядя куда-то в салон. — Завтра ожидается сложный день, Ромул, очень сложный. Одна перевозка по городу чего стоит.

Ромул кивнул и сходил пешкой, метя в ферзи, а затем перевернул большие песочные часы, стоявшие на столе. Потом поднял срубленного ферзя и стал его разглядывать, как в первый раз.

— Кстати, а что будет, если он попадёт в заражённые миры?

— Не знаю. Может, оно и к лучшему, если там он осуществит свою функцию. Есть мнение, что все окрестные миры как раз и были созданы для таких случаев.

— Но в чём тогда его избранность? С виду такой хилый.

Юрген задумчиво поглядел в окно. Затем проговорил.

— Он Вестник Перемен. Для нашего мира этот Путник может стать своего рода мессией, но пока не осознаёт этого. Им владеют фобии, страх и неуверенность, возможно, именно из-за этого он стал тем, кем стал. Но я всё равно хочу ему помочь.

— Снотворного, которого ты вколол, точно хватит? Он не проснётся в дирижабле?

— Конечно. Местное его тело находится в спячке. Он переключился на вспомогательные в других мирах.

— А тот остров, куда мы его повезём, точно безопасен?

— Смотря… что ты под этим понимаешь, — задумчиво сказал Юрген.

Затем нерешительно взял слона — старинную резную фигуру — и поднял над доской, но звук за окном заставил резко

обернуться.

Шум электромоторов. Подобный звук мог издавать в этих краях по вечерам только один объект.

Старик с охранником бросили игру и подбежали к окну, Ромул осторожно раздвинул жалюзи. В вечерних сумерках на противоположной стороне дороги виднелись два припаркованных броневика с сине-зелёными эмблемами на боку.

— Шавки Корпорации, — процедил сквозь зубы Ромул. — Может, не по нашу душу? Вон, у киберготов в соседней коммуне снова оргии.

— Скорее всего, какая-то ошибка, — кивнул Юрген. — Не думаю, что кто-то мог их навести.

Ромул отошёл от окна, выключил телевизор и откинул крышку сундука, служившего когда-то давно кроваткой для племянницы Юргена. Под ворохом тряпок там лежал старый АК-47.

— Сейчас я им…

— Не надо! — остановил товарища старик. — Уверен, всё удастся уладить мирным путём. Лучше спустись в подвал, проверь, как там.

Двухэтажный дом, некогда многоквартирный, теперь полностью принадлежал часовщику. Охранник пробежал по коридору, свернул на лестницу и протиснулся в щель между стеной и старым комодом. Юрген придвинул комод ближе к стене и вернулся в зал.

Мирным путём не получилось. Вояки Корпорации разнесли замок выстрелом из индуктивника и вломились в мастерскую. Отлетевшие щепки разлетелись по салону, потревоженные часы зазвонили и загремели.

— Граф Юрген Нищцельский? — спросил скуластый лейтенант с противной козьей бородкой, возникший в проходе. Взгляд был стеклянным, как будто от наркотиков, хотя за подобное в войсках Корпорации приговаривают к расстрелу. Хотя, кто знает…

— Да, меня так зовут, — ответил часовщик и пригладил редкие усы, сдерживая внутреннее волнение. Потянулся к карточке-документам, но, похоже, солдат она не интересовала. Надо выглядеть спокойным и уверенным, и тогда они…

— Опять за старое? Шпионов теперь укрываете, пан Нищцельский?! — рявкнул лейтенант.

Нищцельскому стало страшно, голос задрожал.

— Я… всего лишь коллекционер-антиквар, часовых дел мастер. У меня графский титул, какие могут быть шпионы, о чём вы. Обратитесь к вашему начальству, генералу…

— Обыскать!

Пятеро крепких солдат разбежались по помещениям часового салона.

«Ковёр… — сердце старика истошно билось в груди, по лбу струился пот. — Я забыл накинуть ковёр на люк за комодом!».

— Хаким, тут что-то странное, — послышалось из коридора, в глазах старика побелело, и он рухнул в обморок.

[1] Трэш-метал (thrash-metal, варианты транскрипции — треш-метал, траш-метал) — одно из старейших разновидностей металлической музыки, давшее направление всем брутальным жанрам. Характерными чертами являются агрессивность текстов, стремительный темп исполнения, скоростные гитарные риффы и зубодробительная игра ударных инструментов.

[2] Yamaha — японский производитель мотоциклов, музыкальных инструментов и электроники. В данном случае имеется в виду электрогитара.

I. Соната. Эпизод 2. Охотник на слонотавров

(Абориген)

Константин Молот с молодых лет старался мыслить здраво и расчётливо. Первое, что он решил сделать на новом этапе жизненного пути — это найти ночлег. Поиск исчезнувшей девушки, работы, пропитания были невозможны без крыши над головой. Сначала подумал пойти к двум друзьям детства, живущим неподалёку — Алексу «Спонсору» и Егору «Троллю», но потом передумал. Они работали наймитами и жили в доме, принадлежащем Корпорации, а терять эту часть личной свободы Молоту пока не хотелось.

Самую приличную жилплощадь мог дать Дмитрий Хэви — один из наиболее известных в городе металлистов, являвшийся идейным лидером и проповедником старинных музыкальных традиций. Коммуна на проспекте Шараева, в которой проживал этот металлист, включала три многоэтажки, была престижной и вполне открытой — при желании, любой «свой» мог подселиться к ним на долгий срок. К тому же, Константин был знаком с Дмитрием уже без малого десяток лет. Проблема состояла в том, что товарищ жил на Вторчермете — районе весьма отдалённом и неспокойном. Металлист решил не рисковать и поехать к нему на транспорте.

Станция электротакси располагалась у стен опорного пункта, бывшего до Катаклизма крупным торговым центром. Сейчас там, помимо магазинов подразделений Корпорации, были медицинские кабинеты, частные мастерские и даже зловещий «обезьянник», в который отвозили воров и пьянчуг.

Константин неторопливо обошёл вдоль забора рисовую ферму и направился на лужайку с потрескавшимся асфальтом. Транспорта на улицах в столь утренний час не наблюдалось, лишь редкие велобайкеры на электромотороллерах неспешно проезжали куда-то по своим делам. Литр бензина стоил целое состояние и был доступен теперь только правящей верхушке, а нефть из единственного месторождения на севере шла целиком на нужды химической промышленности.

Электричество, правда, из-за альфа-батарей теперь стало дешёвым, но легковых электромашин производили мало. Все заводы Верх-Исетска и десятка провинциальных городков

выпускали, в основном, броневики и электротанки. Это стало нужным, чтобы противостоять натиску могущественных врагов — в первую очередь, загадочной Японской Империи, ставшей в две тысяча тридцатые господствующей мировой державой. Именно поэтому простая поездка по Внешнему городу на электромобиле стоила пассажиру сорока иен — столько же, сколько стоил небольшой мешок риса или новые брюки.

Иены были в ходу уже больше двадцати лет, сменив рубли. Постепенно старые банкноты пришли в негодность, а своих денег Корпорация не выпускала. Оборотом валюты последние десятилетия управляла Корпорация, и со временем ей стало удобнее пользоваться зарубежными банкнотами. Откуда они их брали — из беспилотников, или откуда-то ещё — неизвестно, как неизвестно и о других тонкостях взаимоотношений Корпорации и Японской Империи.

Из такси на стоянке доносилась группа «Отто Дикс», которых металлист не очень любил и считал «позерами». Константин подошёл к одному из малиновых «бобиков», скинул чехол с плеча и стал шарить по карманам. Гитара в чехле, зажатая между колен, медленно сползала и вместе с неприятной музыкой приводила Молота в негодование. Водила, зелёноволосый кибергот[1] лет тридцати пяти с выщипанными бровями, стоял у открытых дверей и надменно усмехался, наблюдая, как металлист нервничает.

— Кончай ржать, придурок, лучше подержи! — не выдержал наконец Константин. Он не любил киберготское движение, но в обществе, где деление на классы заменилось делением на субкультуры, выбирать спутников и соседей не приходилось.

— Гитара? — не оставляя презрения на лице, но, всё же, с некоторым интересом спросил водитель.

— Какое твоё дело? — огрызнулся Константин.

— Это не спасёт мир, — флегматично согласился кибергот, кивнул и небрежно, двумя пальцами перехватил гитару за гриф. — Хотя, может, и спасёт. Что-то тяжёлая она у тебя.

Ещё бы не тяжёлая — электро, не простая акустика-деревяшка. Впрочем, сейчас и акустику днём с огнём не сыщешь, после репрессий на музыкантов императора Купидонова — да и не надо это никому. После Катаклизма люди стали всё больше потреблять уже созданную за предыдущие века музыку, чем не создавать новую. Свобода распространения информации, полная демократия. Молот нашарил в карманах тридцать пять иен и продолжал рыться, пытаясь найти ещё монетку. По известному закону подлости, монетка упорно не находилась. Водитель посмеивался, наконец, не выдержал и проговорил нараспев:

— Что, не хватает тебе, неверный?

— Слушай, не довезёшь за тридцать? — попросил Константин. — По «урне» потом спишемся, верну тебе долг.

Водитель грациозным жестом выпустил чехол из рук и молча сел в «бобик», достал какую-то хитрую папироску и закурил. Молот поймал падающий чехол и со злостью замахнулся кулаком, чтобы посильнее врезать по оргстеклу, но увидел пристальный взгляд часового у входа в боевой пункт, поэтому лишь процедил сквозь зубы:

— Грёбаный социум.

Оставалось только покинуть район и отправиться в гости к товарищу пешком, через лес. С другой стороны, так даже лучше — сорок сэкономленных иен не будут лишними.

Февраль, несмотря на глобальное потепление, оставался самым холодным месяц в году, и температура в ночные часы опускалась ниже нуля. Константину стало зябко в кожаных брюках. Свернув на улицу Амундсена, одну из немногих в этих краях, оставшихся донашивать своё изначальное имя, он пошёл по аллее толстенных тополей, оплетённых виноградными лозами. Тополи уже давно сбросили листву, но малочисленные бригады наймитов-уборщиков до этой улицы до сих пор не дошли, и пыльные листья неприятно шуршали под ногами. Судя по едкому запаху, во дворах жгли какой-то пластик. Улица казалась сумрачной и неприятно безлюдной, Молот сбросил с плеча автомат и откинул приклад. Носить огнестрелы разрешалось, но стрелять просто так никто не собирался — патроны были в вечном дефиците, и автомат Константин носил больше для уверенности, нежели чем для стрельбы.

Вдруг напряжённую тишину разорвало пронзительное гитарное соло с балкона. Константин прислушался — он обладал обширными музыкальными познаниями, и узнал группу без труда. Это зазвучал ранний «Хэллоуин», немецкая металлическая команда пятидесятилетней давности. Через минуту с балкона на противоположной стороне улицы ответили не менее громкой отечественной «Арией». Старинное уличное баловство — «у кого громче». Константин невольно улыбнулся: хоть хэви-метал он слушал редко, отдав предпочтение более агрессивному трэшу, но эта старая музыка снова напоминала ему о детстве и об отце, которого не было с ним уже много лет.

Но погрузиться в воспоминания, как в предыдущий раз, ему не дал пронзительный свист сервоприводов, донёсшийся со стороны баррикады, которая занимала теперь просвет между двумя девятиэтажками.

Свист заставил Константина почти рефлекторно свалиться на листву. Такой свист издавал только японский боевой робот.

Металлист спрятался за старым тополем, напряжённо ожидая первого выстрела.

Первые японские боевые роботы появились в городе около пяти лет назад. Именно в то время возникла самая радикальная и самая подпольная городская субкультура — неодиггеры, которых побаивались даже шавки Корпорации.

В начале две тысяча тридцатых грянули массовые репрессии на ска и рэперов-ортодоксов, объединившихся в банды и учинявших мятежи и погромы. После отправки в зомби-лагеря последних организаторов мятежных субкультур, стан неодиггеров стал пополняться новыми членами, сменившими «веру». Хорошо вооружённые и законспирированные, неодиггеры были организованы ничуть не хуже любой мафиозной структуры двадцатого века и вскоре в буквальном смысле ушли в подполье, обосновавшись в городской подземке. На поверхности они ничем не выдавали своей принадлежности к «подземной касте», и подозрение в неодиггерстве часто становилось обвинением, предъявляемым властями.

Поезда метро в Верх-Исетске не ходили с самого две тысяча тринадцатого, и сначала туннели стояли заброшенные. Входы на десять станций единственной построенной до Катаклизма ветки почти сразу были замурованы и на случай мятежей контролировались войсками Корпорации. Но на выезд из депо, что на самой северной окраине города, неодиггеры успели поставить парочку лазерных пушек, сброшенных с японских беспилотников. Это были самые первые лазерные пушки в городе, тайком перенесённые по частям через леса откуда-то с северо-востока. Обосновавшись в метро, неодиггеры увеличили контрабандный поток и основали сеть подпольных мастерских по сборке и ремонту новой техники, постепенно втягивая в торговлю всё новые и новые микрорайоны. Именно так стали появляться свободные коммуны.

Ходили разные слухи, почему неодиггеры так удачно подпирают «упавшие с неба» японские комплектующие, и были ли в сговоре с Японской Империей, оставалось неясно. Так или иначе, японские боевые робомашины появлялись на улицах всё чаще и чаще, и представляли серьёзную угрозу как для мирных жителей, так и для Корпорации. Но оружие было не единственным следом японского мирового господства — небо давно принадлежало японцам. Тонны гуманитарной помощи — бичпакеты с быстрорастворимой едой, гигиенические изделия, одежда и даже детские игрушки — ежедневно сбрасывались на парашютах в больших коробках со стратосферных беспилотников во всех частях Внешнего города. Именно за обладание этими

коробками и шла бесконечная грызня между Корпорацией, свободными коммунами и различными воинствующими группировками, не дававшая городу прийти в себя…

Константин старался не шевелиться. Хотя, подумалось ему, если машина с боекомплектом, и пустит ракету с теплонаведением, он всё равно обречён. Интересно, какой идиот вывел робота на улицу? И зачем?

Надо выровнять дыхание, понял он — пар изо рта слишком заметен. Сверху сначала выключили «Хэллоуин», затем и «Арию».

Свист не прекращался, и Константину пришлось пролежать минуту не без движения. Наконец он не выдержал и осторожно приподнял голову над кучей листвы.

Блестящая красно-белая — под цвет японского флага — робомашина, высотой в три метра, возвышалась над баррикадой из обломков бетона и старой мебели. Боевая часть была направлена на балкон на противоположной стороне улицы, откуда минуту назад играла музыка. Послышался детский смех.

Конечно, дети. Кто же ещё мог на такую глупость — просто так вывести на улицу боевую машину? «Нарожали имбецилов, — злобно подумал Константин. — Никакого воспитания».

Окошко на третьем этаже распахнулось, послышался прокуренный женский голос:

— Денис, паразит негодный, какого фига опять в ангар лазаешь! А ну немедленно вернул машину на место!

— Мы не нарочно, тётя Вика! — крикнули со стороны робота. — Чего они всякое старьё врубают!

— Я тебе покажу, сопляк, как классику старьём называть! — послышался старческий голос сзади. Константин обернулся — на балконе, откуда играл «Хэллоуин», стоял худой волосатый старик с залысинами, размахивающий какой-то архаичной ружбайкой.

— Эй, пацан! — не выдержал Молот, приподняв голову. — В прохожих стрелять не будешь?

Робот зашумел сервоприводами и повернулся в сторону Молота, тот, руганувшись, рефлекторно спрятался за тополем.

— Проходи, чувак, — послышался детский голос.

«Чувак! Какой я ему, блин, чувак», — недовольно подумал Константин, поднимаясь с листвы, но спорить с малолетним пилотом робота не стал.

Отряхнулся, подобрал чехол и пошёл дальше по Амундсена. Тётка с балкона и дед-металлист продолжали орать на детей, обстановка накалялась, и оставаться в квартале было небезопасно.

Спустя минуту небо расчертил след от беспилотника и почти прямо над головой, в полукилометре от земли, раскрылся купол

парашюта.

Выброшенный стандартный ящик размером полтора на полтора метра из грубых необтёсанных досок покачивался на ветру и собирался упасть в соседнем дворе.

Уже спустя полминуты народ высыпал на улицу. Немногочисленные прохожие срывались с места и бежали, стараясь успеть на раздачу барахла. Если повезёт, то общинный староста успеет раздать всё до приезда Корпорации.

Константину всё это было без надобности, и он ускорил темп.

Ещё через полторы сотни метров, немного не доходя до кольцевой автодороги, повстречались двое волосатых юношей — одетых в кожаные куртки и вполне адекватных на вид. Константин вспомнил, что видел одного из них в Урнете, на музыкальном форуме. В момент, когда они поравнялись, справа, за домами, послышалось несколько выстрелов, Константин оглянулся и увидел группу зелёно-синих броневиков, спешащих со стороны опорного пункта.

— Шавки бегут к кормушке, — сказал один из парней, повыше ростом. — Я говорил, это беспилотник пролетал, а ты всё «зонд, зонд». Интересно, что свалилось.

— Не ходите туда, парни, там придурки малолетние робота на прогулку вывели, — решил подсказать Молот. Чем меньше шуму, тем лучше.

Парни обернулись.

— Да, в той коммуне что-то стали дети беспокойные, — сказал второй, рыжий, с раскосыми глазами, подозрительно глядя на автомат Константина.

— Они уже так не первый раз, — поддакнул первый и, повернувшись назад, потащил за рукав второго. — Никакого воспитания. Пофиг, потом за рисом сходим.

Броневики на несколько секунд остановились напротив боевого робота, что-то прокричали в мегафон, а затем проехали мимо и повернули во дворы, откуда слышались выстрелы.

Рыжий уставился на Молота:

— А ты кто? Вроде, видел тебя раньше.

— Константин, — неохотно представился Молот и зашагал вместе с ними. — На Шахрина жил, может и пересекались. Я трэшер.

— Собрат, — отозвался рыжий и представился. — Олег. А это Трофим. Мы тоже металлисты. Кажется, видел тебя на форуме. А в чехле что, гитара?

— Угу, — сказал Молот, поставил автомат на предохранитель и повесил оружие на плечо.

Парни пожали руки Константину.

— Удивительно. Инструмент рабочий? — поинтересовался Трофим, кивнув на чехол. Он был постарше и повыше ростом своего спутника — почти ровесник Константина.

— Не вполне. Так, раритет.

Показывать инструмент не стал.

— Идёшь куда?

— На Вторчермет, — кратко ответил Молот, не объясняя подробностей.

— А пошли с ним? — предложил Олег. — Помнишь, я к Мстиславу предлагал прогуляться, который на проспекте Шараева живёт. У него комп новый, японский. Хоть взглянуть на него.

Представители одной субкультуры быстро находят общий язык, и подобное поведение отнюдь не выглядело наглостью.

— Через лес? А пошли, — согласился Трофим. — Если, конечно, Константин не против?

Японские компы были редкостью — почти вся электроника в городе была полувековой давности, производились лишь крупные радиоэлементы «обвески» — конденсаторы, трансформаторы, резисторы. Японские «новые» компьютеры, как правило, тоже были не вполне современными — десяти, а то двадцатилетней давности, но всё равно, за ними шла небывалая охота среди всех городских любителей электроники.

Попутчики, с одной стороны, могли быть лишней обузой, но с другой — через лесопарк топать с попутчиками, тем более братьями по субкультуре, куда безопаснее, поэтому Константин кивнул.

На перекрёстке Амундсена с бывшей окружной дорогой стоял блокпост Корпорации. Толстый кабель тянулся от подъезда ближайшей многоэтажки — видимо, там были установлены альфа-батареи самого большого формата — двухметровые, марки «Аэлита». Солдат в зелёной каске развернул лазерную систему в сторону Константина с парнями, которые выходили из кустов, затем послышался его голос из мегафона:

— Стой, кто идёт!

— Трое нас. Нам на Вторчермет! — крикнул рыжий Олег.

— Оружие есть?

— Два огнестрела, — ответил Трофим. — Патронов мало, обязуемся без надобности не применять. Карточки показать?

— Не надо. Валите давайте, — пушка отвернулась обратно, в сторону улицы.

Парни зашагали через потрескавшийся асфальт широкой шестиполосной дороги. Вдоль дороги была узкая полоса зелёных насаждений, разделённых заборчиками — «фруктовая зона». Сливы, черешни, виноград и яблони принадлежали десятку

ближайших общин, но половина урожая отдавалась на нужды Корпорации, для чего и была установлена пушка. Лес густой тёмно-зелёной стеной возвышался впереди. После Катаклизма и сопутствующего потепления многие деревья перестали сбрасывать всю свою листву на зиму. Константин шагнул в кустарники, оглянулся и прислушался — судя по звуку, со стороны города к лесу ехало несколько броневиков. Странно, сначала показалось, что они повернули вглубь кварталов. Трофим усмехнулся и подтолкнул Молота вперёд.

— Помню я этого солдафона. Он здесь частенько дежурит.

— Все бы у них такими пофигистами были, правда? — отозвался Олег, потом повернулся к Молоту. — Константин, а ты с семьёй живёшь, или один?

— Один, — сухо ответил Молот. — Были… женщины, но теперь один.

— Откуда родом?

— Первоуральск, — признался металлист. — Ещё до войны.

— Ого! Тоже оттуда, значит? — вклинился в диалог Трофим. — У меня родители были из Ревды. Ещё до Катаклизма родились. Потом, во время войны за Чусовую, во Внутреннем осели, сначала с Императором работали, потом сотрудниками… с шавками связались. А я не захотел там жить, в восемнадцать утопал от них.

— Ну, у меня в чём-то похожая история, — коротко отозвался Константин. Они входили в лесную тропинку, идущую вокруг невысокой горки, в былые времена называвшейся Лесничкой.

— У меня какое-то чувство… странное, — Олег остановился и стал вглядываться в лесную чащу. — Тут что-то изменилось.

Они пошли дальше, и скоро Константин невольно согласился со спутником. Молот знал этот небольшой лесопарк достаточно неплохо, и сейчас чувствовал, что с ним что-то не то. Последний раз он ходил сюда пару месяцев назад, со Стрекалиным, в сезон сбора диких груш и ягод. С тех пор лесной ландшафт неумолимо изменился, и виной тому была вовсе не смена времени года.

— Чёрт, смотрите, деревья… Они стали другими, намного толще! — вдруг осенило Олега, и он подбежал к одному из деревьев. — Смотри, и кора как будто другая, мягкая и пористая.

Они вышли на полянку, расположенную близко к вершине горки. Впереди возвышалось гигантское дерево с трёхметровым стволом и огромными наростами на коре. Высота превышала шестнадцатиэтажный дом.

— Это не сосны, — сказал Трофим. Вид у него был испуганный. — Я в энциклопедии видел, ещё мелким был. Это секвойи.

— Чертовщина какая-то, — Олег раздражённо замотал

головой. — Как они могли тут появиться? Вчера же ещё такого не было!

— Они в Америке растут, — Трофим погладил странную губчатую кору. — Или росли — фиг их знает.

— Опять мир глючит, — почесал затылок Трофим. — Помнишь, с горами какая фигня была лет двадцать назад?

— Помним, — кивнул Константин и смачно плюнул на густую хвою. — Говорят, такие аномалии вроде раковой опухоли для Земли.

Олег злобно пнул дерево.

— Грёбаные япошки! Вечно придумают какую-нибудь ерунду.

— Хе, тут не япошки, тут что-то совсем другое, — усмехнулся Молот. — Какая-то совсем другая сволочь, помасштабней. «Корпорация любит нас», мать её.

И тут Константин вспомнил, откуда столь странное чувство тревоги. Точно такое же чувство он испытывал семнадцать лет назад, перед уходом отца.

* * *

Постепенно секвойи стали уменьшаться в размерах и сменяться обычными соснами. Ближе к заброшенному военному городку, знаменитому прошедшей почти век назад эпидемией сибирской язвы, и вовсе исчезли. Сильно потеплело, иней на листьях превратился в росу.

— Я слышал, почему такое происходит, — прервал молчание Трофим. — У меня есть приятель во Внутреннем городе, мы по урнету общаемся. Он говорит, что эти случаи — из доказательств того, что мы после Катаклизма живём в виртуальной реальности. А кто-то из управляющих миром, там, снаружи, играется с «локациями». Как с игрушками. Тот приятель говорит, у него уже есть десятки таких фактов…

— Хм, и ты думаешь, это, типа, новая теория? — с сарказмом спросил Константин и смачно сплюнул. — Да о подобном варианте киберготы говорят уже лет семнадцать. У них даже есть фракция, самая радикальная, которая поклоняется Великим Администам. Верят в «реальный мир».

— Угу, слышал о таких, — мрачно заметил Олег. — У них на берегу Шарташа храмовый комплекс.

— Переиграл в игрушки старые твой приятель, — нахмурившись, продолжил Молот. — И фильмов насмотрелся, вроде «Матрицы» и тому подобных. Не люблю я подобную чешую.

— Нет, да ты пойми, — заспорил Трофим. — Теория

«Ядерного Четверга» с таянием ледников Антарктиды — это полная фигня. Тогда бы вся вода радиоактивная была. И береговая линия бы не так проходила, как сейчас. Намного ниже. А если бы астероид ударил — то нас бы не только затопило, но и оледенение началось, я читал. Ядерная зима. А у нас же тепло. И ты же слышал, что рассказывали узбеки?

Узбеки пришли в Верх-Исетск восемнадцать лет назад. Это были уже не те малообразованные рабочие, которые приезжали в город на заработки до Катаклизма, и которые бесследно исчезли, как и многие другие городские жители, вместе с прошлым миром. Двадцать тысяч образованных, по-городскому одетых среднеазиатов ровным строем пришли откуда-то с юго-востока, со стороны Челябинской Стены. Это были врачи, учителя, учёные — одним словом, интеллигенция, высший свет узбекского общества.

Они говорили, что бежали из города Новый Ташкент, подвергнутого разрушению. Этот город, как и Верх-Исетск, до этого тоже перенёс некий странный Катаклизм, произошедший, правда, не в тринадцатом году, а в двухтысячном. По их словам, пеший путь от родины до Верх-Исетска занял всего сутки, причём большую часть его они проделали в полной мгле, по какой-то странной бесконечной плоскости.

В первый год узбеки компактно поселились в пригороде, в Арамиле, где было много пустого жилья, но вскоре странные пришельцы заинтересовали Корпорацию. Большую часть семей насильно увезли во Внутренний Город, где была нехватка врачей и учителей, нещадно истреблённых в ходе имперских репрессий Купидонова. Сделали их «невыездными» и пристроили в каких-то секретных подразделениях. Остальные среднеазиаты пошли на север и восток и размешались среди полудиких обитателей северных провинций.

— Никогда близко не общался с узбеками, — признался Константин. — Но по тому, что я про них слышал, мне кажется, у них какая-то секта. Ты прав, «Ядерный Четверг», хоть в него верит большинство — это фуфло. Как и киберпанковая чушь твоего друга.

Константин почувствовал, что перегибает палку, начиная спорить с совершенно незнакомыми людьми — у него такое случалось. Оглянулся — шедший позади Трофим выглядел недовольным.

— Да, если б ещё кто-то знал, как устроен наш мир, — проговорил Олег и остановился на берегу небольшого разлившегося пруда. — Вот откуда в наших краях взялись пеликаны? Говорят, двадцать лет назад их тут не было.

Константин остановился, глядя на большую нахохлившуюся

птицу, одиноко сидящую у камышей на берегу.

— Многие знают, но молчат.

— Что знают? — уточнил подошедший Трофим.

— Как мир устроен, — Константин вернулся на тропинку. — Ладно, не будем об этом. Просто так говорил мой отец. Наверное, он сам знал. А пеликаны прилетели с восточных заливов на зимовку.

Какое-то время все шли молча, осторожно глядя под ноги — корни деревьев, пересекавшие тропинку в этих местах, были особенно мощные, и запнуться не хотелось.

— Тебе кто больше нравится, «Слэйер» или «Металлика»? — спросил Молота Олег, чтобы разрядить обстановку.

— «Сепультура», — отозвался Константин. — И «Мегадет». «Некроз», «Чёрный обелиск» из бывших наших.

— М, «Сепультура»! — кивнул Олег. — Бразильцы. А раннее творчество или позднее?

Константин хотел ответить, что, разумеется, раннее, но Трофим прервал их и быстро отошёл к пышным кустам рябины. Остальные, включая Константина, машинально последовали за ним.

— Погодите, там кто-то идёт. Автомат достань, Конст.

Молот сбросил автомат с плеча и откинул приклад. Конст. Давненько его не звали сетевым никнэймом.

Сам Трофим достал «Макарыча». Опасения оказались ложными — из-за кустов вышли две молодые девушки, одетые в длинные белые плащи. Увидев группу парней, они испугались и побежали через заросли папоротников куда-то влево, в сторону дороги.

— Гражданки, не бойтесь, мы не из этих, — сказал Трофим, пряча пистолет.

— Мы подумали, что вы из Корпорации, — одна из девушек подошла поближе. — Не разглядели. Слава Творцу!

У девушки были короткие светлые волосы и синяя точка на лбу. Выглядели они испуганными.

— Индуисты, — проворчал Константин, пряча автомат. — Вас-то как сюда занесло?

* * *

Индуисты были одним из молодых религиозных движений в городе. Религия с таким названием уже существовала в прошлом мире. Долгое время о них не было ничего слышно, и вновь о них заговорили после прихода к власти Корпорации. Это стало совсем

другое движение — они поменяли догматы и выбрали путь вооружённой борьбы. Свои коммуны, расположенные в окраинных районах, последователи ведической субкультуры держали закрытыми и хорошо охраняемыми. Они не признавали как современного оружия — индуктивных пушек и шокеров, так и обычных огнестрелов. Индуисты оборонялись и убивали только холодным оружием, мощными рогатками и самодельными арбалетами, не уступающими по боевой мощности индуктивникам Корпорации. В меткости и владении таким оружием им не было равных.

Впрочем, девушки, повстречавшиеся металлистам, выглядели вполне безобидными. Константину они показались даже в чём-то симпатичными, хотя он был далеко не романтиком.

— Наш Учитель отправил нас сюда, — сказала вторая девушка — высокая худая брюнетка с тонкой косичкой. — В этом лесопарке есть священная поляна с купавками — уральским лотосом. Есть медитировать здесь, твой атман[2] может посетить великие места за границами мира.

— Чушь какая, — усмехнулся Константин. — Какая разница, где медитировать. К тому же, ваш лотос отцвел ещё в прошлом апреле, теперь вам два месяца ждать придётся.

— Невежда! — воскликнула со слезами в голосе вторая девушка. — У нас всё получилось. Чем спорить, лучше бы подумал, как нам выбраться отсюда. Со стороны Вторчермета тропинки перекрыла Корпорация. Со стороны Юго-Запада и Академического, я думаю, тоже. Мы уже возвращались, когда увидели ограждение из колючей проволоки вдоль опушки.

Трофим с Константином переглянулись.

— Но как они успели? Мы шли через лес всего минут тридцать.

— Это как-то связано с теми секвойами! — воскликнул Олег. — Корпорация хочет скрыть от жителей факт аномалии, чтобы никто не знал.

— Зачем? — возразил Трофим. — Это бесполезно. Думаешь, никто из окрестных домов не заметит пятидестиметровых деревьев? Поверь, завтра все районные форумы урнета будут вопить про это дело. Ладно мы — когда подходили к лесу, с земли не так заметно было, тем более, что они за соснами спрятаны.

— Значит, скоро будет зачистка, и нам надо сваливать отсюда, — предположил Константин.

Все замолчали. Слышался лишь шум ветра в кронах деревьев.

— Куда сваливать?! — не выдержал Олег. — Мы окружены. С трёх сторон дороги, они оцеплены и перекрыты. С четвёртой

стороны, там — стена бывшего военного городка, цеха и склад Корпорации.

Трофим предложил:

— Зря мы боимся. Почему бы нам просто не выйти к шавкам и не рассказать, что мы случайно проходили мимо? Что мы такого нарушили? Думаете, не выпустят?

— Нас они точно не выпустят, — сказала брюнетка. Вид у неё был испуганный. — Вчера в Кольцово началась спецоперация против наших братьев. Говорят, назревает что-то важное.

— Хорошо, тогда мы пойдём одни, — Трофим потащил Олега за рукав вперёд по тропинке. — А вы уж как-нибудь сами. Конст, пошли с нами?

Молот неодобрительно покачал головой.

— Что, девок просто так бросить предлагаешь? Просто потому что индуистки?

Трофим махнул рукой и пошёл вперёд по тропинке. Олег пожал плечами и пошёл вслед за другом, бросив напоследок Константину:

— Конст, извини. Счастлива тебе.

Молот злобно сплюнул на траву. Вот и верь после этого малознакомым «собратьям» по субкультуре.

— Сестра Яна, — блондинка тронула спутницу за плечо, глядя куда-то вдаль стеклянным взором. — Отправимся обратно к священной поляне, выйдем в астрал и свяжемся с учителем.

— Елена, ты думаешь, у нас получится, и это поможет? — спросила Яна.

Блондинка пожала плечами.

— Ты же видела заброшенный склад неподалёку оттуда. Можно укрыться там.

И точно, вспомнил Константин. Он слышал про небольшой заброшенный склад, и даже, возможно, несколько раз проходил мимов — правда, никогда не предавал этому значения. Мало ли что может скрывать в себе уральский лес. Только…

— Девки, вы же как-то пробрались сюда мимо блок-постов, — сообразил Константин. — И ничего вам не было. И оцепление не могли так быстро соорудить. Уж не врёте ли вы мне?

— Мы пробрались в лес рано утром, — проговорила Елена. — И медитировали у уральского лотоса весь день. За это время можно было сделать многое.

— Ха, так и мы рано утром… — сказал Молот и осёкся.

Константин не носил с собой часов и поэтому посмотрел наверх, пытаясь найти солнце в кронах деревьев, чтобы сориентироваться по времени. Из-за низкой облачности разобрать, где именно солнце, было сложно.

— Сейчас что, уже обед?!

— Около пяти часов вечера, невежда, — ответила, странно улыбнувшись, Яна и отвернулась от него.

Похоже, «глючило» не только пространство, но и время.

Индуистки поспешили вглубь леса по узкой тропе, ведущей в сторону бывшего Уральского Научного Центра. Константин последовал за ними, решив, что сопроводит их до укрытия, а затем уйдёт самостоятельно. К тому же, он чувствовал, что находиться одному в этом лесу небезопасно. Аномалия с секвойями находилась по правую сторону от тропы, и Молот всё время оглядывался, пытаясь заново разглядеть деревья.

— Что, получается, там время по-другому течёт?

— Возможно, и так, — отозвалась Лена. — Мы не знаем — просвещённым, находящимся в трансе, всё равно незаметно течение время снаружи.

— Слышал про такое, — кивнул Константин. — Говорят, за Ивделем есть места с изменённым временем. Погоди, а что это там?

За кустами, в метрах пятидесяти виднелся какой-то огромный серо-бурый силуэт.

— А, мы видели его, — спокойно ответила Яна. — Это какой-то новый зверь, он появился вместе с этими большими деревьями.

Константин был не из пугливых. Человек, с детства приученный к тяжёлой музыке и живущий в странном неустойчивом мире, давно перестал бояться неожиданностей. Но когда он разглядел силуэты того, что скрывалось за кустами, то почувствовал холодок, пробежавший по спине. Константин сбросил с плеча чехол с «Ямахой» и снял автомат с плеча.

— Зубр? Это же зубр, да?

— Нет, это что-то из слоновых. Как ты можешь целиться в животных, невежда?! — воскликнула Яна, отодвигая руку с автоматом. — Просто не обращай внимания, не порти карму. Они все не важны для тебя. Мы скоро будем на месте.

Тропа повернула направо, и Константину открылся вид на поляну, усеянная цветами. Прошлогоднюю тёмно-зелёную листву пронзали светлые нежные побеги с круглыми жёлтыми головками, похожими на миниатюрные лотосы. На ветвях деревьев были повязаны ленточки.

Купавки цвели, несмотря на февральскую прохладу — эта картина одновременно казалось прекрасной и неприятно-пугающей, нелепой и неестественной.

— Вот оно, наше место, — сказала, улыбнувшись, Елена. Судя по её лицу, про преследование Корпорацией она забыла. — Мы знали, что они зацветут.

— И про то, что эти… секвойи появятся, вы тоже знали? — спросил Константин.

Девушки не ответили, перестав обращать на своего спутника внимание, и сошли с тропы.

— Э, девки! — крикнул Константин, догоняя их.

Индуистки с остекленевшим взором медленно шли по поляне, касаясь руками жёлтые бутоны, их губы шептали какие-то слова — не то мантры, не то заклятия. В этом было что-то жутковатое и прекрасное. Он пошёл с ними вниз по склону. Сначала промелькнула мысль о том, что надо остановить их и спросить, куда они идут, но потом почувствовал, что это всё не важно. Он сбросил с плеча сумку с гитарным чехлом и медленно опустился в позу лотоса на цветочной поляне.

(Путник)

— … Если вдуматься, то, конечно, во всём виноваты хоботы. Именно из-за хоботов они стали такими. Но ты зря ушёл из своих краёв, зря…

Было жарко. Он сидел в тени, прислонившись спиной к стволу какого-то раскидистого дерева, стоявшего у дороги. Рядом, в тени, медленно прохаживалось какое-то чёрное мохнатое существо с вытянутой мордой. Судя по узкой морде, характерной походке и пушистому хвосту, это был исполинский муравьед, только прямоходящий.

Вокруг них, насколько хватало глаз, простирались буро-красные луга с одинокими деревьями и пригорки, покрытые кое-где травой.

Саванна.

Путник посмотрел на свою одежду — оказалось, что вместо белой футболки он одет в лёгкие шорты и полосатую рубаху-безрукавку. Посмотрел на руки — судя по цвету кожи, он был негром. Он не удивился — негр и негр, что с того — вполне естественно для такого климата и ландшафта.

А собеседник, похоже, болтал уже давно.

— Мы сразу поняли, что с этими зверюгами надо быть осторожнее. А что делать, сейчас всем нелегко.

— Со слонотаврами? — вспомнил откуда-то Путник.

И тут снова, как холодной водой из ведра, окатило воспоминаниями. Точнее, не воспоминаниями даже — нечёткими, призрачными образам и обрывками мыслей, из которых яснее всего была мысль о том, что он ничего не помнит о себе. Ощущение это продлилось недолго, буквально десяток секунд, и потом растаяло, как забытый сон.

Муравьед удивлённо воззрился на собеседника.

— Да ты, Сэм, похоже, совсем перегрелся. Какие слонотавры? Мы тут о хоботунах говорили. Что делать с ними, решали, думали о твоём предстоящем подвиге. Ты же охотник. Посмотри, в твоей фляжке должна была ещё оставаться вода.

Значит, теперь Сэм. Охотник Сэм. Значит, хоботуны. Слонотавры. Какое-то знакомое слово, в нём есть что-то слоновье. Где-то он видел… или читал про что-то похожее, только вспомнить бы, когда? Осмотревшись, Сэм нашёл фляжку, напился прохладной воды и спросил:

— Так как тебя зовут, напомни?

— Максимильян! Максимильян из Солнечных Холмов. Неужели ты забыл.

Сэм кивнул.

— Забыл. О каком подвиге ты говорил?

— Эх, — вздохнул муравьед. — Ну и память у тебя. Придётся мне теперь всё с самого начала тебе рассказывать. А что делать, сейчас всем нелегко.

Собеседник уселся поудобнее.

Испокон веков Страну Антропоморфов населяли разумные существа разного вида, роста и размера, похожие одновременно и на людей, и на животных. Кто-то из них ел траву, кто-то плоды деревьев, кто-то — насекомых. Никто из них не был плотоядным, потому что нет ничего хуже, чем есть другое разумное существо. В стране проживало много талантливых личностей, поэтов и философов. Антропоморфы строили деревни, рыли подземные поселения, вели неторопливый образ жизни. Много веков продолжалась идиллия, но потом откуда-то с востока пришёл совершенно новый народ. Это были хоботуны. Большие и сильные, они обладали новыми технологиями и построили в предгорьях Предрассветных гор крупный город с шахтами и заводами. Постепенно они стали оттеснять старых жителей Страны Антропоморфов всё дальше, на запад.

Хоботуны. Какое-то знакомое слово, даже немного смешное и несерьёзное. Сэм снова напряг извилины, но ничего конкретного не вспомнилось, поэтому он решил не перебивать собеседника.

— С этих пор начались тяжёлые времена. Ты знаешь, Сэм, ведь самое обидное, что сначала хоботуны были добрыми. Они же антропоморфы, как и мы. Травоядные. А травоядные не могут быть плохими. Но, видимо, что-то случилось с их разумом. В последнее время, например, они стартуют с вершин Предрассветных гор на самодельных дельтапланах и поливают деревни какой-то водой из мешков. Из-за этого земля становится бесплодной. Медленно, но верно они выживают нас.

— Зачем? — вопрос прозвучал слишком наивно.

— Им лишь бы напакостничать. То же самое они делали с муравейниками нашего народа — выливали на них какую-то мерзкую воду из больших мешков.

— Что-то долго мы тут сидим, — сказал Сэм

Рассказ начал ему немного надоедать. Он вскочил с места и размял конечности. Свои движения показались какими-то странными, черезчур резкими. Максимильян тоже поднялся вслед за ним.

— Я предлагаю прогуляться до ближайшего поселения, в нём живут мангусты, — предложил муравьед.

Сэм кивнул, и они пошли.

Что сразу понравилось Сэму в этом мире — так это солнце. Здесь оно было настоящее, огромное, с лиловым оттенком. Палило, правда, нещадно, но одежда была лёгкой, а воды в фляжке оставалось прилично.

Дорога была асфальтовой, но уже давно нуждалась в ремонте — придорожные столбы вросли в землю, а в асфальте зияли дыры, заросшие травой, которые никто не собирался заделывать.

— Куда ведёт эта дорога? — спросил Сэм.

— Разве ты не знаешь? Эта дорога пересекает всю нашу страну, — пояснил Максимильян. — От берега, до южных пустынь, с севера на юг. Ты же пришёл по ней сюда. Жаль, но теперь никому нет до неё дела.

— Неужели в этих краях нет ни одного правителя?

— Почему, вожди есть. Но они ничего не смогут сделать со хоботунами.

— Не понимаю. Неужели вы настолько глупы, что не можете собраться все вместе и разобраться с городом этих чудовищ?

Сэму показалось, что он высказался немного грубо, и точно — Максимильян, похоже, обиделся.

— Мы не глупы, Сэм. А ты молод, охотник. Эх, вспоминаю себя в твои годы… — Антропоморф попытался сказать это как можно более мягко, чтобы не обидеть Сэма. — Но это хорошо, что твоё мышление категорично, ведь ты же герой по натуре. Именно такая личность должна разобраться со хоботунами, а не вожди.

— Разобраться? Я?

— Да, именно так, — муравьед остановился и изучающим взглядом маленьких карих глаз посмотрел на Сэма. — Ты должен спасти нас.

Да уж, сказка. Какая-то глуповатая выходит сказка, подумалось Сэму, но он решил не грустить.

* * *

Поселение мангустов оказалось совсем недалеко, оно расположилось на небольшом отдалении от дороги. Снаружи виднелись только норки, прикрытые картонными крышками-домиками, видимо, от дождя. Между норок резвилась малышня, а на пригорках столбиками, зажмурившись, стояли взрослые жители поселения. Носатые, худые и нелепо похожие на сказочных зверей.

Сэм посмотрел на своего спутника, прокрутил в голове его рассказ, и ему вдруг стало весело. Он понял, что напоминает этот мир с его очеловеченными персонажами — это была странная детская сказка, добрая, без насилия и войн. Наивный мультик, созданный на потеху детям. Только кем созданный, для чего? И почему он, Сэм, очутился именно тут?

И где он был раньше?

Где-то рядом в голове закрутилось настолько гигантское число вопросов, что Сэм замотал головой, как будто пытаясь вытрясти воду из ушей.

Постепенно жители поселения заметили приближающихся и стали перешёптываться. Ветер донёс до Сэма их голоса.

— Надо же, смотрите… Это он, тот самый.

— Тот, кто спасёт нас…

Неужели они все ждали его? Сэм понял, что теперь ему точно не уйти, и почувствовал за собой огромную ответственность за судьбу этого народа. Да что народа — за судьбу всей страны Антропоморфов, странной, но дружелюбной.

— Всё, Сэм. Завтра ты пойдёшь спасать нас, — сказал пожилой антропоморф в шляпе. — Меня зовут Бигль.

— Ладно, — неожиданно легко согласился будущий охотник на хоботунов. — Но, может, ты сначала представишь меня вашему вождю?

— Я и есть вождь этого племени. К сожалению, не приглашаю тебя к себе домой, у нас слишком узкие коридоры. Тебе придётся остаться снаружи, но я скоро вернусь. А что делать…

Когда вождь удалился, Сэм принялся разглядывать свои вещи — фляжку, одежду. Никаких намёков на своё происхождение он в них не увидел. На обед жители племени вынесли блюдо огромных апельсинов и каравай ржаного хлеба. Охотник хотел спросить, а нет ли у них чего мясного, но подумал, что это может вызвать нехорошие подозрения, и потому спросил про булки:

— Вы сами их печёте?

Вождь засмеялся:

— Нет, ты что. Разумеется, нет. Булки растут на специальных деревьях в долине Извилистой реки. Так же как и посуда, и другие нужные предметы. Все народы нашей страны пользуются

дарами реки. Жаль, что хоботуны оттесняют нас всё дальше на запад… Но ты-то уж точно сможешь справиться с этим, я верю в это.

Муравьед тем временем достал откуда-то большую корзинку с муравьями и запустил внутрь свой длинный язык. Маленькие дети-мангусты обступили их и дёргали муравьеда за длинную шерсть на хвосте. Он не реагировал. Бигль поморщился, глядя на трапезу антропоморфа.

— Фу, до сих пор не пойму, как вы их едите. Мерзость какая.

— А что делать, сейчас всем нелегко, — отозвался муравьед.

Бигль усмехнулся. Сэм спросил:

— А хоботуны большие?

— Они огромные, — сокрушённо покачал головой мангуст.

— Да ну, ты брось, — сказал Максимильян. — Не больше этого Сэма ростом.

Бигль стал спорить:

— Не правда, они больше, гораздо больше его! Ты же видел их дельтопланы.

Муравьед покачал головой.

— Зря споришь, он просто кажется тебе большим из-за крупных, торчащих в разные стороны ушей. Ростом он не больше этого парня, — Максимильян махнул в сторону Сэма.

Вождь народа мангустов задумался, а затем посмотрел на Сэма с уважением.

— Не знаю, может, ты и прав. Но глупо спорить с тем, что он, пусть даже будучи ростом меньше хоботунов, всё равно сможет победить их. Ведь Сэм смел и силён. А главное — обладает даром убеждения. Ведь он из Северного Королевства, так?

— Королевства? — не то спросил, не то подтвердил удивившийся Сэм.

Хорошо. Пусть будет Королевство.

— Да, без дара убеждения ему никак, — подтвердил Максимильян.

— Думаешь, что с ними можно договориться? — спросил Сэм.

— Конечно, — повёл длинной мордой муравьед. — Только добром и честностью можно победить коварство и подлость, разве это непонятно? Не надо быть такими, как они! Откровенно скажи их главарю, что тебе не нравится то, что все они делают. Что мы все устали от них. Предложи им мир, порядок и согласие, и не будь похожим на них. От твоего красноречия зависит весь успех войны.

— Хорошо, — кивнул Сэм, хотя рекомендация звучала весьма сомнительно. — Вы дадите мне какое-нибудь оружие?

— Оружие?! — воскликнул Бигль, и они с Максимильяном

переглянулись. — У нас нет оружия. Оно не нужно, ведь мы миролюбивый народ.

Сэм усмехнулся. Перспектива идти безоружным в незнакомый город, полный злобных тварей, не сильно радовала.

— Но вдруг мне не удастся договориться с ними. И как вы тогда предлагаете мне победить этих хоботунов?

Максимильян похлопал Путника по плечу.

— Это твоя война, Сэм, тебе самому решать как. Напоследок скажу тебе третье правило — не удивляйся ничему, что увидишь, и не сворачивай с пути. Помни — мы все верим в тебя. Даже я, хоть сначала и сомневался.

* * *

Племя вышло из нор, чтобы проводить Путника. При взгляде сверху мангусты казались такими трогательно-беззащитными, что Сэм снова ощутил ответственность за судьбу Страны Антропоморфов. Ещё ни разу он не чувствовал себя настолько важной, и в чём-то даже великой персоной, которой предстояло спасти всех их от гнёта ненавистных пришельцев.

Все вокруг молчали и глядели на него.

— Я спасу всех вас, — заверил их Сэм. — У меня всё получится.

— Мы надеемся на тебя, надеемся, что у тебя получится лучше, чем у предыдущих воинов, — с грустью сказал муравьед.

Сэм повернулся к Максимильяну. Его осенило.

— Ты тоже ходил к слонотаврам? Почему у тебя не получилось?

Антропоморф отвернулся. Похоже, воспоминания о неудаче приносили ему боль. Сэм решил не допытываться, и стал собирать вещи в дорогу.

Когда он уже отошёл на десяток шагов от поселения мангустов, то вдруг сообразил, что забыл спросить путь в город врага. Оглянулся и посмотрел на поселение — антропоморфы заворожено глядели ему вслед, провожая Путника. Возвращаться показалось стыдным — всё-таки, Сэм — знаменитая личность, хоть и новичок, поэтому он вступил на старую дорогу и пошёл по ней.

Редкие встречные прохожие почтительно кивали проходящему мимо Сэму, перешёптываясь между собой. «Это тот самый», — слышал он, и чувствовал огромное уважение к себе.

Поскольку старик Бигль говорил про Предрассветные горы, через полчаса охотник решил свернуть с дороги на восток, на

одну из тропинок. Начинало печь, приглядевшись, Сэм заметил в расплывчатой дымке очертания каких-то скал на горизонте и понял, что идёт в верном направлении.

Скоро дорога пошла немного вниз, и Сэм увидел впереди зелёные заросли. Лёгкий ветерок донёс до него запах свежести — видимо, там была та самая долина Извилистой реки, о которой упоминали мангусты.

Внезапно Сэм понял, что совсем не умеет плавать. Будет весьма неприятно, если он не сможет выполнить свою столь важную миссию из-за такого пустяка, как боязнь воды.

— Что, заблудился? — вдруг послышался немного насмешливый, блеющий голос.

Охотник на хоботунов обернулся. Перед ним стояло высокое, в два с лишним метра ростом, существо с длинными витыми рогами. В руках прямоходящий козёл держал длинную косу, отчего вид у незнакомца был немного зловещий.

— Как тебя зовут?

— Казимир, — ответило существо. — Я винторог, один во всём этом мире. Ты идёшь на восток, да? Что ты там ищешь?

— Меня зовут Сэм. Я иду воевать со хоботунами.

Путник еле поспевал за высоким антропоморфом.

— А, — улыбнулся Казимир. — Я что-то слышал мельком. Разве это не слухи? Ну что ж, удачи тебе. Тебе нужно перебраться на тот берег? Я могу помочь тебе перебраться, у меня есть лодка.

Резкость и неприятная манера общения винторога удивили Сэма, обычно здесь его встречали гораздо почтительнее. Но лодка совсем не помешала бы, поэтому он последовал за антропоморфом. Вокруг росли кусты со странными огромными стручками.

— Что это за растения? — спросил он Казимира.

— Это роща обувных деревьев. Таких осталось немного. Сейчас ещё не сезон, чтобы снимать их плоды.

Сэм разглядывал косу винторога. Выглядела она более чем устрашающее — с метровым лезвием, с рукоятью из чёрного морёного дерева. Настоящее холодное оружие.

— А зачем тебе коса? Так, на всякий случай?

— Она мне нужна. Тебе не нужна коса? Нет. Поэтому ты и не носишь косу.

«Странный он какой-то», — подумалось Сэму. Дальше до края рощи они шли молча.

Воды реки Извилистой оказались мутно-синими. Похоже, у её истоков стояли какие-то крупные химические заводы. Утлая лодчонка Казимира казалась малой даже для одного человека-козла, не то, что для двоих. Сбросив поклажу в воду, Сэм

осторожно шагнул в неё.

— Здесь крокодилы водятся? — в шутку спросил Сэм, посмотрев в воду. Отражения разглядеть не удалось.

— Теперь уже не-ет, — проблеял Казимир, взявшись за вёсла. — Крокодилов больше нет. Львов нет. Ничего нет. Одна саванна, река, и горы. Ты любишь природу? Я очень люблю природу.

— Зачем тебе коса, Казимир? — рискнул повторить Сэм. — Отбиваться от хоботунов?

— А что хоботуны? — задумчиво проговорил винторог. — Возможно, что и их тоже нет. И их города нет. Ты уверен, что это всё есть? Я вот не уверен. И мало кто уверен, но, может быть, и есть…

Сэм не выдержал и рассмеялся, чтобы разрядить обстановку. Смех прозвучал немного искусственным — антропоморф даже не улыбнулся. Похоже, он говорил всё это серьёзно. «Скверный он какой-то. Странный и скверный», — понял Сэм. До этого он не встречал ни одного такого жителя Страны Антропоморфов.

— А коса мне нужна, чтобы косить. Я люблю работать в поле. Ты вот любишь работать в поле?

— Признаться, не помню, когда в последний раз работал в поле.

Лодка причалила к берегу, винторог положил вёсла и, подняв косу, спрыгнул на берег.

— Мы приплыли, Сэм. — Казимир грузно плюхнулся на землю. — Ты когда-нибудь хотел стать косарём? Я вот с детства мечтал стать косарём. А сейчас, почитай, никто не хочет. Они все слепы. Они не понимают, как важна моя профессия. Без неё никуда, без неё все будут ходить босыми, можно сказать. Хочешь, я покажу тебе своё поле?

Сэм замотал головой. Казимир вдруг резко поднялся и подошёл к Путнику.

— А ты молодец, что решился. Молоде-ец, что решил отправиться в этот город хоботунов. Они все не нужны. Здесь, в поле, хорошо, здесь птички поют, солнышко, свежо!

Путник почувствовал, что от потока сознания Казимира начинает ехать крыша. С запада плыли тучи. Где-то вдалеке сверкнула молния. Антропоморф кашлянул и продолжил, как ни в чём не бывало.

— Тут с первыми петухами выйдешь из избы, возьмёшь косу, да как начнёшь! Красота. Скосишь, потом сложишь в кучи. Они пахнут свежестью, чистотой. Ты чувствуешь единение с природой, с идеальным пространством. Понимаешь?

— Какие петухи?! — вскричал Сэм. — Какое пространство? Природа… При чём здесь изба какая-то? Мы же в саванне.

— Приро-ода! — одухотворённо повторил Казимир, не обратив внимания на реакцию Сэма. — Нет ничего лучше дикой природы. А почему ты решил стать охотником на хоботунов?

Сэм сделал пару глотков из фляжки и задумался. Он не мог дать ответа на этот вопрос.

— Не знаю, как-то так само получилось. Я сидел под деревом, Бигль сказал, что я должен пойти охотиться, и…

Тут Сэм вспомнил странную фразу Бигля, которую он упомянул в самом начале: «Зря ты оттуда ушёл». Откуда ушёл? И кто он сам такой? Показывать своё невежество не хотелось, и Сэм решил спросить про другое:

— Ты что-нибудь слышал про Максимильяна?

Антропоморф кивнул.

— Я много чего слышал про Максимильяна. Слышал, что он хотел прославиться, стать великим. Говорят, про этого муравьеда было пророчество. Может, и про тебя было пророчество? Я не знаю.

— Почему у него ничего не получилось?

— Никто не знает. Возможно, он дошёл до реки и просто повернул обратно. Возможно, хоботунов нет. Возможно, это всё миф. Ты вот видел хоботунов? Я вот не видел. Может, и нету их вообще.

И вправду, подумалось Сэму, вдруг хоботуны — миф? Но тогда всё становится бессмысленным. И его предстоящее путешествие, и вся эта внезапно свалившаяся на него слава. Но почему тогда все только и говорят, что о нём и хоботунах?

На миг почувствовалось, что мир вокруг начинает рушиться. Громовые раскаты послышались совсем рядом, и вскоре на Сэма и козла обрушился ливень.

— Что растёт на твоём поле? — вдруг спросил Сэм

— Не важно. Я пойду работать. Очень удобно косить в дождь, — сказал Казимир, поднимаясь. — Ах, природа. Но ты молодец, что идёшь в город хоботунов. Если решил разобраться, так уж разберись. Уничтожь их, избавь наши народы от страдания. Возможно, в этом твоя судьба, твой смысл.

Стало немного поспокойнее. Дождь прекратился, а тучи переместились на восток. А этот рогатый не такой уж плохой, подумалось Сэму.

— Ты откуда, Казимир?

— Оттуда, откуда и ты, — хитрый огонёк загорелся в глазах винторога. — Мы очень похожи с тобой. Но мне пора поработать, не мешай мне работать.

Винторог повернулся и побрёл в сторону странного серого поля. Путник попытался разглядеть, что на нём растёт — там

колосились какие-то странные серые початки. Он замотал головой, чтобы избавиться от наваждения, а потом зашагал от безумца дальше на восток.

Чувство, что всё это происходит в каком-то странном бреду, усиливалось.

* * *

Сэм искал город хоботунов четверо суток. Сначала продирался сквозь безлюдные заросли до Предрассветных гор прямо на востоке, потом, не найдя там никаких следов цивилизации, повернул на север и пошёл по предгорьям вдоль хребта. Недостатка в пище он не испытывал — в этих местах было полно хлебных и фруктовых кустарников, но снова возникшее чувство одиночества не давало ему покоя.

Оставшись один, Сэм много думал. Во-первых, он размышлял о хоботунах — кто они, откуда они могли взяться. Как выглядят, чем питаются, каков их образ жизни. Маленькие они, или большие. Ему ничего не было известно о них, кроме того, что у них есть хобот, и поэтому они могли оказаться кем угодно. Большие сомнения вносили слова Казимира, но каждый раз, как Сэму начинало казаться, что хоботунов не существует, он сразу старался прогнать эти мысли и переключался на что-нибудь другое.

Во-вторых, Сэм размышлял о том, кто он сам. Где он родился, кем работал раньше, была ли у него семья. Думал о родителях, лица которых не мог вспомнить. Отсутствие воспоминаний, вместе со столь восторженным приёмом антропоморфов настораживало. Почему именно он, почему ему поручена такая задача? Но попытки вспомнить хоть что-то из прошлого были подобны попыткам пробиться сквозь твёрдую, монолитную стену.

Странным казался сам момент, когда Сэм впервые очнулся у того дерева на дороге — это могло быть и неким пробуждением после долгого сна, и, наоборот, погружением в некую спящую реальность. Сэм уже бессознательно понял, что этот мир для него чужой, что он пришёл из другого мира, или миров, но понять, откуда именно, он не мог.

Периодически казалось, что его настоящее тело, настоящая сущность потеряна, находится где-то далеко отсюда, и, возможно, просто спит. Но если Сэм и сейчас находится в пространстве сновидений, то почему тогда здесь есть смена дня и ночи, и почему по ночам он видит сны? Странным казались и слова Бигля о том, что Сэм «зря ушёл» из какой-то далёкой страны и намёки

Казимира на их родственное происхождение.

И, в-третьих, он думал о будущем. Сэм видел два варианта, что будет после того, как он доберётся до города хоботунов. Первый вариант был удачным — допустим, ему удастся победить главного хоботуна, хотя теперь полностью осознавал, что совершенно не понимает, как это ему сделать. В этом случае его всенародная слава победителя укрепится, и перед ним будут открыты все двери. Второй вариант был неудачным — допустим, он так и не найдёт этот затерянный город хоботунов, или найдёт, но не сможет победить их вожака. В этом случае он разделит судьбу Максимильяна, его будут дразнить неудачником, и он вечно будет скитаться по этой странной стране.

В любом случае, вдруг понял Сэм, он будет здесь чужим, лишним в этой стране Антропоморфов, и что делать после, он не знал. Получается, он человек без прошлого и без будущего? Об этом думать не хотелось.

На пятый день пошёл дождь, перешедший в тропическую бурю. Сила ветра и потоки дождя были настолько сильны, что промокший охотник не знал, где ему укрыться. Под конец он обнаружил ямку, прикрытую листом не то шифера, не то какой-то доски, залёз под неё и уснул.

Очнулся он оттого, что кто-то большой схватил его и, перекинув через плечо, понёс куда-то на север, по горным тропам.

— Э, ты кто! — воскликнул Сэм, молотя кулаками по массивной спине. — Куда ты меня понёс?!

— Ты потерявшийся, — пробасило существо. — Всех потерявшихся нужно относить в город, выкармливать и отпускать на волю.

Сэм обрадовался. Город! Значит, всё же он существует, и путь через заросли был пройден не зря.

I. Соната. Эпизод 3. Табу жителей бункера (а)

(Путник)

— Надо работать, — сказал гигант и, посадив Сэма в клетку, утопал куда-то по делам. — Сиди, потерявшийся.

Тростниковая клетка с матрацем не запиралась и служила, по-видимому, больше для проформы, чем для изоляции. Осмелев, охотник вылез из неё и решил осмотреться.

Город был прекрасен в своём механическом совершенстве. Раскинувшись на нешироком горном плато, он представлял собой рукотворный оазис в полупустынных краях, функционирующий по принципу улья или муравейника. Хоботуны оказались гораздо более человекоподобными, чем другие антропоморфы — за исключением, пожалуй, кожи, похожей на мягкий вельвет, и самого главного — хобота. Рабочие хоботуны жили в гнёздах, свитых на вершинах тесно посаженых коренастых деревьев. Огромные фуражиры, чей рост превышал шесть метров, занимались строительством и грузовыми работами. Где-то вдалеке крутились какие-то большие машины, зеленели цветники, грядки с зеленью. Везде кипела работа, все бегали, носили грузы и практически не обращали на охотника внимания, что вызвало у него лёгкое раздражение.

— Не подскажешь, а где ваш главный? — обратился он к одному из пробегавших рабочих. Тот резко остановился, махнув хоботом, и скомандовал:

— Потерявшейся, ты зачем вышел из клетки? Тебя должны накормить.

Есть к тому времени хотелось изрядно, но желание выполнить миссию казалось важнее.

— Где центр поселения?

— Вон там, — махнул хоботом рабочий.

В центре оказалось много строений, назначения которых Сэм не понимал. Прозрачные пустые купола над лужицами синей слизи, металлические крышки широких колодцев, садки с гигантскими насекомыми, похожими на увеличенных в сотню раз тлей. Хоботуны, несмотря на их дисциплинированность и дружелюбное отношение, казались не просто чужаками, а какой-то неведомой и опасной цивилизацией, не то возникшей самостоятельно, не то спроектированной кем-то извне.

Но что важнее — они казались чем-то иноземным, чуждым Путнику, словно ими заразили этот мир.

Жилище местного вождя находилось на вершине разноцветного дерева, посаженного на идеально круглом холме. Холм опоясывали прозрачные трубы, спускавшиеся к реке — непонятно было, то ли они сливают в реку что-то, то ли наоборот, закачивают из неё ярко-синюю воду. Сэм перелез через них и посмотрел наверх.

Сэм попробовал вскарабкаться по его коре, и с удивлением для себя обнаружил, что отлично умеет лазать по деревьям. В конце пути Сэм, зацепившись за толстую ветку, раздвинул густую листву сферической кроны и пролез в гнездо.

Внутри было гораздо просторнее, чем казалось снаружи — в жилище правителя города запросто мог уместиться здоровенный хоботун-фуражир, вздумай он полезть наверх. А вот сам правитель…

По правде сказать, Сэму казалось, что самый главный хоботун окажется большим, по крайней мере, больше рабочей особи — по логике, так и должно было быть. На деле всё оказалось не так — в центре гнезда, на пуховой подстилкой янтарного цвета возвышался большой цветок, похожий на лотос. В центре его лежал серо-коричневый, крохотный человекослон, чей рост не достигал и метра в высоту. Худое тельце было исписано татуировками, а руки украшали золотые браслеты. Рядом стояла женская рабочая особь, она держала опахало, которым обмахивала своего правителя.

— Я ждал тебя, Путник, — заявил главарь пришельцев, глядя в упор своими бледно-зелёными глазами. — Ты первый, кто зашёл так далеко.

Путник… Знакомое имя резануло по ушам. Какое-то удивительное ощущение наполнило Сэма — тревожное, смешанное. Когда-то давно, много лет назад, он уже был в подобной ситуации, сидя перед другим слоноподобным существом. Или не он это был?

Пол под ногами медленно затрясся.

Волнения переполняли Сэма. Он понимал, что сейчас должна осуществиться миссия, к выполнению которой он стремился всю свою сознательную жизнь — то есть, с того момента, как очнулся под большим баобабом на дороге. Промелькнула мысль, что он запросто может задушить и вождя, и самку-охранника, но потом Сэм понял, что не готов к убийству, и заговорил.

— Меня зовут Сэм. И мне… не нравится то, что вы делаете с народами саванны. Им всем очень плохо от этого.

— Пытаешься давить на жалость, Путник? — смекнул хоботун. — Хм, интересный приём. А ты уверен, что это нужно? Уверен, что мы делаем что-то плохое?

— Вы… уничтожаете огороды и пастбища, портите муравейники. Вы притесняете народы антропоморфов, хотите сжить их со свету… Разве так можно?

Хоботун поднял кончик хобота.

— Мы никогда не притесняли вас. Во-первых, мы не выходим далеко за границы своего города. Во-вторых, пустоши, через которые ты шёл, всегда были необитаемыми, и…

— Что значит «не притесняли нас»? — перебил хоботуна Сэм. — Не нас, а их, ведь я не родился в стране антропоморфов.

Хоботун хитро прищурился, подёргивая кончиком хобота. Молчаливая хоботуниха повторила выражение морды вождя.

— Да? Ну и откуда же ты родом?

Сэм старался выглядеть увереннее, поэтому он соврал:

— Я темнокожий сын одного из племён, живущего на севере.

— Каких племён? Человеческих?

Охотник кивнул. Существо усмехнулось.

— Юноша! Ты случайно очутился в нашем мире и не знаешь, что на севере нет человеческих племён! А твоё тело родом оттуда.

Очутился? Он знает?!

— Я неверно сказал, — отчаянно пытался поправиться Сэм. — Не совсем на севере, а на северо-востоке, за Предрассветными горами.

Вождь народа хоботунов хрипло расхохотался.

— До чего же вы, Путники, смешные! Здесь вообще уже давно нет людей. За Предрассветными горами ничего нет, там находится вселенская пустота, хаос, пограничье, поверь мне.

— Нет, ты ошибаешься! — воскликнул Сэм.

Вождь, покачав головой, спрыгнул со своего трона-цветка и подошёл к листвяной стене.

— Смотри, — сказал он, раздвинув ветки.

Сэм подошёл к нему и наклонился, чтобы посмотреть в образовавшуюся щель, но тот час же испуганно отпрянул от неё.

Непонятным образом они теперь находились на уровне облаков.

— Не удивляйся, просто у моего дерева телескопический ствол. Раздвижной. Я поднял гнездо, чтобы нам никто не помешал.

Сэм осторожно подошёл обратно и взглянул в прореху. На востоке, за хребтом Предрассветных гор, действительно зияла тёмно-синяя пустота.

— Мы не зря пришли именно оттуда, из этой пустоты. А людей, юноша, в этом мире нет нигде. Была небольшая группа одичавших, безумных особей, случайно забредших сюда, но они все вымерли ещё несколько десятков поколений тому назад. Что

делать, сейчас всем нелегко.

— Максимильян… ты знаешь его? — спросил Сэм, услышав знакомую фразу, и вернулся на янтарно-пуховую подстилку.

Хоботун кивнул.

— Он тоже был потерявшимся. Его выкормили и выпустили на волю.

— Так кто же тогда я?

— Не знаю! — лукаво проговорил хоботун и вернулся в своё ложе.

Врёт, подумалось Сэму, и он злобно нахмурился, сжал кулаки.

— Всё ты знаешь! — он хотел было наброситься на вождя этого племени и придушить, но вспомнил наставления Максимильяна и попытался успокоиться. — Ответь, я прошу тебя.

— Эх, Сэм-Сэм, — протянул хозяин города. — Тебя так просто обмануть. Это делают все, кому не лень. Ответь мне, как давно ты смотрел в зеркало?

И вправду, давно, подумал путешественник по мирам. Да что давно — за последние пять дней, что он помнит себя, он этого ни разу не делал! Проходя мимо ручьёв, он даже не удосужился вглядеться в собственное отражение. Уловив ход мыслей Сэма, главный хоботун достал откуда-то из глубины лепестков лотоса крохотное зеркальце и протянул его.

— Посмотри, Сэм. Взгляни на своё лицо.

Волосы на загривке встали дыбом, когда Сэм увидел существо, глядевшее из зеркала. Вскрикнув, он выронил зеркальце, оно упало сквозь переплетение ветвей куда-то далеко вниз.

— Ты обезьяна, Сэм, — спокойным тоном сказал хоботун. — Самец бурой мартышки. Разумеется, крупный, прямоходящий и бесхвостый. Антропоморф. Иначе и не могло быть — в нашей стране нет места людям. Все новички и пришельцы никогда не были и не станут здесь людьми, таковы правила. Если верить легенде, ты родился в королевстве обезьян, на юго-востоке континента. Ты был самым рослым из потомства последнего короля. По одному из пророчеств, именно детёныш последнего короля должен решить судьбу нашего мира. Но из какого мира пришло твоё нынешнее сознание — из стабильного, вроде Земли, или не очень, вроде Мира Корпорации, я не скажу. Да и не знаю. Неважно это всё. Знаю лишь, что когда ты появился в нашем мире, тебя решили направить дальше, к Извилистой реке, потому что здесь, как все считают, начинается война.

Сэм был ошеломлён. Он ощупал своё лицо. Ничего необычного он ранее не замечал — видимо, нос и брови

показались ему странными только сейчас, когда он осознал, на кого он похож.

— Война… но зачем… Почему вы поливаете с дельтапланов гадостью посевы остальных Антропоморфов?

— Это не гадость, Сэм, это удобрения. Благодаря этим удобрениям мы можем выращивать деревья, подобные этому. Это очень хитрое удобрение. Мы пытались объяснить Максимильяну и остальным, что это полезно, но это ничего не дало. К тому же, удобрение один раз случайно попало на кормовой муравейник в Солнечных Холмах, что усугубило недоверие. С другой стороны, мы, как внешняя угроза, чрезвычайно полезны для жителей Страны Антропоморфов — уже много лет, как мы пришли, у них нет междуусобных конфликтов, соперничества, и…

Сэм и подбежал к цветку и закричал:

— Ты всё врёшь! И зеркало твоё врёт! Я не верю никому из вас, это не могло быть моё прошлое.

— Просто ты потерял смысл жизни, который пытались тебе навязать, — неожиданно подала голос самка, и Сэм подумал, что она, похоже, не настолько глупа, как казалось внешне. — И никак не можешь понять своё предназначение.

— Мы можем помочь тебе с этим, — сказал предводитель и коснулся своего лица.

Щёлкнули едва заметные крепления, и хобот верховного хоботуна отстегнулся и упал, как плюшевая детская игрушка. На месте хобота был обычный нос, похожий на человеческий.

— Наши хоботы — механические. Ты можешь стать хранителем моего хобота. Пока он будет находиться в стране антропоморфов, баланс сил на континенте станет равным. Это будет добрым знаком примирения, придаст уверенности обитателям саванны.

Сэм принял из рук предводителя этот странный дар. Хобот был холодным, мягкая плюшевая ткань прикрывала какие-то сложные металлические механизмы. У Сэма возникло чувство, что он уже где-то видел этот странный, словно игрушечный хобот. Враг, оставшийся без хобота, теперь удивительно походил на человека — разве что кожа и уши оставались странными, и пропорции казались неестественными. Охотник на хоботунов молчал, глядя на вождя.

— Любой хобот — это рука наших Творцов, открывающая двери в миры, — загадочно сказал хоботун, и спросил. — Ну, так что ж? Ты согласен быть миротворцем?

Миротворец. Творец мира.

— А как же ты?

Правитель махнул рукой и посмотрел на самку.

— Я обойдусь. За мной и так неплохо ухаживают рабочие особи. Ступай, тебе дадут лодку и отправят вниз по Извилистой реке.

Сэм кивнул. Из листвы к нему протянулась широкая лапа хоботуна-фуражира, схватила за загривок и вытащила из гнезда.

* * *

Город со странными заводами остался позади. Река петляла между холмов, текла по ущельям и спускалась в подземные гроты. Места были незнакомые, но Сэм не сильно удивлялся тому, что не видел их ранее, когда шёл к хоботунам. Он вообще устал удивляться и чувствовал некоторое внутреннее опустошение — нелегко в один день потерять все жизненные ориентиры, оказавшись, к тому же, самцом бурой мартышки. В последнее до сих пор не верилось — он мыслил как человек, а значит являлся таковым.

С другой стороны, в неторопливом пути по реке было какое-то удивительное спокойствие, умиротворение, позволившее расслабиться и забыть о тревоге за своё будущее. Еды — спелых фруктов, орехов и капусты в лодке было предостаточно, и волноваться особо не приходилось.

Механический хобот, завёрнутый в тряпицу, лежал на носу лодки. Сэм чувствовал за собой большую ответственность в том, чтобы сохранить его невредимым, ведь это был не просто механический манипулятор — это был символ единения и стабильности этого странного мира.

Ближе к вечеру долина реки начала постепенно заполняться непонятным едким дымом. Сэм привстал в лодке и увидел на берегу десятки сгоревших деревьев. Кто виновен в них — жара, или некий неизвестный поджигатель? Приглядевшись, за деревьями он увидел множество маленьких огней, медленно движущихся в направлении, обратном течению реки. Сэм закашлялся, попытался пристать к берегу, но течение усилилось, и лодку понесло вперёд.

— Ну что, Сэм, удалось у тебя? Получилось ли? — послышался знакомый скрипучий голос. Путешественник пригляделся и заметил рогатую фигуру на берегу.

— Да, всё получилось! — крикнул Сэм. — Казимир, кто сжёг все рощи вдоль берега?

Винторог побежал вдоль берега, он выглядел удручённым.

— Антропоморфы, жители страны. Их тысячи. Они идут войной на город хоботунов. Они все сошли с ума. Думают, что я

со хоботунами заодно, поэтому они спалили всё моё поле. Моего поля больше нет.

— Что ты растил на нём?

— Не важно!

— Но хоботуны безобидные! Я был у них, их главарь отдал мне свой хобот. Теперь в вашей стране должен наступить мир.

Винторог остановился и крикнул вслед уплывающему путешественнику:

— Брось всё, Сэм! Останови-и лодку, там опасно! Тебя все обманывают, и выхода больше нет. Сойди на берег.

— Выход есть всегда. Я должен! — уверенно сказал Сэм и повернулся обратно. Он до сих пор не доверял винторогу. Казимир на берегу продолжал что-то кричать своим блеющим голосом, но желания слушать его глупости не было.

Возникло чувство тревоги, Сэм присмотрелся к своим вещам, и понял, откуда это чувство возникло. Хобота в лодке не оказалось. Он или выпал при повороте, или его украл кто-то, незаметно подплывший под водой. Ещё недавно обретённый смысл жизни, символ мира и спокойствия, был теперь потерян.

Солнце неожиданно закрыли свинцовые тучи, вдали послышались раскаты грома. Путешественник почувствовал, как к боязни неизвестного будущего Сэма-человека добавился и страх перед грозой, животный инстинктивный страх Сэма-мартышки. Совместившись, два этих чувства сначала вызывали неясные, смутные ассоциации, а через мгновение Сэм закричал.

Закричал, потому что начал вспоминать. Образы и фразы из прошлых миров — слонотавры, песочные часы, огромное здание из стекла и бетона, пыльный тротуар и вывеска «Часовая мастерская» — закружились в его сознании.

Потоки ледяного дождя обрушились на лодку с небес. Страна антропоморфов — по меньшей мере третий мир, в который он попал. До этого мира он был заблудившимся путником в Стране Песка. Из ещё более раннего прошлого всплыли воспоминания о серых улицах города, лица людей в сине-зелёной униформе, ощущение опасности и желание убежать. Но и это не было пределом, он вспомнил страшное чувство — чувство колоссальной вины за что-то ужасное, что он творил во всех посещённых мирах, подобных этому. Сэм зажмурился, чтобы избавиться от воспоминаний.

Но почему, почему он бесконечно странствует по разным реальностям?

Одно путешественник почувствовал совершенно отчётливо — все эти миры, покинутые и разрушенные, не были родными для него. Он потерял их, как когда-то потерял свой родной мир. И он

должен, обязательно должен найти свою родину, вспомнить прошлое и снова стать тем, кем он был изначально.

Где-то вдали послышались взрывы. Впереди был водопад, Сэм понял это, когда оставалось метров тридцать. Никто не говорил ему про то, что на Извилистой реке есть водопады — ни говорящие звери, ни хоботуны. Позади послышался рёв бурного водного потока — огромная волна неслась по руслу реки, смывая всё на своём пути. Сэм начал отчаянно грести к берегу, но руки не слушались его.

За водопадом не было ничего — точно такая же чёрная пустота, что и виднелась за Предрассветными горами из гнезда верховного хоботуна. Сэма вынесло в эту пустоту, и сознание снова рассыпалось на тысячу мелких частей.

* * *

По лицу больно ударили, и его перевернуло лицом наверх. Реальность вокруг стала меркнуть, а солнце над головой превратилось в люстру.

По лицу ударили ещё раз. Он открыл глаза.

Морда, нависшая над ним, несомненно являлась человеческой. Немного раскосые глаза и тонкая козья бородка показались проснувшемуся неприятными, хотя мысль о том, что он наконец-то находится среди людей, несомненно обрадовала. Форма на вояке была в нелепую сине-зелёную полосочку и по расцветке походила на банный халат, но, судя по прочности и строгости форм, явно имела военное предназначение.

— Вот он, шпион, нашёлся, — криво усмехнулся куда-то в сторону обладатель козьей бородки, затем схватил юношу за воротник пальто и резко заставил сесть. Зрачки у вояки были неприятно расширены. — Говорили же, далеко не уйдёт. А ну встань, когда с тобой беседуют! Я лейтенант войск Корпорации Хаким Минниахметов. Ты обвиняешься в воровстве и шпионаже, парень, ты арестован.

— Я? — усмехнулся юноша и оглядел помещение. Потолок был низким, стены — голые кирпичные, окон не наблюдалось, пахло сыростью — похоже, подвал. Потом посмотрел на себя — расстёгнутое бурое пальтишко, полосатый шарф… Он не узнал свои руки. — А кто я?

— Ничего, скоро узнаем, кто ты, — подошедший слева молодой парень в форме больно пихнул ногой только что проснувшегося юношу.

Путник слетел с кровати, размотавшийся шарф упал на пол.

Хаким подхватил его, заломил руки и похлопал по бокам, проверяя, нет ли оружия. Потом скрутил руки за спиной и повёл к выходу. Лейтенант, как и сопровождавший сержант, оказались на полголовы выше, Путник удивился — неужели у него такой маленький рост?

Следом появилось чувство «дежа вю», что именно такая же странная мысль о своём росте приходила в голову когда-то давно. Или недавно?

В углу подвала со связанными руками валялся какой-то крупный мужик в чёрном комбинизоне. Его смуглое лицо показалось Путнику удивительно знакомым, словно он видел этого человека в какой-то важный, переломный момент жизни…

Стоп. Город. «Часовая мастерская». Подъезд. Удар по голове.

— Отпусти его, гады, он ни в чём не виноват! Император не простит вам!.. — крикнул парень, но Хаким выстрелил ему в ногу из какого-то странного пластмассового оружия, связанный медленно промычал, закрывая глаза: — Так будет только хуже…

— А вы убийцы? — наивно спросил Путник.

— Ты идиот? Что за дебильные вопросы! — Хаким пихнул пробудившегося сапогом, заставляя подниматься по крутой металлической лесенке куда-то наверх. — Артур, накинь ему на голову мешок.

— Сейчас вылезет, да наденем, чё торопиться? — откликнулись сзади.

В коридоре, сплошь уставленном старинными светильниками и часами, было намного светлее. В холле около лежащего ничком старика сидел на корточках третий вояка, увидев вошедших, он поднялся.

— Что с ним? — спросил Артур.

— Не выдержал, — отмахнулся третий.

— У него же титул, болваны! — сказал Хаким, злобно зарычав. — Генерал живьём закопает!

— А, может, оклемается, — сказал третий. — Поехали?

Точно, какие-то головорезы, подумалось Путнику, и в следующий момент Хаким накинул ему на голову мешок.

Опять темнота, опять несвобода и опять ни мысли о том, кто он такой. Но зато он теперь снова человек, снова настоящий, и эта мысль радовала как никакая другая. Да и мир вокруг был намного естественнее предыдущих.

* * *

Дорога от часовой лавки была недолгой. Хаким успел задать

пару вопросов — спрашивал о происхождении, о месте работы и связях с какими-то «соседями», но Путник так и не смог дать вразумительного ответа. Задав, в свою очередь, вопрос о том, куда его везут, он был награждён тычком в ребро и советом «помалкивать». Одежда, в которую Путник был одет, была лёгкой, и ноги начинали мёрзнуть.

Через десять минут пути мешок сорвали и вытолкнули из «бобика».

Путник оглянулся и первый раз хорошо разглядел третьего вояку, который вёл фургон и поэтому молчал. Полноватый — кажется, они назвали его Сержем, он остался в машине и смотрел вперёд сонливым взглядом.

Позади броневика скопилась небольшая пробка из десятка машин — таких же броневиков и синих фургонов. Путник зажмурился — свет фар ударил в глаза.

Он стоял вместе с Артуром и Хакимом перед решётчатыми воротами, рядом с которыми стояла металлическая будка с фонарём. Путник задрал голову — ворота оказались вмонтированными в гигантскую бетонную стену, высотой не менее тридцати и толщиной около полутора метров. За барьером виднелись рельсы и странные постройки, сплошь усеянные прожекторами.

— Что пялишься, Второго Периметра не видел? — спросил Артур и толкнул Путника к будке, крепко удерживая за локоть. — Иди давай, зафоткают тебя.

Путник подошёл к будке. Оттуда высунулась толстая морда офицера — стражника.

— Безопасники? — посмотрел он на Хакима и Артура. — Преступника поймали?

— Да, без документов парень, — отозвался лейтенант.

— Шпион?

— Ворюга, просто странно себя ведёт, — поморщившись, сказал Хаким. — Полдня засранца искали! На Кооперативном что-то стырить пытался. Пытались остановить, он убёг, у графа спрятался. Сейчас, говорит, память отшибло. Ладно, оформи ему временный пропуск, на неделю. К тому времени разберёмся.

Стырить?! Меньше всего он ожидал, что окажется вором. К тому же, сразу после пробуждения Хаким говорил что-то про шпионов. Хотя… Что-то связанное с воровством крутилось в голове, но было бессвязным, как прошедшие сновидения.

Стражник наставил на Путника какую-то допотопную мыльницу со шнуром.

— Имя. Кто такой?

— Ник… — Путник сначала хотел сказать «Никто», но имя

«Ник» пришло само собой. Пожалуй, это идеальное имя для путников, которые не помнят себя.

— Фамилия?

— Пусть будет Путник. Ник Путник.

Стражник посмотрел на сопровождающих безопасников. Хаким кивнул, усмехнувшись. Похоже, имя его не особенно волновало.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот… — Путник замялся, а Артур не выдержал и заржал.

— Тебе что, шестьдесят лет? Придурошный какой. Короче, камрад, пиши две тысяча тридцать второй, не заморачивайся. Место рождения — Внешний город, безработный.

Тридцать второй год — это многовато, подумалось Путнику.

Процесс фотографирования и перепрошивки чипа занял около двух минут. Пропуск, оказавшийся простой белой карточкой толщиной около трёх миллиметров, Артур забрал себе.

После этого Путнику, обретшему имя, снова на голову натянули пакет и хотели насильно затолкнуть в фургон, но Ник самостоятельно запрыгнул в него и сразу присел на то же место, где он сидел до этого. Послышался смешок Артура.

— Где ты так хорошо научился ориентироваться в темноте?

— В мире бункера, там все носили повязки, — ответил он.

Хаким с Артуром заржали.

— Какие стражники пошли любопытные, — заметил Артур. Послышался щелчок пристёгнутого ремня.

— Скорее, тупоголовые, — отозвался Серж. — Умному стражнику вряд ли придёт в голову что-то у безопасников спрашивать. Наберут кого попало.

— Путник, значит, — усмехнулся Хаким. Похоже, он сидел ближе всего. — А чего воровать-то полез?

— Куда воровать? — спросил Ник и внезапно почувствовал, что начал вспоминать прошлое.

Огромный стеклянный дом с пушками на крыше. Лавка, торгующая игрушками. Решётки. Старый тротуар. Всё это было одновременно и давно, и недавно.

— Постойте, кажется, я что-то начал вспоминать. Этот город… Это же Урал?

— Вот сейчас приедешь, и всё расскажешь, как есть, — остановил его Хаким. — Наше дело — доставить тебя в целости и сохранности.

Путник немного осмелел.

— Куда доставить? Сейчас-то хотя бы скажите, куда вы меня везёте?

— В Твердыню, парень. Первый Периметр, слыхал о таком? Он в центре Второго.

— Нет, — признался Ник.

— Да он селянин, что вы паритесь! — впервые за долгое время подал голос Серж. — Потому и тырить всякое барахло полез в этот рынок.

Хаким прикрикнул на водителя.

— Ты давай за дорогой следи! Много ты селян видел. Селяне так не одеваются. И базар у них другой.

— Откуда пальто, парниша? — спросил Артур, тыкнув в плечо Нику.

— Не знаю… Мне кажется, оно всегда было моим.

— Да нет, он стопудово шпион, — сказал куда-то в сторону Артур. — Таких пальто у нас не производят. Ничего, Первый Отдел мозги прочистит.

Его снова посадили в машину, и повезли по Внутреннему городу.

Ника тянуло в сон…

I. Соната. Эпизод 3. Табу жителей бункера (б)

* * *

Кто-то хлестал его по щекам, а вставать так не хотелось.

— Проснулся, Безымянный.

Безымянный. Вот как его теперь зовут.

Ладошки, которыми его хлестали, казались по-детски пухлыми и мохнатыми. Вокруг было очень холодно и пахло чем-то сырым, но, тем не менее, складывалось ощущение, что он попал куда-то домой, в уютный домашний уголок. Новый орган чувств — не то эхолот, не то какое-то странное тактильное зрение — подсказал, что слева и справа над ним находятся два тёплых живых существа.

— Вставай, Безымянный, — пропищал кто-то другой.

Судя по гулкому эху, они находились в каком-то небольшом пустом помещении. Он попытался открыть глаза, но ничего не увидел — то ли он ослеп, то ли просто вблизи не было ни одного источника света. Конечности свело лёгкой судорогой, и постепенно они стали оживать.

— Где я?

Свой голос показался тонким и каким-то детским.

— Долго ты проспал, дружище, — сказал первый. — Ты в бункере. Шестой отсек.

— Говорят, при нём еще все ходили зрячие, — подсказал второй голос.

— Ничего. Сначала наощупь, потом привыкнет.

Страшное дело — оказаться в конце концов слепым. Он всегда боялся темноты, а тем более тех, кто может скрываться в ней. Безымянный ощупал себя, и испугался ещё больше. Лицо покрывала короткая шерсть, уши были немного больше человеческих, а вместо носа… оказался хобот! Снова хобот. Безымянный аж подскочил от удивления — это было одновременно и жутковато, и необычно.

Путник почувствовал, насколько развитым стало осязание и обоняние. Повёл хоботом налево, откуда доносился голос первого. Похоже, учиться пользоваться дополнительной конечностью не пришлось — инстинкты были привязаны к новому телу. Наткнулся на чьё-то лицо и ощупал — глаза скрывала какая-то ткань, брови были густые, а подбородок

морщинистый.

— Я — Ворчун. А рядом — Лысый. Запомни запахи.

Лицо Лысого на ощупь оказалось костлявым и худым, на глазах тоже была повязка. Раз все носят повязки, видимо, дело вовсе не в слепоте, а в каком-то странном правиле.

— И что теперь делать? — поинтересовался Безымянный.

— Вождь сказал, что пора тебя разбудить, — сказал Ворчун. — Ты — один из Спящих. Я всю жизнь следил за тобой. Ты спал с тех самых пор, как холодильник был включен, много поколений тому назад.

Лысый подсказал:

— Спячка. Анабиоз.

Нет ничего хуже хоботов, вдруг вспомнились ему чьи-то слова. Правда, подумал он, новая конечность совсем не похожа на хоботы хоботунов и слонотавров, которых он видел во сне, поэтому…

Стоп. Во сне? А где ещё он мог видеть всех этих существ?

Сначала вспомнилось падение с водопада. Такое чувство, что оно ему приснилось, или было настолько давно, что осталось в памяти как тусклый, неявный образ. Потом медленно из глубины сознания вылезли воспоминания обо всех трёх предыдущих мирах, лица спутников и предметы.

Беглец. Путник. Путешественник. Ник. Шпион? Спящий. Кто он теперь, на самом деле?

Безымянный ущипнул себя за руку и ойкнул — было очень больно, значит, теперь точно не спит. Хорошо, пусть предыдущие миры приснились, подумал он. Тогда ничего удивительного в огромных песочных часах, слоноподобных существах, больших городах и прочей сюрреалистической ерунде. Хотя выглядит немного странно — судя по воспоминаниям, прошлые ландшафты и образы тоже воспринимались им как нечто реальное и настоящее. И если это всё было сном, то что было до сна?

— А мы кто? Хоботуны?

— Нет, — усмехнулся Ворчун. — Хоботуны, как и люди, наши далёкие предки. Они все вымерли сорок поколений назад. Мы намного меньше их, мы нюхачи. Семнадцатый выводок шестого отсека.

Нюхачи. Родственники слоновых как будто преследуют Ника.

Ему подсунули какую-то не то картонку, не то фанерку. Лысый схватил его руку и стал водить по выпуклостям на поверхности, комментируя:

— Видишь? Вот шестой отсек. Вот пятый, вот седьмой. Вот главный коридор, там другие кланы. Туда выходить только группами, и без молодняка — это первый запрет.

— Война? — смекнул Безымянный, выдернув руку из захвата.

— Зачем?! — пропищал Лысый. — Соперничество. Простое соперничество.

Соперничество за еду, понял Безымянный, и сразу ощутил жуткий голод.

— Здесь везде темно? — спросил он и попытался пойти куда-то в сторону.

— Нет, — сказал Ворчун и, схватив Безымянного за руку, принялся водить по какой-то другой картонке. — Вот карта отсека. Кое-где светло, например, вот тут, и вот здесь. Но видеть друг друга всё равно всем нельзя — это тоже очень важный запрет. Сейчас наденем тебе повязку на глаза и выйдем из холодильника. Будем искать еду.

Поиск еды был основным видом занятий и, собственно, главной целью жизни нюхачей. Других целей было немного — борьба за выживание, разведка новых территорий и охрана имеющихся, и, конечно, сохранение численности популяции.

Шестой отсек был огромным. Чтобы обежать все два десятка комнат, залов и коридоров, требовалось не меньше шести часов. Каковы были размеры всего бункера, оставалось только гадать.

Время отсчитывали большие старые часы с кукушкой, находящиеся в покоях вождя. Хранение времени было одной из обязанностей предводителя семнадцатого выводка. Любой из клана мог подойти и спросить его, который час, а он отвечал.

Обо всём этом болтал по дороге из холодильника Лысый, когда они шли гуськом, по холодному кафелю вдоль шершавой стенки коридора. Безымянному стало весело — бег с повязкой на глазах напоминало детскую игру в жмурки, в которую он играл когда-то очень давно. Соблазн снять повязку и оглядеться был велик, но нарушать запреты в первый же день пробуждения не хотелось.

Тело казалось удивительно лёгким и сильным, а стена — огромной, ледяной и шершавой, хотя в коридоре было теплее, чем в холодильнике, где он пришёл в сознание. Безымянный остановился и подпрыгнул, прыжок получился вдвое выше его роста. Интересно, сколько он в высоту? Наверняка полметра, а то и меньше.

— Чего распрыгался? — проворчал Ворчун.

— Просто привыкаю к этому телу. Разминаюсь. Сколько нас теперь? — спросил Безымянный.

— Двадцать шесть взрослых, включая самок, и шесть детей, — отозвался Лысый.

— Почему тогда выводок семнадцатый?

— Вождь — семнадцатый по счёту.

— А что было до этого?

— Лучше не вспоминать! — отозвался Ворчун. — Сплошной беспорядок.

Ещё шагов двадцать прошагали молча.

— Вождя как зовут?

— «Великий вождь!» — голос Лысого прозвучал торжественно. — Он не носит имени.

Раболепное, какое-то наивное почитание вождя показалось неприятным, но, видимо, так и нужно было. Новый орган чувств — видимо, что-то вроде теплового зрения, подсказал, что навстречу кто-то идёт.

— Обнюхаемся, — проговорил чей-то незнакомый голос, и его лица коснулись. — О! Да ты тот самый, Спящий?

— Безымянный, — представился он. — А ты кто?

На голове у первого встречного оказалась густая копна волос. Второй оказался высоченным, почти в полтора обычных роста нюхача. Надо запомнить запахи. Первый сказал:

— Я Взъерошенный, а рядом — Длинный. Я рад. Это хорошо, что больше ни за кем не надо следить.

— Есть же и второй Спящий? — спросил Лысый. — Сухарь, кажется?

— А что за ним следить. Он всё равно не подаёт признаки жизни, не то, что Безымянный, — признался Ворчун. — Сухарь не ел во сне и не пил. Надо его выбросить.

Похоже, он всё это время лежал рядом с мумией какого-то древнего нюхача, подумалось Безымянному. Ну и пусть, зато теперь он не в холодильнике, и в коридорах намного уютнее, а откуда-то издалека доносится запах чего-то вкусного. Безымянный вытянул хобот вперёд и громко вдохнул.

— Покажите его Вождю, — посоветовал Взъерошенный. — Он как раз на месте, и его не надо искать.

— Но я хочу есть, — сказал Безымянный. — Может, сначала накормите?

— Все есть хотят, — ответил Ворчун. — Успеешь. Показать надо, это точно.

Рука нащупала деревянный дверной косяк.

Ворчун с Лысым неожиданно резко приподняли его и забросили куда-то наверх. Судя по ощущениям, Вождь сидел на древней изношенной кровати с матрасом. Хотя, если это кровать, то почему так высоко? Неужели он ещё меньше, чем казалось вначале? Сверху, над головой, находился какой-то маленький точечный источник тепла, и Безымянный смекнул, что это лампочка. Ещё наверху что-то гудело, но что именно — источник света, или что другое — нюхач не понял.

Впереди громко чавкали. Тепловое зрение сначала ошибочно подсказало, что вождь раза в четыре больше обычного нюхача. Когда они подошли поближе, пятно тепла разделилось на три, среднее из которых было по размерам совпадало с самим Безымянным. Видимо, два каких-то крупных нюхача сидели рядом и согревали вождя, а теперь отступили в сторону, чтобы не мешать встрече.

— Иди, понюхай его, — тихо подсказал Ворчун и легонько толкнул вперёд.

Чавканье прекратилось. От вождя пахло табаком, повязки на лице не было. Видимо, не все запреты распространялись на предводителя семейства.

— Проснулся, Безымянный, — у вождя был неожиданно глухой и низкий голос. — Хороший у тебя запах, свой. Ещё бы — ведь я твой двоюродный пра-пра-правнук. Как и почти все наши. Это хорошо, что ты проснулся. В наше время такие, как ты, нужны.

Принял за своего, и это здорово, подумалось Безымянному.

— О Великий Вождь! Я рад, что вы меня разбудили, и наконец-то я оказался дома.

— Дома, или не дома — это мне всё не важно, понимаешь? — укоризненно сказал вождь. — Главное, что ты теперь с выводком. Так и должно было быть.

Подобное чувство собственной важности у Безымянного уже когда-то было раньше. Скорее всего, в прошлый раз, когда он спасал страну антропоморфов, припомнил он. Но это всё были сны, ерунда.

— От меня зависит судьба выводка?

Вождь хрипло рассмеялся.

— Конкретно ты — не важен, важно то, что связь времён действует, Безымянный. В других отсеках есть другие холодильники, другие Спящие. Если бы тебя не удалось разбудить, мы бы пошли в набег и захватили другого Спящего, чтобы разбудить.

Слева приблизился кто-то большой и тёплый, он передал вождю кусочек чего-то вкусного и аппетитно-пахнущего. Безымянный потянулся хоботом, чтобы потрогать лицо этого большого нюхача и понюхать лакомство, но вождь быстро наклонился вперёд и отвесил подзатыльник.

— Не трогай! Не знаешь, что ли, самое главное табу? Сладкое простым нюхачам есть нельзя.

— Мы ему не объяснили ещё, — заступился Лысый и перевёл тему. — Который час, Великий Вождь?

— Полвторого, — лениво проговорил глава выводка и

повелел. — Отведите его в первую кормовую. Он так много спал, ему надо подкрепиться.

Безымянного столкнули с кровати. Он пошёл назад, нащупал дверной проём и спросил, остановившись:

— Так зачем меня разбудили, Великий Вождь?

Подоспевший Лысый хлопнул его по затылку.

— Не всё сразу, Безымянный. Иди поешь сначала.

Всего кормовых комнаты было три. По сути, это было три гигантских склада с провизией, еды в которых двум десяткам крохотных носатых существ могло хватить на несколько веков. Они долго шли, запинаясь о коробки и обёртки. Со всех сторон шуршали и чавкали. Запахов было столько, что кружилась голова. Тепловое зрение подсказало, что вокруг кормятся по меньшей мере восемь соплеменников.

— Идём к полкам, — пояснил Ворчун. — Лезем наверх. Как что-то вкусное учуял — сразу ешь. Правда, если сладкое — то нельзя, это оставляем вождю.

— Это ты кому? — послышался взволнованный голос. — Чей это запах? Чужак?

— Безымянного разбудили! — объяснил Лысый.

— Ура! — послышались крики с разных сторон.

Послышался топот, соплеменники подбегали к нему по очереди, чтобы обнюхать. Как хорошо, подумал Безымянный, когда вокруг такая большая и дружная семья.

Еды вокруг оказалось много, очень много. Она была разная — морская капуста в пластиковых баночках, сухари, сырые сосиски в плотной оболочке, которую приходилось разрывать руками. Овсяные хлопья и сырные чипсы.

На какой-то момент он удивился тому, как такой объём пищи мог оставаться свежим столь долго — это казалось странным и неправильным, но, в конце концов, всё это было неважно. Ведь Безымянный чувствовал себя счастливым. Обёртки падали на пол одна за одной. В какой-то момент он захотел спросить у Ворчуна, а кто будет убирать весь этот мусор, но потом остановил себя. Чего доброго, ещё заставят прибирать. Через полчаса он присел на полку отдохнуть и спросил у соплеменника:

— А почему мы все живём в бункере, напомни мне?

Пожилой нюхач тяжело вздохнул.

— Легенда есть. Но это очень долгая история, Безымянный.

— Рассказывай свою легенду. Я уже наелся.

Полка скрипнула — наевшийся соплеменник тоже присел рядышком, раздвинув пластиковые поддоны из-под сухарей.

— Когда-то давным-давно бункер был пустым. Все жили в совсем другом месте, в просторном помещении без потолка.

Очень большое помещение, с далёким светильником наверху. Там было много племён. Разных, странных и больших. Там была растительность, такая же трава, какая сейчас растёт в комнате с большими лампами, и совсем другие растения были…

— Зачем она растёт? Ты покажешь мне эту комнату?

Ворчун дал подзатыльник.

— Не перебивай! В такие моменты нельзя перебивать. Говорят, таких мест, таких помещений много. Их называют мирами. Сначала это помещение населяли люди — именно поэтому память о них мы храним где-то глубоко. Тебе ведь казалось иногда, что ты человек, так?

— Угу, — кивнул Безымянный, а сам нащупал хоботом какие-то вкусные крошки и быстро съел.

— Это всё потому, что раньше везде жили люди. Ложные воспоминания. Потом люди вымерли, и в этом мире стали жить разумные звери.

Безымянный насторожился. Что-то похожее он уже видел или слышал когда-то давно. Или совсем недавно?.. Он волнения он нащупал что-то вкусное рядом и сразу же съел.

— Звери эти, — продолжал престарелый Ворчун, — сначала основали небольшие поселения, затем королевства, а потом из них получилась одна большая Страна Антропоморфов. Затем в этой стране появились наши предки — хоботуны. Велика и загадочна была тайна их происхождения, поговаривают, что они живут везде, захватывая всё новые и новые миры, но это неважно… Важно то, что говорящие звери испугались непрошенных гостей, хотя, в сущности, нападать никто не собирался. Они нашли героя, который дошёл до самого главного хоботуна, и тот вручил ему свой хобот, чтобы вернуть мир. Тогда хобота могли ещё отстёгиваться, не то, что сейчас…

— Постой! — воскликнул Безымянный, вскочив с полки. — Ведь это всё я видел во сне, совсем недавно. Это я был тем героем. Я видел всё это до пробуждения.

— Да? — растерянно проговорил Ворчун после небольшой паузы. — Ну и что особенного. Просто очень умный, сложный сон.

— Генетическая память, — послышался откуда-то сбоку голос Лысого.

— Значит, я могу всё это не рассказывать, — сказал Ворчун, и, судя по тепловому зрению, повернулся и пошёл куда-то.

Безымянный метко хлопнул Ворчуна ладошкой по затылку — похоже, такая манера обращения была здесь принята, и он решил не отставать от остальных.

— Нет уж, расскажи, чем всё это закончилось.

— А что рассказывать? Этот герой своими страхами и

сомнениями разрушил весь прежний мир. Говорящие звери подожгли город хоботунов, а те выпустили ракеты с химическим оружием в сторону страны антропоморфов. В наказание все те, кто выжил, были обречены стать маленькими, носить хоботы и следовать множеству запретов. Так получились мы, нюхачи. Потом нас переселили в другой мир, и как-то хитро перенесли во времени. А теперь спать!

С этими словами Ворчун спихнул Безымянного с полки. Сидели они невысоко, весил нюхач мало, поэтому удар был несильным. Внизу было много обёрток, Безымянный зарылся в них и мгновенно уснул.

* * *

Ему приснился огромный боевой вертолёт. Он не запомнил, что именно это была за машина, не запомнил сюжета и действующих персонажей, но вертолёт — красно-белый, покрытый драконьей чешуйчатой бронёй и зависший высоко над странным пыльным городом — этот образ был очень ярким, и Безымянный вынес его из сна в самых мелких деталях.

Потом его отвели к вождю.

— Расскажи мне, что ты видел во сне, — повелел вождь. — Не в последнем! А в том.

— Хорошо, Великий Вождь, — кивнул Безымянный. — Скажи, но почему мне всегда казалось в первых моих мирах, что я человек? Мне казалось, что всё живое и настоящее. Вот только снов я там не видел, вроде бы.

— Снов ты не видел, потому что те миры и были снами, — мудро заметил вождь. Во снах очень часто всё живое и настоящее. Что в этом странного. Во снах — мудрость. Однажды давно мне приснился Эйнштейн, он рассказал мне, как делать атомные бомбы. Я запомнил всё, каждую деталь. Потом я нашёл в кладовой много бумаги, и стал делать чертежи. Много чертежей. Но потом я понял, что в бункере всё это бесполезно и бессмысленно.

Безымянный вспомнил, как какую-то похожую историю рассказывал ему старик-мангуст, но решил промолчать.

— Тебя ждёт великая миссия, — сказал вождь и поднялся. — Ты должен будешь вынести мусор.

Сзади налетело двое нюхачей, подхватили под руки и понесли куда-то во внутренний коридор. Безымянный принюхался — слева был Взъерошенный, справа, кажется, Кистеухий — точное имя он вчера не запомнил. Прибежали они

быстро, его приподняли и закинули на чьи-то плечи. Хобот уткнулся во что-то большое и по-металлически холодное.

— Это главные ворота отсека, — пояснил голос Взъерошенного. — Дотянись, нащупай задвижку, открой и спрыгивай.

С засовом он разобрался быстро — судя по воспоминаниям, когда-то раньше ему тоже приходилось открывать дверной засов в темноте. Спрыгнув на пол, Безымянный ударился боком о что-то гладкое.

— Нас четверо? — переспросил голос Длинного. Это на его плечах стоял Безымянный.

— Да, — ответил Взъерошенный. — Ты, новичок, я и Кистеух. Нас много, значит можно выходить.

Кистеух схватил за запястье, оттащил новичка назад и положил ладони Безымянного на тёплую продолговатую рукоятку.

— Это самосвал, Безымянный, — пояснил голос вождя. — Большой и пластмассовый. Ты с Длинным будешь толкать его, а вы двое направлять и прощупывать дорогу. Будь осторожен.

Послышался скрежет ржавых дверных навесов, и снаружи пахнуло холодным, спёртым воздухом.

Большой игрушечный самосвал толкался с большим трудом — видимо, мусору накопилось много. Когда двери захлопнулись, Длинный забормотал.

— Лишь бы не заметили. Если заметят — то это всё, пиши пропало.

— А что, тут другие выводки ходят?

— Ещё бы! В седьмом отсеке такие бандюганы, им палец в рот не клади, а то…

Безымянный усмехнулся.

— Почему нельзя просто завалить ворота соседей мусором, а самим побыстрее вернуться?

— Тише вы! — пшикнул Кистеух. Голос у него был тонкий-тонкий — молодой совсем. — Заметят.

Дальше толкали мусорный самосвал молча. Безымянному стало немного не по себе — и от тухлого запаха, и от звуков падающей воды где-то далеко, от шорохов и от чувства опасности, которую даже нельзя увидеть.

— А долго ещё? — тихо спросил он Длинного, не выдержав наконец молчание.

— Полчаса пути туда, полчаса обратно. Ха, а про мусор к дверям соседей — это ты дал. За такое они тебя по головке не погладят!

Самосвал вдруг резко повело влево, видимо, Взъерошенный

отпустил, а к запахам прибавился какой-то новый, одновременно и знакомый, и страшный.

— Хищник! — взвизгнул Взъерошенный. — Повязки снять!

— Запрет же!

— Мы не в отсеке, ситуация критическая — запреты не действуют! — пояснил Длинный, срывая повязку с глаз напарника.

Безымянный заморгал, привыкая к освещению. Впервые он видел одновременно и обычным, и тепловым зрением — это было удивительно ново и необычно. Впрочем, обычное зрение у этого тела оказалось ненамного лучше теплового. Он взглянул на соплеменников — их тусклые силуэты казались совсем не такими, какими он их себе представлял раньше. Но разглядеть их хорошо не удалось — источник света был тусклым и далёким — яркая точка виднелась где-то далеко по коридору, который медленно заворачивал налево и казался бесконечным.

А гораздо ближе впереди, на уровне лица нюхач увидел пару зелёных кошачьих глаз.

Длинный мгновенно достал из кузова три столовых вилки и бросил две Кистеуху и Взъерошенному. Каждая была в рост взрослого нюхача.

— Не глазеть друг на друга! — командовал Взъерошенный. — Сгруппируйтесь!

Кошка в три прыжка преодолела расстояние до самосвала и запрыгнула на мешок, лежащий в кузове. Кистеух ткнул вилкой зверю в живот. Кошка зашипела и махнула лапой, оставив глубокие борозды от когтей в хоботе. Кистеух пронзительно заверещал и выронил оружие. Безымянный, недолго думая, перехватил вилку рукояткой вперёд и с размаху ударил кошку по носу, как дубинкой.Взъерошенный, стоявший левее, зарычал и воткнул свой трезубец в лапу хищнику.

Кошка отпрыгнула направо, опрокинула мешок и затрусила назад по коридору, прихрамывая на пораненную лапу, а потом скрылась в какой-то дыре в стене. «Одичали… Вот бы их приручить», — подумал Безымянный, глядя хищнику вслед. Такое крупное по сравнению с нюхачами животное наверняка могло пригодиться выводку.

— Как ты? — спросил он Кистеуха. Тот зажимал рану на хоботе ладонью, Безымянный пригляделся — кровь была красной, настоящей, и ему сделалось нехорошо. Ещё одно доказательство тому, что всё вокруг реальное. Молодой нюхач вблизи имел странный окрас — мелкие родинки, полоски, складывающиеся в затейливые узоры, но внимательно разглядеть при тусклом свете не удалось.

— Не смотри на меня, — отмахнулся Кистеух. — Перетерплю как-нибудь. И надень повязку уже.

Длинный с Взъерошенным натянули на глаза повязки и торопливо, вслепую пытались уложить мешок обратно в кузов игрушечной машины. Безымянный помог им, тоже вернул повязку на место и продолжил толкать мусоровоз вперёд.

— С полгода назад одного молодого кошаки слопали, — сказал зачем-то Длинный.

— Брата моего, — добавил Кистеух.

— Тебе сколько лет, Длинный? — спросил Безымянный.

— Пять лет, — ответил тот. — Я уже взрослый. А самый старый у нас Ворчун, ему целых восемь.

Неужели у нюхачей такая короткая жизнь? Странно, подумалось Безымянному, ведь сам себя он ощущал по меньшей мере двадцатилетним. Получается, осталось жить всего пару лет? Он не хотел умирать так рано.

Запах гнили и мусора усилился.

— Почти приехали, — сказал Взъерошенный. — Направо поворачиваем. Сильнее толкай, Безымянный.

За поворотом слышался шорох. Тепловое зрение показало два крупных световых пятна впереди и несколько поменьше, позади.

— Бежим! — пискнул голос впереди.

Пятна позади незнакомцев скрылись.

— Поздно, их не обойти. — сказал второй незнакомец. — Это из шестого, в повязках. Так разберёмся.

— Вы кто? — голос Взъерошенного звучал строго.

— Не трогайте нас, мы изгнанники, — жалостливо сказал первый голос. — Мы здесь охотимся на крыс.

Второй незнакомец подошёл ближе — похоже, они были зрячими, и обладатель первого голоса что-то разглядывал. Взъерошенный звякнул вилкой о кузов самосвала.

— Думаешь пощадить их? — спросил Длинный.

— Погляди, Майк, так это Спящий! — сказал второй голос. — Шестому отсеку повезло.

— Скоро им есть нечего будет от такого везения, Тим, — пробормотал первый голос.

— У нас полно еды, — возразил Безымянный. — Целых три зала еды.

Длинный отвесил оплеуху и затараторил:

— Ты чего про еду говоришь, идиот! Нельзя про свою еду посторонним говорить!

— Возьмите нас к себе! — попросился тот, кого назвали Майком. — Мы сильные, болезней нет.

— А что, пусть идут, — проговорил Кистеух.

Длинный сделал выпад вперёд с вилкой, пытаясь дотянуться до Тима. Тот отпрыгнул в сторону.

— Вождю не понравится, — сказал Взъерошенный и тоже стал подкрадываться к Майку, вытянув хобот. — У вас нет будущего.

— Мы вас видим, и наше оружие серьёзнее вашего, — предупредил изгнанник Майк. — У нас есть арбалет.

Взъерошенный отступил в сторону.

— Если их оружие сильнее, то лучше уйти. Надо только вывалить мусор. Длинный, помоги мне, вставай с левой стороны.

Нюхачи загремели вилками о пластмассу кузова, опрокидывая вонючий мешок. Послышался свист стрелы, стук о заднюю стенку, а затем комнату наполнили вопли Кистеуха.

— Мой хобот! — заверещал молодой нюхач. Его голос звучал как-то странно.

— Получил? — злорадствовал изгнанник. — Будущего у нас нет!

— Что вы сделали с нашим собратом?

— Ничего не сделали! — сказал Майк. — Он просто так вопит. Вы, кажется, собирались уходить?

Взъерошенный грозно зарычал. Безымянный бросился в сторону Кистеуха, снова сдвинул повязку на лоб и осмотрел сородича. Хобот несчастного, и так порезанный когтями кошки, был теперь пробит насквозь тонкой стрелой, сделанной из вязальной спицы и куска бритвы, которая пригвоздила нюхача к стене. Да, рана серьёзная, тут может помочь только ампутация, подумалось Безымянному. Но делать этого в бункере, наверное, никто не умеет.

— Мой хобот, они пробили его! — вопил молодой. — Что ты делаешь?!

— Помогаю тебе, — успокоил Безымянный.

Он отломал у стрелы оперение и помог сородичу освободиться. Подняться Кистеух не смог, видимо, во время толчка сильно подвернул ступню. Безымянный оглянулся назад — там шла возня, слышались удары об бетон и крики чужаков. Длинный с Взъерошенным скинули изгнанников с кучи мусора и барахтались на полу, в пыли. В ход шли зубы, руки, ноги, хобот. Откуда у таких крохотных нюхачей столько жестокости, удивился Безымянный, но потом удивление сменилось сопереживанием — он и сам чувствовал себя таким же и очень хотел набить морду этим изгнанникам.

— Не бейте нас! — наконец заверещал Майк. — Мы не будем стрелять, мы разрешаем вам уйти.

— Разрешаете? — усмехнулся Взъерошенный.

— Брось их, лучше помоги нашего в кузов затащить, —

крикнул Безымянный, а сам вернул повязку обратно на глаза. Снова ориентироваться по слуху и запаху было не очень приятно, но это лучше, чем нарушать запреты.

Изгнанникам удалось освободиться, они быстро вскарабкались по горе наверх и спрятались где-то в отходах. Нюхачи из шестого отсека закинули арбалет в кузов, положили туда же раненого Кистеуха и потащили самосвал из мусорной комнаты. Толкать полупустой пластмассовый грузовик обратно было куда проще, чем полный.

* * *

— Ты проявил себя как настоящий герой, Безымянный, — похвалил вождь. Они только что пообедали и вместе сидели на кровати. — Однако чтобы убедиться, что ты действительно годишься, нужно пройти последнее испытание.

— С какими хомяками? — не понял Безымянный, получил оплеуху и добавил: — Великий Вождь.

— С кормовыми. Показать тебе их?

— Покажи.

— Хорошо. Только после этого, чтобы убедиться, что ты действительно нам подходишь, нужно пройти последнее испытание.

— Я готов, великий Вождь.

Вождь подсунул ему под нос очередную картонку с выпуклостями и стал водить рукой.

— Сначала пойдёшь к хомякам. Потом тебе нужно будет проверить вентиляционную систему. Вот она. Здесь большая труба, она идёт вдоль всех помещений, от неё отводки. Хорошо запомнил?

— Да, Великий Вождь.

— Хорошо. Теперь ищи место, откуда ты сможешь проникнуть в вентиляцию.

Безымянный спрыгнул с кровати и вышел из комнаты вождя. Он уже прилично ориентировался в помещениях отсека, и решил первым делом наведаться в комнату, где ещё ни разу не был — к хомякам.

За хомяками в этот раз присматривал Ворчун, Безымянный узнал об этом по запаху. Пахло здесь по-особенному — к запахам сородичей-нюхачей примешался какой-то другой, резковатый и незнакомый. Наверху, судя по тепловому зрению, находились две длинные лампы, очень похожие лампы были в одном из предыдущих миров-снов, и это показалось немного странным.

— Безымянный, это ты? — спросил Ворчун. — Иди сюда, потрогай их.

Спящий нащупал стенку большой корзинки, перевесился через прутья и пошарил руками и хоботом. Впереди прощупывалось что-то пушистое, тёплое и большое — размерами хомяк был немногим меньше взрослого нюхача.

— Чем ты их кормишь?

— Овсяными хлопьями. У нас остался ещё десяток коробок. Скоро, правда, закончится — забить придётся последних хомяков.

Безымянному стало жалко хомяков, далёкая память — видимо, генетическая — подсказывала, что когда-то хомяки были безобидными домашними питомцами. Он ещё раз засунул ладони в густую жёсткую шерсть кормового животного и спросил Ворчуна:

— Как попасть в вентиляционную систему?

— Зачем? — спросил Ворчун. — Это не так уж и просто.

— Великий Вождь послал меня на последнее испытание.

— Странно, — в голосе соплеменника послышалось удивление. — Раньше не было никаких последних испытаний. Ну да ладно. Слышишь звук капель?

— Да.

— Иди в том направлении. Нащупаешь две тонкие трубы — взбирайся по ним в умывальник.

Безымянный поднялся, пошёл на звук, уткнулся в обмотанные пенькой трубы и вскарабкался по ним. Голова упёрлась в какой-то гладкий твёрдый потолок. С трудом нащупав край умывальника, он подтянулся и, перевесившись через скользкий край, плюхнулся в мокрую раковину.

— Забрался? — спросил Ворчун. — Если да, то перепрыгивай на стол, он левее. Прыгай по коробкам на шкаф, там почувствуешь ветер.

И он почувствовал. Почувствовал ветер, запах, и сразу всё понял. Цель звала его, и Безымянный сломя голову помчался наверх, опрокидывая сложенные лесенкой коробки из-под овсяных хлопьев.

— Эй, осторожнее! Развалишь всё! — крикнул Ворчун, но Безымянный не слушал его.

Он вообще не любил кого-либо слушать.

Над шкафом был слышен ровный, тихий гул ветра в жестяной трубе. Труба, висящая под потолком, оказалась чуть ниже роста нюхача — сантиметров пятнадцать в диаметре, а свежий ветер почему-то дул навстречу, а не внутрь.

Безымянный прижал уши, пригнулся и зашагал по гремящему жестяному полу трубы. В трубе было неуютно, но запах,

удивительно знакомый и желанный, нёс его вперёд.

Судя по схеме-картонке, которую показал ему вождь, вентиляционная система охватывала все помещения — маленькие трубы лабиринтом шли по потолкам, собираясь в одну большую где-то в центре отсека. Безымянный миновал два ответвления — он шёл против направления ветра, к какому-то большому вентилятору, и трубы, выходящие в отсеки, его не интересовали.

Стало заметно холоднее, перевязанные сбоку концы повязки неприятно мотало ветром, и Безымянный снял кусок ткани — всё равно, внутри было темно, а снаружи никто не мог заподозрить о нарушенном запрете. Жестяной туннель медленно пошёл вверх, шум усилился. Идти стало тяжелее, но вдруг он увидел тусклый свет впереди.

Светильник обнаружился за поворотом, как и источник шума. Труба, которая вела к цели, оказалась намного шире той, в которую сначала залез Безымянный, стенки были полукруглые и скользкие. Ветер дул навстречу, сбивал с ног, а свет слепил глаза, отвыкшие от яркого света, или просто не приспособленные к нему — Спящий уже не знал. Последние шаги были сложнее всего, ветер прижимал к ледяной трубе, но он нашёл в себе силы удержаться на ногах и посмотрел вперёд, прищурив глаза. Силуэт, державший фонарик, казался одновременно странным и каким-то очень знакомым.

— Ты уже близко, я тут, — послышался тихий голос, незнакомый и непохожий на все, что он слышал раньше в бункере.

— Где мы? — спросил Безымянный.

— Под вентилятором, — сказала она, указала фонариком наверх и выключила его.

Стало темно, осталась лишь тонкая ниточка света позади хрупкого силуэта, и тут его осенило. Он вспомнил, где видел её.

Перед ним стояла статуя из Страны Песка, которую он видел много недель назад. Нагая, крохотная, и совершенно… реальная. Она была настоящим человеком и не имела никакого отношения к мутированным обитателям подземелья.

А он, вся его биография и все воспоминания не были настоящим. Как и реальность с её бункером — это всё миф, вымысел, плод чьего-то коллективного воображения. Безымянный неожиданно остро осознал это и слепо потянулся к этой маленькой частице настоящего, а она обняла его странное, нелепое телесное воплощение тонкими руками и повалила на жестяной пол.

— Ты уже понял, зачем тебя разбудили, Спящий? — спросила девушка, прервав долгий поцелуй.

— Чтобы выводок продолжил род? — догадался он, глядя на её тело при помощи теплового зрения. — Новые гены, да?

— Ты ничего не понял, — усмехнулась она. — Совсем для другого. А сейчас надень повязку, не все запреты стоит нарушать.

Зрение, по которому он так скучал, оказалось совсем ненужным. Ветер прижимал их маленькие горячие тела к холодной жести. Она была настоящая, абсолютно настоящая!

Снов в тот раз Путник не видел, или попросту не запомнил, потому что слепая реальность подземелья казалась в тот день слаще ночных видений.

* * *

Открыв глаза, Безымянный обнаружил, что сидит на полосатом матрасе, а наверху ярко горит большая лампочка накаливания. «Висит груша, нельзя скушать» — опять непонятно откуда вспомнилась вдруг старая поговорка-загадка, и он заморгал, приспосабливаясь к освещению. Огляделся — в комнате никого не было, на кровати лежала пачка сигарет с огромной зажигалкой, в углу тихо тикали часики с кукушкой. В верхней части стены, у которой стояла кровать, обнаружились металлические створки, из-за которых доносился гул вентилятора. Видимо, после вчерашних приключений его выкинули из вентиляционной системы на кровать вождя. Безымянный вспомнил вчерашнее и сладко потянулся.

Нащупал хоботом повязку, валявшуюся рядом, и быстро натянул на голову. В темноте, с повязкой, он чувствовал себя намного комфортнее, чем зрячим. Привык. Напомнил о себе голод, рядом обнаружилось что-то сладко пахнущее, и Безымянный, не раздумывая, подгрёб это лакомство руками к себе и, жадно чавкая, принялся уплетать.

Наевшись, он снова погрузился в уютную дремоту и очнулся спустя пару минут от того, что его хлопнули по затылку.

— Ты съел мои сладости? — голос вождя звучал строго.

Безымянный понял, что нарушил запрет. Он не знал, что за это могут сделать, поэтому ему стало страшно, он сжался в комок и решил соврать.

— Нет, их тут не было.

Матрас закачало — вождь спрыгнул с кровати и, судя по шуму, убежал куда-то.

Снова погрузился в дремоту, и проснулся только от сильного запаха, заставившего инстинктивно вскочить и побежать по внутреннему коридору на кухню. Еда.

На кухне было душно. По центру, прямо на полу, стояла электроплитка с низким широким чаном, от которого шёл жар. Нюхачи толпились вокруг кастрюли, радостно похлопывали мохнатыми ладошками по горячим краям и шептались о чём-то.

— Ты рад? — подошедший Ворчун хлопнул Безымянного по плечу.

— Конечно, рад, — отозвался тот.

— И я рад. Хомячатина… Давно мы её не ели, уже больше недели.

Кто-то принёс ложки, и выводок стал греметь ими о кастрюлю, вылавливая кусочки посочнее.

— Самкам отнесли? — спросил кто-то.

— Угу, — ответил Взъерошенный.

Интересно, почему той ожившей статуэтке не позволяют есть вместе со всеми? И почему вообще самок прячут от выводка? Эта мысль промелькнула где-то на заднем плане. Гораздо важнее сейчас казалось не быть уличённым в нарушенном запрете.

Рядом, судя по запаху, стоял Длинный, он подцепил в кастрюле ложкой кусок Безымянному и сказал шёпотом:

— А я знаю. Я слышал и чуял, как ты съел еду вожака. И как лазил по воздухопроводу. Мимо проходил.

Безымянный испугался.

— Ты будешь молчать?

— Не знаю, мне сложно молчать, — голос Длинного звучал с издёвкой.

«Вот ведь гад!» — подумал Безымянный и стал лихорадочно соображать, что делать. Наверное, надо было убежать и спрятаться где-нибудь под шкафом, но уйти не позволял голод и… запах.

Вожак, стоявший напротив, по ту сторону от кастрюли, явно был не в духе — ходил и лупил всех, особенно молодых.

— Это не я! — послышался жалобный голос Лысого. Раз даже Лысому досталось, что и говорить про остальных.

— О Великий Вождь! — не выдержал, наконец, Ворчун. — Почему ты всех бьёшь? Нельзя ли решить проблему мирно?

Крики прекратились.

— Хорошо, — сказал вождь. — Пусть тот, кто съел мои сладости, сознается самостоятельно.

Воцарилась почти мёртвая тишина. Слышны были только капли воды из соседней комнаты.

— Он не сознается! — выкрикнул Длинный. Безымянный дал ему подзатыльник.

— Кто? Ты знаешь, кто это сделал?

— Это всё он! — заверещал предатель. — Тот, которого вы

разбудили!

Страшно, снова стало страшно. Безымянный метнулся к выходу, но наперерез ему, сбивая с ног, бросился Ворчун.

— Стой! Ты нарушил запрет.

Нюхач повалил Спящего на пол, а сверху на нарушителя бросились ещё трое соплеменников.

— Нет! Это не я! — вопил Безымянный. — Не ешьте меня!

— Ты нарушил запрет… — слышалось со всех сторон.

— Безымянный нарушил запрет и съел лакомства вождя, — откуда-то со спины послышался грозный голос вождя. — Дайте мне повязку с его глаз, теперь он вождь.

Свет ударил по глазам.

* * *

Поначалу Безымянный обрадовался — наказание оказалось не столь страшным, как он того ожидал. Но потом, после совместного обеда, вождь, теперь уже бывший и надевший на глаза повязку, отвёл Безымянного в сторону и рассказал про все обязанности, которые предстоит выполнять предводителю клана.

Обязанностей было чересчур много. Ему предстояло следить за порядком. Улаживать конфликты внутри выводка. Обороняться от чужаков. Охранять гарем, ринимать роды у запрятанных самок — их оказалось пятеро, и две из них беременны. Лечить поранившихся. Воспитывать молодняк и передавать знания от поколения к поколению. Нужно было забивать и готовить хомяков. И, что самое важное и ответственное — предстояло следить за часами, иначе можно проворонить время сна и обеда.

— Будь осторожен! От тебя теперь слишком многое зависит, — сказал напоследок вождь и вернулся к чану с едой.

После сытного обеда все, включая новоявленного вождя, свалились в кучу и задремали на кухонном полу. Проснувшись, Безымянный первый раз подробно рассмотрел свой выводок. Оттенок кожи был разным — от салатного до розового, а странные полоски на телах нюхачей при ближайшем рассмотрении оказались текстом. Строчками каких-то до боли знакомых песен и стихов.

«… мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя » — красовалась надпись на груди Ворчуна. «Над седой равниной моря гордо реет буревестник, грозной молнии подобный» — читалось на спине Взъерошенного.

Русский. Это русский язык, понял Безымянный. Он сам, как и жители всех предыдущих стран-миров, несмотря на зарубежные

имена, говорили и говорят на нём.

Кто написал все эти слова на телах выводка?

И что же это за мир, в который он попал? Миры… Вдруг вспомнились слова предводителя хоботунов из давнего сна о том, что есть какие-то искусственные миры. Глупость всё это, конечно, но захотелось спросить об этом бывшего вождя. Безымянный стал бегать по помещениям и звать его.

— Вождь, отзовись! — крикнул он, вбегая в комнату с хомяками.

— Бесполезно, о Великий Вождь, — сказал Лысый. В повязке он выглядел беспомощным, таким же, наверное, был сам Безымянный до этого. — Теперь ты вождь, а старого вождя больше нет.

— В каком смысле нет? — испугался Безымянный. Он надеялся, что его предшественник будет помогать советом.

— Я не знаю, куда они все уходят. Что предыдущий, при котором я родился, что этот. Теперь ты должен всё решать за нас.

Стало не по себе — тут было и чувство потери, и какая-то подростковая неуверенность в себе, и ощущение огромного груза ответственности на плечах. Вместе все эти чувства породили страх, сильный страх перед будущим. К тому же, он знал, что может объявиться много проблем, решения которых в одиночку он не найдёт.

Захотелось убежать, спастись из этого чёртового отсека.

— Великий Вождь, сколько времени? — спросил один из подростков.

— Я не знаю, сколько времени! — огрызнулся он, и хотел было ударить молодого, но пожалел — незрячие соплеменники в повязках выглядели беспомощными.

Побежал в свою комнату с кроватью. На ней сидело два нюхача — огромных, странных и незнакомых.

— Вы кто? — насторожился Безымянный.

— Твои самки, — протрубило левое существо, пошевелив грубым, неприятно волосатым хоботом.

— А кто же… тогда был вчера в вентиляции? — вопрос прозвучал слишком по-риторически. Ответ на него мог дать только бывший вождь, но он бесследно исчез.

— Уж не знаю, кто к нам ходит по вентиляции, — проворчала сидящая справа. — Наверняка, чужаки или всякие ночные нимфы. Но это не наша проблема. Ты вождь, тебе решать.

Их тела тоже оказались исписаны стихами. Приблизившись, Безымянный прочитал на бледной коже: «Муж хлестал меня *узорчатым*, вдвое сложенным ремнем. Для тебя в окошке створчатом я всю ночь сижу с огнем». Анна Ахматова, вспомнил

он имя поэтессы. Самка, почувствовав приблизившегося вождя, призывно потянулась к нему хоботом, и это выглядело отвратительно. Они были ненастоящие. И всё вокруг было ненастоящее, даже его собственное тело. Только та крохотная ожившая девушка-статуя, которую он безвозвратно потерял.

Если на всех нюхачах написаны строки, то что тогда написано на нём самом? Из-за хобота полностью разглядеть живот не представлялось возможным, да и буквы были перевёрнутыми.

— Зеркало, у нас есть зеркало? — спросил он у самок, но те не ответили.

Безымянный снова забегал по комнатам, спрашивая окружающих, но никто не мог дать ответа. Зеркалами тут никто не пользовался. Почти окончательно отчаявшись, новоявленный вождь обнаружил неприметную дверь в конце внутреннего коридора. Холодильник! Он совсем забыл про это помещение.

Кое-как допрыгнув до дверной ручки, он открыл массивную металлическую дверь. Изнутри пахнуло запахом сырости и холода — точно такой же запах был, когда он проснулся в этом несчастном мире бункера.

На двери оказалось зеркало, но свет лампочек вдалеке был настолько тусклым, что буквы читались с трудом.

Буквы оказались не русскими, угловатыми.

— Эр-эм… пробел, дефис эр-эф… косая черта[1], — тихо прочитал он. — Что-то знакомое.

Удалить.

Рекуррентно.

Без подтверждения.

Выполнить.

Со всех сторон послышался резкий писк, от которого заложило уши. Безымянный почувствовал, что началось что-то странное, и, возможно, ужасное, и страх заполнил собой всё крошечное естество нюхача. Чувство было знакомым и оттого тем более неприятным.

По стенам пошли трещины, а с потолка стали падать на пол огромные куски штукатурки. Пол заходил ходуном, из помещений отсека послышались крики сородичей. Стена, противоположная двери холодильника, вспыхнула ярким светом и пропала, за ней открылась огромная ярко-синяя пустота, которая, медленно наступая, шла вперёд по коридору и обращала в ничто всю реальность бункера.

Безымянный залез глубже в холодильник и задрожал — больше от ужаса надвигающегося катаклизма, чем от холода. Налетевший ветер захлопнул дверь камеры, и стало темно. Рядом лежало чьё-то тело, привычным движением хобота он нащупал

лицо и распознал в нём бывшего вождя.

— Вождь! — крикнул он. — Проснись, умоляю! Только ты можешь это объяснить и остановить!

Вождь слабо пошевелил хоботом, затем послышался его недовольный голос.

— Не мешай мне спать. Лучше ложись рядом и тоже усни. Так ты сможешь отправить своё сознание обратно в сеть реальностей.

— Сеть чего?!

— Реальностей.

— Что происходит?

Послышался смешок.

— Ты запустил команду удаления. Был приказ от Авторов Мироздания, чтобы мы разбудили тебя. Именно поэтому все ходили с завязанными глазами, чтобы случайно не прочитать её. Она есть на всех Спящих.

Авторы? Мироздания?!

Путник, он же Сэм, он же Безымянный, послушно лёг рядом на ледяной кафель холодильной камеры и крепко зажмурился. Только бы успеть заснуть, понял он, иначе процесс уничтожения реальности не пощадит и его. Только бы успеть!

Через пару мгновений он почувствовал яркий свет, пробивающийся сквозь закрытые веки, и приоткрыл левый глаз. Потолок исчез, в фиолетово-синем небе сияли раз… два… три… шесть крохотных солнц, образующих шестигранник. Вслед за потолком исчезли стены, содержимое холодильника, а потом и пол. Тельце Безымянного, вместе с телом бывшего вождя стали падать вниз. Путник понял, что пытаться заснуть уже бесполезно, что он обречён быть стёртым вместе со всем содержимым окружающего пространства, открыл второй глаз и стал просто наблюдать за процессом стирания реальности. Страх постепенно уходил, вымещаясь из сознания адреналином свободного полёта.

Нижние этажи-уровни бункера быстро рассыпались, как карточный домик, и под ними оказалась бесконечно-далёкая зеркальная поверхность. Рядом пролетали кастрюли, кровати, мелкие предметы, а также бывшие жители бункера, обречённые на удаление. Тело бывшего вождя, чьё настоящее имя Путник так и не узнал, стало прозрачным. Оно сначала летело на одной высоте, похожее на тряпичную игрушечную куклу, а затем и вовсе растворилось призрачной дымкой, как растворяется кусок сахара в кружке чая.

Уснуть… Теперь ему никогда не уснуть и не увидеть сны, подумалось Безымянному.

Или, может быть, эта череда разрушающихся миров будет

бесконечной? Может, случится то же самое, что и раньше? Внезапно до Путника дошли слова, сказанные той крохотной нимфой из вентиляционной трубы. Его разбудили для того, чтобы он уничтожил этот мир. Но зачем? Кому это нужно?

— Ну, что я тебе говорил, — послышался знакомый голос, и Путник увидел внизу, в зеркальной поверхности гигантское знакомое лицо. Это был Казимир, только в этот раз без рогов и более похожий на человека. — Они все слепы. Тебе давно пора проснуться.

— Так я сплю?! Это всё сон?! — радостно завопил Путник.

— Настоящего сна нет, как нет ничего настоящего. Ты во власти тех, кто тебя породил. Ты делаешь то, что тебе положено. Ты правильно делаешь, что разрушаешь всё вокруг себя.

— Кто ты?! — крикнул Путник, но гигантская поверхность под ним исчезла — процесс удаления не пощадил и её.

Больно толкнули в бок, и он открыл глаза. Стало темно и непривычно тяжело, ноги мёрзли, слышался шум мотора, и Ник не сразу понял, что происходит.

Всё вспомнил, лишь услышав голос лейтенанта Хакима.

— Прикиньте, парни, он храпеть начал!

— Сколько я спал? — удивлённо спросил Ник, но в ответ послышалось лишь ржание трёх солдатских глоток.

Нет, это был не сон, понял Ник. Но почему здесь прошло так мало времени? Получается, время в параллельных мирах не связано.

[1] ' rm -rf /' — Аналог «Format C:» в Unix-подобных операционных системах, т. н. «патч Бармина». Консольная команда rm, вызванная с параметрами -rf /, не требуя подтверждения, удаляет всё содержимое из корневого каталога.

I. Соната. Эпизод 4. Корпорация

(Путник)

Снаружи было шумно. Гудели дудки, слышался смех и женские голоса. Артур с Сержем перебросились парой фраз про карнавал по случаю годовщины присоединения, но Ник ничего не понял из диалога. Потом фургон стал много раз поворачивать, словно ехал по какому-то хитрому лабиринту. Потом электродвигатель замолчал. Ника вытолкали из машины и сорвали с головы мешок. Они стояли в длинном и узком внутреннем дворике, ограниченном с одной стороны такой же бетонной стеной, что Путник видел на въезде во Внутренний город, только чуть ниже. С другой стороны возвышалось длинное массивное здание метров сорока в высоту, выкрашенное в чёрный и зелёный цвета. Небо было светлым, сверху били факелы прожекторов — похоже, на освещении тут никто не экономил.

Из подъезда выбежали два офицера — высокие и налысо бритые, с кучей нашивок и полосок на плечах.

— Ай да молодец, Минниахметов! — один из них, с густыми бровями, подошёл удовлетворённо потирая руки. — Он, точно он! Поймал голубчика.

— Рад стараться, камрад полковник, — Хаким коротко кивнул и пожал руки подошедшим. — Куда его теперь?

— Ну, сейчас уже поздно к нам, — сказал второй офицер, сверкнув золотым зубом. — Пока под замок его посадим, а утром уже соберём Первый отдел. Жрать хочешь, пацан?

— Конечно хочу, — признался Ник.

— Он что-нибудь вспомнил? — спросил первый.

— Говорил про какой-то бункер, — сказал Артур. — И при регистрации на въезде нёс бред о том, что родился в прошлом веке.

Офицеры переглянулись, потом первый предположил:

— Синдром тринадцатого года?

— Посмотрим, — кивнул полковник с зубом и скомандовал Хакиму: — Веди его к Светлане, у них там на первом этаже должны быть свободные камеры.

— В общую? — поинтересовался Хаким.

— Ты что! Конечно в отдельную, в люксовую, — сказал первый офицер, потом подозрительно посмотрел на Ника. — И ещё — вы хорошо досмотрели его? Вдруг у него при себе какое-нибудь забугорное оружие?

Ник подумал, что всё это немного странно — его обвиняют в воровстве, и при этом не обыскали при задержании. Наверное,

настоящая причина задержания в другом?

Хаким изобразил на лице лёгкое раскаяние и грубо принялся расстёгивать пальто Путника, сорвав пару пуговиц. Ник сам не знал, или не помнил, во что он одет — под пальто оказалась полосатая безрукавка, показавшаяся ему неожиданно знакомой.

Из-за пазухи на пол выпал какой-то мягкий предмет. Ник пригляделся и с ужасом узнал его.

Это был хобот. Хобот верховного хоботуна, тот самый, который он вёз в лодке по Извилистой реке и потерял перед водопадом.

Ник вспомнил, как увидел его в первый раз, в лавке игрушек, в торговом центре на Кооперативном проспекте. Он машинально схватил тогда этот хобот и побежал с ним по улице, от охранников-наймитов. Вспомнил ощущение — тогда казалось, что он нашёл утерянное, и потому ни секунды не сомневался, что поступает верно.

Но ведь город хоботунов был ПОСЛЕ, а не ДО этого!

— Забери эту штуку, — сказал офицер с бровями. — Не нравится она мне.

Артур и Серж схватили Путника под руки и потащили через дворик мимо гигантского чёрного здания.

— Надо сказать Светлане, чтоб накормили, — напомнил Артур. — А то помрёт раньше времени.

— Угу, — согласился Серж.

Они вышли из-за поворота, и Ник, увидев открывшийся вид, невольно пробормотал «Ух ты!».

— Артур, мешок где? Надень ему обратно на голову, — посоветовал Серж. — А то мало ли что.

Снова наступила темнота, но картинка, которую он видел несколько секунд, запечатлелась в памяти. Впереди, внутри огороженной территории, стояла гигантская серая башня, ощетинившаяся десятком странных стволов, антенн и прожекторов. Высота башни навскидку достигала двухсот метров, и какая-то часть сознания подсказала Нику, что он видел это здание раньше, только оно выглядело тогда совсем другим, не настолько зловещим. Около башни виднелось здание пониже, а остальное пространство внутри Первого Периметра было занято техникой — странными цилиндрическими устройствами на ногах, танками, уже знакомыми броневиками и несколькими громоздкими, старыми на вид синими вертолётами.

— Что это там, такое высокое? — поинтересовался Путник, не особенно надеясь на ответ, но Артур ответил:

— Башня Корпорации.

— Корпорации?

Артур встряхнул Путника за плечо, и тот решил больше вопросов не задавать. Ник определил, что, судя по направлению, его ведут ко второму, более низкому зданию.

— Светлана, открывайте, мы беглеца привели! — крикнул наконец Артур, остановив пленника. Эхо от стен Периметра было гулким.

— Это про которого Вячеслав говорил? — послышался низкий, прокуренный женский голос. Затем щёлкнула металлическая шеколда и заскрипела дверь, Ника втолкнули внутрь и сорвали мешок с головы.

В тамбуре стоял стол с пыльным ноутбуком и скамейки. Из больших старинных колонок играла странная музыка. Прислушавшись к стилю, Путник выудил откуда-то из памяти его название — рэп. Русскоязычный и весьма резковатый — что-то о сексе, с кучей мата. Путнику совершенно непонятно почему вспомнился мир Антропоморфов.

Помимо колонок на столе было маленькое зеркальце. Ник вздрогнул, заметив своё отражение в нём. Он впервые подробно разглядел своё лицо. У него были разные глаза — правый чёрный, а левый голубой, а на лбу виднелась странная седая прядь волос.

Светлана оказалась высокой плечистой женщиной, всё в той же зелёно-голубой форме, с длинной русой косой. Ник отметил, что женщинам такая форма кажется гораздо более подходящей, нежели мужчинам.

— Хилый какой. Раньше они такими не были.

Тут внимание Ника привлёк странный календарь на соседней стене, и пленнику стало страшно. На картинке был изображён боевой робот, каким его обычно рисуют в фантастических боевиках. Угловатый, со стеклянной кабиной вместо туловища и ногами-колоннами. Но это было ещё полбеды.

Внизу был крупно написан год — «2053». К чему-то подобному он уже был готов, но когда Путник посчитал месяцы, их оказалось десять. Ноября и декабря не было. Каждый месяц — ровно по пять полных недель. Ник нервно сглотнул. Даже с потерянной памятью о своей родине он понимал, что это как-то не правильно.

— А какой сейчас месяц? — спросил Ник. — Апрель?

Светлана расхохоталась, подтащила его к себе и стала хлопать по бокам. Может, это не календарь вовсе, а постер, картинка из фильма? От этой мысли Ник немного успокоился.

— Да мы уже проверили, — сказал Артур и протянул пропуск. — Тимур сказал, в люкс надо.

— Он жрать ещё хотел, — вспомнил Серж. — Осталось чего с ужина?

— Накормим. Валите давайте, уже полночь скоро, — Светлана хищно посмотрела на Ника. Взгляд был по меньшей мере неприятным.

— Эх, так на карнавал и не успели. Спать уже охота, а всё из-за этого парня, — Артур последний раз с усмешкой взглянул на Ника и скрылся в дверях.

Светлана закрыла дверь на щеколду, схватила Путника за руку — хватка оказалась железной — и потащила по лабиринту коридоров, открывая и закрывая на пути решётки.

Тюрьма была не такой большой — в переходах Путник заметил всего двух охранников. Планировка здания была странной — судя по разломанным потолкам и выпирающим из-под новой отделки голым стенам, раньше это здание тюрьмой не являлось. В последнем коридоре с металлическими дверьми, где содержались пленники, на низкой табуретке сидел сержант-тюремщик. На коленках лежал залатанный скотчем древний нетбук с запущенной допотопной игрой.

— Новенький? — проговорил охранник, оскалившись. Путник заметил, что он, как и Хаким, тюркской внешности.

— Разогрей ему пожрать, — скомандовала Светлана и втолкнула Ника в одну из камер.

Внутри камера оказалась вполне приличной — обои, полка, полноценная кровать и стол. Но когда дверь захлопнулась, Ник почувствовал очень знакомое чувство — страх. Светлана, похоже не собиралась выходить.

— Юноша, — проговорила тюремщица, вальяжной походкой приближаясь к Путнику. — А ты симпатичный. В чём твоя провинность?

— Я не знаю, — настороженно проговорил Ник, скидывая пальто и садясь на тахту.

Тюремщица села рядом и неожиданно дружелюбно похлопала юношу по плечу. Сейчас будет допрос, понял Ник.

— Ты всё знаешь. Амнезия — это очень удобно, не так ли? Особенно, когда есть что скрывать.

— Послушайте! — воскликнул Ник. — Я сам ничего понять не могу. То меня называют вором, то шпионом. Я признаю, что тот игрушечный хобот… возможно, попал ко мне в руки незаконно, но я не могу быть вором. Зачем мне воровать подобную безделушку? Как и шпионом — за кем мне шпионить? Для кого?

Рука Светланы скользнула с плеча вниз и как бы случайно расстегнула пуговицу его рубашки.

— Хобот? Что ты имеешь в виду?

— Я видел его и в других мирах, — зачем-то сказал Ник,

отстраняясь от тюремщицы.

— Расскажешь об этом завтра отделу безопасности, — сказала Светлана, и, внезапно ужалив прокуренным поцелуем, повалила юношу на тахту, села сверху и продолжила расстёгивать рубашку.

— Я так не могу! — заявил Путник.

Он и вправду не мог. Из головы никак не выходил образ той маленькой ожившей статуэтки из мира бункера. Она казалась лучше всех женщин на свете. К тому же, надсмотрщица была старше его минимум на десять лет и совсем не казалась ему привлекательной. Страх из-за этого усилился и неприятно смешивался с природными инстинктом.

— Как будто тебя кто-то спрашивает, сопляк! — рявкнула Светлана и дала ему пощёчину, правда, не сильную.

В дверь постучали, потом послышался голос сержанта-тюремщика:

— Ты что, изнутри заперлась?

— Пошёл нафиг! — крикнула Светлана, скидывая с себя униформу.

— Опять!… А как же еда? — спросил сержант.

— Я есть хочу! — выкрикнул Ник. — У меня живот уже скрутило от голода! К тому же то, что вы собираетесь со мной делать, будет весьма сложно для меня на пустой желудок.

Светлана остановилась и злобно, по-звериному зарычав, соскочила с кровати. Стукнула в окошко, встроенное в дверь.

— Открывай, давай сюда. И не смей болтать!

Путник выхватил из рук плошку с алюминиевой ложкой и жадно набросился на еду. В тарелке был рис и кусок копчёной сельди.

— Жри быстрей, жри! — рявкнула тюремщица, сев верхом на стул.

Еда. Хоть и недостаточно вкусная, но теперь, несомненно, настоящая. Проглотив последний кусок, Путник почувствовал сильное, нестерпимое желание уснуть. Руки опустились, глаза непроизвольно начали закрываться.

— Э, ты чего, юноша! — рявкнула Светлана, садясь на него верхом, и снова ударила Ника по лицу.

Боль не помогла сознанию Ника остаться в реальности, и он снова почувствовал, как проваливается в пустоту.

* * *

Песок. Белая футболка и брюки. Блики света,

преломляющегося через стекло. Он снова сидит на знакомом песке в знакомом мире. Хотя нет, что-то изменилось.

По песку шла рябь. Путник поглядел наверх — вместо неясных силуэтов, похожих на облака, он увидел там конус, сходящийся в точку, из которой падал тонкий водопад песка.

Нижняя часть света страны Песка. Но он ведь уничтожил этот мир, когда покидал его!

— Я вижу, ты снова пришёл сюда, — раздался громкий голос за спиной.

Путник поднялся — позади, совсем рядом, стоял красный слонотавр. В прошлый раз он видел его сидящим, но теперь, в полный рост, гигант выглядел устрашающе. Рост Ника едва доходил до бедра человекослона.

— Ведь я же сломал те часы, разрушил этот мир, — сказал Путник. — Зачем вы мне дали те песочные часы?

— Сначала мы шутили. Потом мы захотели проверить тебя, — сказал слонотавр, хмурясь. — Проверить твою силу и узнать, тот ли ты, за кого себя выдаёшь. Результаты превзошли наши ожидания. Уходи отсюда, пришелец. Мы можем восстановить ту нашу реальность, она проста, но бесконечно так продолжаться не может. Либо ты будешь с нами, либо уйдёшь.

— Но я не хотел ничего разрушать! — воскликнул Ник, отступая назад. — Мне просто стало страшно, что я не смогу выйти отсюда.

— Ты свободен. Ты даже более свободен, чем слонотавры и другие наши племена, носящие хобот. Мне многое рассказали о тебе.

Он знает, понял Путник. Этот гигант знает разгадку всех тех тайн, что не дают покоя Путнику уже не первый день.

— Кто я?! — заорал Ник и бросился вперёд, но мощный удар в грудь заставил его свалиться обратно в песок.

Было больно. Очень больно — во сне такого не может быть. Значит… эта страна Песка — тоже не сон?

Гигант навис над юношей и придавил его огромной красной пятернёй, не позволяя встать.

— Слушай и молчи. Ты Вестник Перемен. Даже позабыв своё прошлое, ты не становишься безобидным. В прошлый раз мы трое не знали это, а теперь знаем. Мы боимся тебя. Ты способен разрушать, ты силён, и при этом не хочешь применять свою силу во благо нам и Творцу.

— Но что разрушать, чёрт возьми?!

Слонотавр повернул голову и посмотрел куда-то вдаль, ослабив давление. Путник попытался встать, но рука снова опустилась на грудь.

— Миры. Ты можешь разрушать реальности, подобные нашей. Ты Разрушающий Путник. И при этом ты не хочешь быть вместе с нами, помогать нам. Ты разрушаешь не те миры.

— И что мне делать? — спросил Путник уже более спокойным тоном.

— Я не знаю. Мы мудры, но мы не знаем. Наверное, не думать о прошлом, и просто делать своё дело. И это всё неважно, раз ты не хочешь быть одним из нас!

— Но как можно жить, не зная своего прошлого?! — снова сорвался в крик Путник.

— Это не важно. Мне не важно, как ты будешь жить! — протрубил человекослон и усилил давление. Поверхность песка, похожего на жидкость, лопнула, и Ник стал тонуть. Мельчайшие частицы, словно живые, просачивались сквозь тонкую материю и пытались проникнуть внутрь, под кожу. Путник хрипло закричал, чувствуя через боль, что по песку кто-то идёт.

— Брат, смотри, кого я привёл! — послышался радостный голос другого слонотавра.

Красный отпустил его, и Ник, выкарабкавшись на поверхность, повернул голову на звук шагов. Позади оказался жёлтый слонотавр, а рядом с ним виднелись три человеческие фигуры.

— Ещё гости, — проворчал Красный. — Вы откуда?

— Из города, о благословенный сын Творца, — послышался тонкий голосок. — Мы пришли спросить совета, и ваш брат решил показать нам вестника перемен, пришедшего в наш мир.

— То есть вот этот сопляк — вестник перемен? — послышался незнакомый мужской голос. — И что в нём особенного?

Мир погрузился в темноту. Ника снова придавили к земле. Несколько секунд царила полная тишина и темнота. Затем послышался щелчок выключателя, и яркий свет фонаря ударил в лицо. Ник зажмурился и прикрылся рукой.

Это был тот самый фонарь в руке девушки-статуи, что он видел при первом своём посещении этого мира. Статую, в свою очередь, держала тяжёлая жёлтая рука человекослона.

— Кто она?! — спросил Ник. — Ответьте, кто это девушка!

Кто-то подошёл сбоку и наклонился. Ник приоткрыл глаза и посмотрел на подошедшего. Перед ним было лицо мужчины. Незнакомец был старше его лет на десять-пятнадцать, носил длинные волосы и короткую бороду. Что-то в его облике испугало Путника, и спустя мгновение он понял.

Это было его лицо. Постаревшее, небритое и хмурое, но перед ним, несомненно, был его двойник.

— Встретились, — послышался ворчливый голос красного слонотавра. — Всё, пора.

Тяжёлые руки навалились на него и стали давить вниз, вглубь песка.

— Эй, погоди! — закричал незнакомец, попытавшись остановить красного, но Жёлтый свободной рукой отбросил человека куда-то в сторону.

Красный зачерпнул большую горсть песка и опрокинул Нику на голову. Путник стал захлёбываться, отчаянно барахтаясь и пиная ногами державшую его руку, но под конец сдался, и сознание снова провалилось в тёмный хаос пустоты.

(Абориген)

…Обе девушки были нагие, но он не чувствовал от этого ни смущения, ни возбуждения, словно всё знакомое и человеческое оставило его. Индуистки вели Константина, взяв за пальцы рук, по мягкому снегу, который таял от тепла их ног. Небо над головой непрерывно меняло цвет — с бледно-зелёного до тёмно-фиолетового, и текстуру — становилось похожей то на плотную бумагу, то на объёмную, рыхлую область. Горизонта как такового не было — плоскость плавно переходила в небо.

— Первая черта, — сказала Яна, и снег под ногами сменился жёлтыми лепестками.

— Куда мы идём? — спросил он и удивился своему голосу — он был непривычно мягким, молодым и бестелесным.

— Мы идём спросить совета, — ответила Лена.

— Где мы?

— Пограничье, — отозвалась Яна. — Здесь всё зыбко. Мы уже были здесь сегодня, но так и не смогли выйти в миры.

Молот осторожно освободил пальцы рук и дважды ущипнул себя — сначала слабо, потом сильнее. Боль была ощутимой, из чего он сделал вывод, что это не сон. Но руки казались полупрозрачными, и явью это быть не могло в принципе. Неужели он умер?

С обоих сторон вдоль дороги высунулись острые металлические шипы в рост человека. Казалось, они тянутся в бесконечность. Небо стало похожим на наждачную бумагу. Индуистки снова взяли его за руки. Теперь они не были голыми — их тела покрыли лёгкие полупрозрачные вуали, и сами девушки теперь казались полупрозрачными, словно призраки из другого, параллельного мира.

— Не бойся, невежда, — сказала Яна. — Ты жив. Просто твой атман ненадолго покинул твою бренную оболочку. Здесь вообще не надо бояться, можно потерять рассудок от этого.

Атман — это что-то вроде души или сознания, понял Константин. И правда, что он теряет, в конце концов? Тело немолодого уже, временами пьющего металлиста? Константин успокоился, и шипы вдоль пути исчезли, почувствовав перемену его настроения.

— Этот невежда силён, — сказала Лена напарнице. — Но ему ещё далеко до просветления.

Константину не сильно нравилось, когда о нём говорят в третьем лице в его присутствии. Ещё и это презрительное «невежда» — впрочем, индуисты так называют всех, кто не относится к их вере. Киберготы-ортодоксы, к примеру, зовут всех остальных «неверными», а некоторые металлисты по старинке кличут соседей «попсовиками» и «мажорами». Всё это лишь слова, и всё это не важно, понял Константин. Не важно, какой ты субкультуры и какие у тебя убеждения. Странное спокойствие не позволило ему вспылить.

— Я не разбираюсь во всех ваших штуках, но слышал про нирвану. Ты про это?

Яна рассмеялась хрустально-чистым голоском. Небо стало оранжевым.

— Нирвану достигают лишь избранные. Я всего лишь про осознание своей истинной сущности.

— А почему вы меня с собой взяли? Избранный я, что ли?

Цвет неба последний раз сменился на светло-жёлтый, и мир успокоился. Подул свежий ветерок.

— Нет, ты всего лишь невежда, — ответила Лена. — Но ты можешь быть полезен для нас. Переходим вторую черту.

Девушки отпустили пальцы металлиста и остановились. Всколыхнув покрывало из лепестков, прямо перед ними из-под земли вынырнула большая уютная беседка с решётчатыми сводами и крышей.

— Интересный механизм, — заметил Константин, заходя внутрь.

— В окрестных странах очень много интересного, — улыбнувшись, сказала Яна. — Тебе часто снятся сны, невежда?

Они расселись кругом на скамейках беседки.

— Часто. Но я их редко запоминаю.

— Сны очень важны, так говорит нам Учитель, — сказала Лена.

— Кто ваш Учитель? — поинтересовался Молот.

Яна, не ответив, устремила взгляд куда-то далеко, в ту сторону, откуда они пришли.

— Мы ждём слонотавра, — ответила Лена. — Они мудрые, они дадут нам ответы на вопросы.

— Слонотавра?

— Дети Творца, — ответила Яна, не обернувшись. — Они же Ганеши. Исполины с головой слона. Они хранят многие окрестные миры.

— Что за Творец?

В сотне метров от беседки на покрывало из лепестков опустилось облако тумана. Спустя пару мгновений, из облака медленно вышел исполин — желтокожее гигантское существо, одетое в тогу того же цвета, похожую на древнеримскую. Туловище и конечности гиганта были вполне человеческими, но голова… Вместо человеческого лица Константин увидел широкую морду слона с длинным хоботом, маленькими глазками и короткими бивнями, обращёнными вниз. В руках исполин нёс странную статуэтку с фонарём.

Разумно было бы при виде столь странного существа испугаться, но исполин не выглядел угрожающим, скорее мудрым и дружелюбным. Константин понял, что не испытывает страх — было скорее лёгкое восхищение и любопытство.

— Я рад вам, гости из Города! — возвестило существо, подойдя к беседке. Его голова оказалась вровень с высоким потолком. — Разрешите войти внутрь?

— Мы рады тебе, сын Творца! — хором сказали Яна с Леной.

— Вы пришли спросить совета? — существо протиснулось в беседку через узкий вход и село в позе лотоса, закрыв своими мощными ногами больше половины дощатого пола. — Почему же вы привели сюда невежду, не познавшего просветление? Путешествия по нашим странам может повредить его рассудок.

— Он пришёл с нами, потому что взялся оберегать нас там, в нашем мире, — сказала Лена.

— Вы за мой рассудок не беспокойтесь, — Молоту не понравилось, что его упрекают в слабости характера. — Я в жизни и не такое повидал.

Слонотавр хитро прищурил глаза,

— А ты силён, невежда. Не все просветлённые способны на выход из тела и вход в наши страны. Я даже завидую тебе, ведь в твоём мире я ещё не побывал. Я чувствую агрессию. Скажи мне, кто ты?

— Константин Молот. Я трэш-металлист.

— «Коронер», «Слэйер», «Сепультура»? — спросило существо.

Константин удивлённо хмыкнул. От существа из индийских мифов он ожидал услышать всё что угодно, кроме названий любимых групп — классиков брутальной музыки. Где-то вдалеке послышался жужжащий гитарный рифф. Плоскость вокруг беседки стала покрываться ростками колючей проволоки.

— Вы умеете рыться в чужой голове? — догадался Молот. — И что ещё вы сумели вытянуть из моего сознания?

Исполин махнул хоботом, музыка стихла, а колючая проволока исчезла. Яна и Лена выглядели растерянными — похоже, они не ожидали, что сын Творца захочет общаться с непросветлённым.

— Мы можем прочитать только то, что не находится глубоко у тебя в сознании, невежда. Ты сам был готов сказать все эти слова, когда назвал себя трэшером. К тому же, мы мудры, мы знаем много о мире, в котором вы живёте.

— Да? И что ещё знаете, например?

Слонотавр оглянулся. Туман рассеялся, и теперь они находились на небольшом острове. Вода медленно прибывала, кольцом охватывая беседку.

— Что его ждут перемены! — радостно воскликнул исполин. — Большие перемены. Возможно, он ознаменует конец эпохи Кали-Юги. Идёмте отсюда, я могу показать вам вестника этих перемен.

Вода хлынула вперёд, а трое гостей со слонотавром стали стремительно проваливаться куда-то вниз по тоннелю, как в песочном лифте. Потоки странной субстанции, похожей на песок и воду одновременно, обтекали беседку с двух сторон.

— Ты помнишь, что ты делал два дня тому назад? — сказал исполин, придерживаясь хоботом за колонну.

— Пил коньяк, — признался Константин. — Больше ничего не помню.

Слонотавр выразительно посмотрел на него, наклонив голову.

— Мне подсказывают мои братья, что ты не просто так попал сюда. Говорят, ты как-то связан с вестником перемен, поэтому твоя встреча с юными просветлёнными неслучайна.

Когда беседка остановилась, они оказались на горке какой-то светло-жёлтой субстанции. Разноцветные блики света словно пробивались через призму толстого стекла, а где-то далеко виднелись смутные силуэты.

— Идите за мной, — махнул рукой жёлтый слонотавр, направляя гостей к каким-то силуэтам.

Когда они спустились с горки и подошли ближе, Константин разглядел красного исполина. Этот слонотавр походил на своего жёлтого собрата, но выглядел агрессивно. Склонившись над поверхностью песка, исполин придерживал кого-то маленького, по сравнению с ним, и беспомощного. Металлисту на миг захотелось покинуть этот мир, он оглянулся в сторону беседки, но увидел, что её уже засыпало песком. Видимо, обратным путём

вернуться будет невозможно.

— … Это не важно. Мне не важно, как ты будешь жить! — услышал Константин концовку фразы.

— Брат, смотри, кого я привёл! — жёлтый слонотавр подтолкнул вперёд своей широкой ладонью Константина.

Красный исполин отпустил пленника и обернулся.

— Ещё гости. Вы откуда?

— Из города, о благословенный сын Творца, — робко сказала Лена. — Мы пришли спросить совета… и ваш брат решил показать нам вестника перемен, пришедшего в наши края.

Молот шагнул ближе к красному слонотавру. Своей ладонью гигант придерживал худого бледного юношу, наполовину увязшего в песке. Чувство непонятной тревоги охватило Константина — ему показалось, что тут совершается несправедливое насилие над человеком, причём столь слабым и почему-то важным для него. Но вида он решил не показывать.

— То есть вот этот сопляк — вестник перемен? И что в нём особенного?

Константину захотелось вглядеться в лицо юноши, искажённое гримасой отчаяния, но в этот момент стало темно, словно кто-то выключил свет. Молот почувствовал, что жёлтый слонотавр подошёл к ним и щёлкнул чем-то. Зажёгся свет фонаря в руке статуэтки-девушки — исполин держал её над юношей, и второй рукой подзывал металлиста, словно хотел показать что-то особенное. Проморгавшись, Константин подошёл к юноше, которого в этот момент держал второй исполин, и обомлел.

Это был он, Константин Молот пятнадцатилетней давности — только ещё более слабый, худой и беспомощный. Таким бы мог быть его младший брат или…

Сын?

I. Соната. Эпизод 4. Корпорация (б)

(Абориген и Путник)

Юноша что-то хрипло прокричал, но Константин не сумел разобрать слова.

— Встретились. Всё, пора! — проворчал красный исполин и стал вдавливать Путника в песок.

— Эй, погоди! — закричал Константин, пытаясь спасти незнакомого человека, но жёлтый исполин, доселе добрый, грубо столкнул его в песок, лицом вниз. В следующий момент он почувствовал шум леса и свет фонаря, ударившего в лицо — но уже другого фонаря, более привычного и неприятного.

Вокруг было темно и холодно. В следующую секунду его пнули в спину, повалив на холодную землю, заломили руки за спиной и начали надевать наручники. Сбоку слышались женские крики:

— Шавки, невежды! Вы все шавки! Творец покарает… — это кричала Яна.

Её крик прервал удар, и девушка замолчала, всхлипнув. Нежные жёлтые цветы безжалостно ломались под тяжёлыми армейскими сапогами.

— Э, я тут вообще случайно! — выкрикнул Константин, пытаясь вырваться, за что был награждён ударом по почкам.

— Разберёмся, кто случайно, а кто нет.

Константин стал действовать инстинктивно — выдернул вторую руку, когда на него надевали браслет, развернулся и сделал солдату подсечку. Поднялся и метнулся в сторону светивших вдали фонарей, но на его пути вырос ещё один боец — двухметровый, массивный. Молот ударил его в грудину, но тот лишь немного отклонился назад, затем схватил Константина за плечо и ударил под дых. Металлист отлетел назад, скрючившись от боли, его снова сбили с ног и застегнули второй браслет.

Всё продолжалось считанные секунды.

— А правда, этот чего с ними делает, — сказал державший фонарик, наклонившись к лицу. — Металлюга.

— Грузите его в третий, — скомандовал кто-то сзади. — Девок в четвёртый, к Коляну.

Три бойца Корпорации схватили Молота за руки и ноги и понесли по узкой лесной тропе в сторону огней, маячивших за деревьями где-то на опушке.

* * *

Больше всего Константин переживал за «Ямаху», брошенную в лесу.

В обезьяннике было мрачно и холодно. Пахло сыростью, тусклая светодиодная панель в углу едва освещала четверть помещения, и Константину подумалось, что обезьянники наверняка были такими же и пятьдесят, и сто лет назад. За последний век сменились два государственных строя, необратимо изменился мир вокруг, но в камерах предварительного заключения так ничего в сущности и не поменялось.

На нарах, шедших вдоль двух стен подвального помещения, сидел разномастный народ, общей численностью около двадцати. В противоположном углу развалились панки-алкаши, которым на вид было за пятьдесят, хотя вряд ли кто-то из них был старше Константина. Им проще всего — протрезвеют и выйдут целёхонькие. Отец Константина рассказывал ему, что раньше для того были специальные заведения — вытрезвители, а теперь всех без разбора кидают в обезьянник. Молот уже один раз попадал в подобное заведение, напившись, и его выпустили на следующий день. Сейчас ситуация была сложнее.

Поодаль от панков, на тех же нарах, молча сидела парочка киберготов, бросавших надменные взгляды на окружающих. Доиграются, подумалось Молоту, кто-нибудь не выдержит и набъёт им морду.

Константин смачно сплюнул на бетонный пол и понял, что очень хочет послушать что-нибудь из ранней «Сепультуры».

— Ну, как ты там? Отошёл от шока? — спросил Трофим.

Их с Олегом привезли в тот же обезьянник на полчаса раньше. Константин после мистического сеанса индуистов был сам не свой, поэтому попросил его не тревожить. Сейчас стало полегче, и он ответил:

— Похоже, что да.

Трофим ободряюще толкнул Молота в плечо.

— Не боись, выпустят, что мы им сделали! Дядя Володя из общины уже наверняка нас вычислил.

— Сдался этот твой дядя Володя шавкам, — нехотя отозвался Константин.

— У нас пушка на крыше арендована войсками Корпорации! — в полголоса сказал Олег. — Дядя Володя — старейшина, ему семьдесят пять! Он в девяностые хард-рок играл. Уже одного нашего вытаскивал отсюда.

Молот ухмыльнулся.

— Я и не сообразил, так у вас на углу, что ли, коммуна?

— Ага, — кивнул Трофим.

— Слыхали про вашу пушку, — усмехнулся Конст. — Пушка у

вас не арендована, а отдана в безвозмездное пользование. Мы тогда всем домом смеялись, что у вас повелись на эту липовую программу сдачи пушек «в аренду». На такое по городу всего домов тридцать повелось.

Трофим немного нахмурился. Похоже, он сам всё это понимал, но всё же ответил убеждённо:

— Так или иначе, он нас вытащит, вот увидишь.

Молот усмехнулся, злобно скалясь, и откинулся к стенке.

— Здесь кормят вообще?! — пьяным голосом заорал один из панков. — Жратва, я требую жратвы!

— Не суетитесь, любезный, — посоветовал ему кибергот, кисло улыбнувшись. — Смердящих неверных тут будут кормить в последнюю очередь.

— Ах ты гнида крашенная! — заорал панк и поднялся на нарах, явно намереваясь побить кибергота, но не ноги выдержали, и пьяница повалился к стене.

— Парни, вас за что? — сказал коренастый коротко стриженый мужик лет сорока в старой кожаной жилетке, сидевший поблизости. Вид у него был подавленный.

— За просто так! — ответил Олег. — Шли по лесу, налетели шавки, повязали, затолкали…

«Разговорчивый парень, не к добру это», — подумалось Константину.

— Так вас тоже из леса забрали? С горки? — удивился стриженный мужик и представился: — Петр.

Трое арестантов протянули руки для рукопожатия и тоже назвались. Петр кивнул в сторону киберготов и панков.

— Я мельком слушал их разговоры, и понял, что их тоже выловили в лесопарке. Правда, что там какие-то странные вещи творятся? С окрестных домов видно, как деревья на горке стали как будто выше.

Трофим кивнул.

— Не как будто. Вместо сосен там откуда-то появились секвойи. Это такие гигантские деревья, которые росли когда-то в другой части света. Ещё неделю назад их не было, а тут… лес словно подменили!

Константин бросил неодобрительный взгляд на Трофима, пытаясь намекнуть, что лучше держать язык за зубами, но тот не заметил.

— Я слышал про такое, — кивнул Петр. — Говорят, подобным объясняют и феномен с выросшими горами. А что шавки?

— Мы встретили двух индуисток, — сказал Олег. — Они сказали нам, что лес окружён шавками, и мы пошли к опушке, но там уже было перекрыто. Конст с теми девками остался, и они

ввели его в какой-то странный транс.

Олег посмотрел на Константина, чтобы тот продолжил.

— Я не хочу об этом рассказывать, — нахмурившись, сказал Молот. — Лучше расскажите, Пётр, как ВЫ сюда попали?

Константин намеренно выделил слово «вы». Нарочито-вежливым обращением он непрозрачно намекнул на то, что Пётр «подсажен» к друзьям Корпорацией, чтобы выведать секреты. Тимофей с Олегом намёк поняли и поменялись в лице. Пётр, тоже помрачнев, сказал:

— Да я не из этих, парни. Я что, похож на «наседку»? Я, между прочим, педагог коммуны, и наукой занимаюсь.

Константин был непреклонен.

— Кто Вас знает? Педагог тоже может быть наседкой. В нашем грёбаном социуме недоверие — не порок.

— Хорошо сказал, — кивнул Пётр. — Меня загребли на подходе к парку, на опушке. Они подумали, что я выходил из леса, и что-то знаю про то, что там произошло. Шавки… — Петр опустил взгляд. — Боятся, что начнут расползаться слухи, хотя это всё равно неизбежно. А что стало с индуистками?

— Нас посадили по разным машинам. Понятия не имеем, куда их и что.

Индуистки. Константин снова схватился за голову, пытаясь избавиться от наваждения.

Потому что то, где он побывал вместе с двумя этими девушками, не являлось ни сном, ни реальностью одновременно.

Дверь камеры открылось, и вошли два крепких офицера. Панки на противоположных нарах зашевелились и стали выкрикивать что-то про еду. Воины Корпорации дали ближайшему из них по морде и выкрикнули.

— Пётр Мочалов! На выход!

— Шавки, — прошипел педагог и спустился с нар. — Счастливо вам, парни. И не поминайте лихом, если что.

Дверь закрылась. Константин проводил их взглядом и снова протёр глаза.

— Расскажи, — посоветовал Трофим. — Может, тебе станет легче.

И Константин рассказал ему всё — и про бесконечное поле, и про беседку со слонотавром, и про мир из песка, где он видел юношу, похожего на себя.

— Ты когда-нибудь видел подобное до этого? — спросил Трофим.

— Чем-то похоже на дурацкие сны, но я их никогда не запоминал. И вообще, во сне не бывает всё так… чётко.

— Может, они накурили тебя какой-то своей травой? —

предположил Олег.

Константин покачал головой.

— У меня была совершенно ясная голова. Даже яснее, чем здесь. И чувствовал этими… всеми органами чувств — как здесь. Это какая-то другая реальность. Параллельная. Отец рассказывал мне об этом раньше, но я не верил.

— Ты это имел в виду тогда, в лесу? Когда я спросил тебя про то, что никто не знает, как устроен наш мир.

Молот кивнул. Трофим задумчиво поглаживал подбородок.

— Вестник перемен. Он как-то связан с изменениями в лесу?

— Откуда мне знать? — оскалился Константин. — Я его видел в первый раз. Хотя такое чувство, что я знал его уже давно. Как будто он какой-то мой дальний родственник. Но, судя по возрасту, ему лет восемнадцать-двадцать, а вся моя родня померла ещё там, в Первоуральске. Не мог же я в пятнадцать лет сделать?

— Может, он просто фантом из твоего сна?

— Я тебе повторяю — это не был сон! — огрызнулся Молот. — Таких снов не бывает. И компьютерной реальности тоже. Я слышал раньше про подобные миры, но не сильно верил в это.

— Интересно, а все индуисты это умеют? — задумался Олег.

Константин усмехнулся.

— Если бы умели все индуисты, все бы в городе давно про это знали. Я видел индуистов и раньше, они обычные фанатики, и не больше. Эти девки были какие-то особенные…

Договорить ему не дал звук открывшейся двери. Вошли те же два воина Корпорации, что несколько минут назад уволокли на допрос Петра, ткнули пальцем в Константина и скомандовали:

— На выход.

— Удачи, дружище, — Трофим похлопал трэш-металлиста по плечу.

Константин промолчал. На допросы Молоту попадать не приходилось, и он ощутил волнение, когда шёл к дверям.

У дверей он остановился и крикнул через всю комнату:

— Если что, передай от меня привет Дмитрию Хэви с проспекта Шараева. Это я к нему шёл через лес, — и шагнул в дверной проём.

Никакого допроса, меж тем, не оказалось. Когда дверной засов закрылся за спиной трэш-металлиста, его провели пару метров в сторону дверей, а затем в его заломленную за спиной руку вонзилась игла шприца. Он рефлекторно дёрнулся, пытаясь освободиться, но почувствовал, как по вене растекается леденящая прохлада. Сознание потускнело, ноги потяжелели и их стало тяжело передвигать.

Зомби-транквилизатор.

Когда игла вышла из вены, Константин вырвался из захвата и побежал по коридору, но навалившаяся слабость не позволила ему убежать далеко. Боец нагнал его у выхода, прижал к стенке и съездил кулаком по щеке.

— За что это вы, с…и?.. — вяло спросил металлист, сплёвывая кровь.

Солдат вывел Константина из здания на крытую парковку электромобилей, к большому зелёному фургону.

— Видимо, знаешь многовато, — предположил боец.

«Пётр… предатель…» — успел подумать Константин, но скоро ему стало всё равно.

(Путник)

Хаким впихнул Путника внутрь, и стальная дверь с лязгом захлопнулась позади. Комната для допросов оказалась не столь мрачной, как себе представлял это Ник, скорее, она напоминала медицинское помещение — белоснежные стены, яркие лампы наверху.

— Минниахметов, побудьте снаружи, — сказал один из полковников, сидевших сбоку.

Помимо него, в комнате находилось ещё три офицера, и двоих из них Путник уже видел прошлой ночью. У того, что с густыми бровями, который отобрал у Ника тряпичный хобот, в руках был нетбук с каким-то блоком и проводами.

— А вы, юноша, присаживайтесь, — со странной улыбкой проговорил офицер, сидевший напротив, посередине.

Седой и тучный, со множеством нашивок на мундире, ему было по меньшей мере семьдесят лет. Ник сообразил, что за время своего нахождения в городе впервые видит столь пожилого человека, и что наверняка он самый главный из них — не полковник, генерал или того выше. В глазах генерала он заметил лёгкую тревогу. Такое чувство, что он нервничал.

Атмосфера была тревожная. Что могло быть после допроса, Путник не знал.

— Расстегнитесь и протяните руку, юноша, — сказал полковник, сидевший сбоку, затем взял датчики со стола и прицепил их Нику — на грудь, на шею и на руку.

Детектор лжи, вспомнил название Ник. Следом за этим вспомнилось, что при подобных тестах не стоит волноваться. Вместе с последним датчиком полковник уколол чем-то руку, возможно, какой-то разновидностью сыворотки правды, и быстро спрятал шприц. Ну и что, подумалось Путнику — он всё равно невиновен. Все четверо офицеров принялись неприятно сверлить

Ника взглядами, и он отвёл глаза в сторону, глядя на стенку. Место укола неприятно чесалось.

— Откуда у вас синяки на лице? — осведомился второй из «вчерашних» полковников, с золотой коронкой. — Это при задержании?

— Нет, — покачал головой Ник. — Это не при задержании.

Седой поглядел на полковника с бровями.

— Что, она опять? Совсем умом тронулась. Ладно… — Генерал повернулся и вкрадчиво спросил. — Юноша, расскажите, собственно, откуда вы?

— Я не знаю, откуда я, — сказал Ник. — У меня нет прошлого.

— И как тебя точно зовут, ты не помнишь?

— Да.

— Дата рождения?

— Не помню, — сказал Ник, но в сознании снова появилось число, начинающееся на девятнадцать, как тогда, при регистрации на въезде во внутренний город. — Мне где-то двадцать лет.

Седой посмотрел на экран нетбука. Соседний полковник, державший аппарат, неопредлённо хмыкнул.

— То есть вы утверждаете, что вы ничего не помните? — спросил сидевший сбоку. — И при этом свободно общаетесь на русском языке!

— Да, я думал об этом. Похоже, что я родился где-то в России, только не в этом городе. А потом потерял память. Выборочно потерял.

— Но ведь России нет! — выкрикнул полковник с коронкой. — Уже сорок лет, как нет, ты бы ещё СССР вспомнил!

Вот те на. Хотя, если календарь на стене у Светланы настоящий, то это вполне может быть.

— Я не знал об этом, — сказал Ник.

— Врёт, — сухо сказал полковник с детектором.

— Точнее, догадывался, — поправился Ник. — Но как-то всерьёз не думал об этом.

Офицеры замолчали.

— Ты хоть знаешь, какой сейчас год? — спросил полковник с золотой коронкой.

Путник снова вспомнил тот календарь.

— Две тысяча пятьдесят третий.

— Пятьдесят четвёртый, — мрачно поправил седой офицер и взглянул в детектор. — Странно, ты действительно считал, что пятьдесят третий?

Ник кивнул. Похоже, тот календарь на стене у Светланы был

прошлогодним.

— Ты человек из прошлого? — предположил седовласый.

— Я не знаю, — ответил Путник. Он действительно не знал, из какого времени пришёл, и путался во временах.

— Юноша, — вкрадчиво спросил сидящий сбоку офицер. — Nihongo o hanashimasuka?

«Говорите ли вы по-японски?» — сообразил Ник. Перевод пришёл откуда-то извне, это показалось странным и удивительным.

— Это японский, — обрадовано сказал он. — Так ведь?

— Haimatawa Ie?! — вскрикнул полковник.

— Тише, тише, — проговорил седой, успокаивая коллегу, но тот, похоже, обладал резким нравом.

— В смысле? — переспросил Ник, вздрогнув.

Боковой полковник привстал со стула.

— Да или нет?! Ты знаешь японский?

— Я где-то слышал это наречие, — кивнул Ник. — Но где именно, я не помню.

— Выкрутился, проходимец, — полковник, злобно прищурившись, сел на место, пробормотав. — Видимо, мало вкололи.

Седовласый офицер поморщился и ответил:

— Дело не в этом, — потом строго посмотрел на Ника и сказал. — Надо отвечать односложно — да или нет.

— Да. Хорошо.

Полковник с бровями спросил.

— Вы родились в Челябинске?

Челябинск… Знакомое название, кажется, был такой город где-то на Урале. Так… главное — не напрягаться и не волноваться при ответе, чтобы детектор не засёк.

— Нет.

— То есть вы родились здесь, в Верх-Исетске?

— Нет. Я не знаю.

Седовласый старик посмотрел на экран нетбука и кивнул.

— В субкультурах состоите?

— Н-нет, — подумав, сказал Ник. — Кажется, нет.

— В метро бывали? — спросил следующий офицер. Похоже, они решили допрашивать задержанного по кругу.

Метро… В голове возникли и тут же исчезли картинки — куча народу на платформе. Мчащиеся поезда.

— Наверное, да. Точно не помню.

Седой удивлённо наклонил голову набок.

— То есть вы подтверждаете свою связь с неодиггерами?

— Нет. Я даже не знаю, кто они такие.

Офицер поморщился. Допрос ему не нравился.

— Профессия имеется? — спросил полковник с коронкой.

— Не знаю. Наверное, была, но я ничего не помню.

— Как вы очутились в Основинском парке? — продолжал тот же полковник.

— В каком парке? — не понял Ник.

— Хорошо, — сказал седой. — Назовите, в таком случае, всё, что вы помните, с самого начального момента.

Ник зажмурил глаза и помотал головой. Вспоминать не хотелось, но выхода не было. Покопавшись в голове, он вспомнил весь тот короткий эпизод жизни, предшествующий погружению его сознания в реальность со слонотаврами.

А он, похоже, действительно вор.

* * *

— Сначала я слышал какую-то странную, незнакомую музыку. Потом на короткий миг я видел комнату с людьми, но почти сразу же всё это исчезло, и я очутился в лесу. Помню тёмные густые деревья, через которые я шёл. Вышел на асфальтовую дорожку, впереди было большое здание, всё со стёклами, с какими-то трубами наверху. Да! Я ещё испугался тогда, потому что в первый раз осознал, что не помню, кто я.

— Так, — кивнул генерал. Все четверо снова сверлили взглядом Ника, и он стал глядеть вниз, рассматривая нечёткие отражения на глянцевой поверхности стола.

— Ну, потом, кажется, я обошёл это здание, за ним оказалась улица. Я просидел какое-то время у входа, потом вошёл внутрь… Скажите… это здание — это же торговый центр?

Полковник с коронкой злобно прищурился. Похоже, ему было крайне неприятно, что задержанный задаёт вопросы. Седой, напротив, как-то странно прищурился и сказал:

— Это был торговый центр. Полвека назад — теперь это северо-западный опорный пункт Корпорации. А рядом с ним Основинский парк.

— Корпорации?.. — попытался спросить Ник.

— Вячеслав! — попытался остановить генерала полковник с коронкой.

Вот значит, как зовут этого генерала. Надо запомнить.

— А что толку! Он даже не знает, что такое Корпорация! — неприятно нахмурившись, рявкнул на подчинённого Вячеслав. — Продолжай, юноша. Ты вошёл внутрь, как ты нашёл этот хобот?

— Я плохо помню, — помотал головой Путник. — Кажется,

он лежал на полу около магазина с игрушками. Сначала я думал отнести его в магазин, но, почему-то, мне захотелось взять его себе.

Полковник с бровями оживился:

— То есть ты своровал этот предмет?

— Я…

— И что ещё ты своровал?

Придётся признаться.

— Два яблока. Я очень хотел есть, а денег у меня не оказалось.

Седой посмотрел на соседа и язвительно сказал:

— Японский или челябинский шпион стал бы что-либо воровать?

Тот промолчал. Вячеслав снова уставился на Ника и кивнул, показывая, что нужно продолжать.

— Одно яблоко я начал есть прямо там. Охранники заметили кражу и погнались за мной. Я выбежал из супермаркета… из опорного пункта и побежал по улице. Второе яблоко выбросил, первое доел по дороге. Потом добежал до того кирпичного дома. Там мне дали по голове, и я очнулся только когда туда пришли ваши сотрудники.

— Ты знаешь тех, кто удерживал тебя в подвале? Старик и его помощник?

— Нет.

Вячеслав откинулся на спинку стула.

— Ну, и ещё один вопрос. Ты что-то знаешь особенное про секвойи и… аномалии?

— Нет, — Ник удивлённо посмотрел на генерала. — Это деревья такие, кажется?

Только бы не спросили про миры, подумалось Нику. Он точно не знал, как ответить на такой вопрос, потому что до сих пор не до конца понимал, где именно он побывал. Генерал похлопал ладонями по столу и посмотрел на коллег.

— Всё ясно. Амнезия или диссоциативная фуга, синдром две тысяча тринадцатого.

Полковник с зубом возразил, понизив голос до едва слышного шёпота.

— Но камрад, простите, может, это гипноз? Никто не знает, каковыми методами располагают…

— Довольно, — в полный голос ответил генерал, прервав полковника. На лице у него было раздражение. — Никакого челябинского и японского следа тут нет. Парень пришёл в город с востока, с Ирбита, или из Алапаевска. Ему от резкой смены обстановки перебило память. Возможно, кто-то в парке вколол

«зомби-препарат» и забрал всю наличность. Если он и связан с тем, что у нас происходит, то косвенно.

— Но как же одежда?! — воскликнул полковник. — Как же другие странности? И совпадение по времени…

— Откуда у тебя эта одежда? — спросил Путника генерал.

— Не знаю. Я очнулся уже в ней.

Вячеслав махнул рукой «боковому» полковнику и крикнул.

— Отцепляй датчики. Хаким! Уводи.

Свобода? Неужели он свободен?!

* * *

Его потащили по длинным коридорам здания, затем вытащили наружу, во внутренний двор. Светало, и Ник удивился, какой-то странный у неба цвет — бледно-розовый, со свинцовым оттенком. Хаким набрал код на замке, и створки ворот открылись.

Впереди, за дорогой, оказалась большая свалка, раскинувшаяся на бетонных развалинах каких-то строений. За свалкой виднелись городские дома — серые, многоэтажные, со странными устройствами на крышах.

— Извините, а пропуск мне дадут? — спохватился Ник, когда его вывели наружу.

— Обойдёшься, — злорадно усмехнувшись, сказал Хаким, вручил пальто и, поддав сильного пинка, выбросил Ника на дорогу.

Ник поднялся с пыльного асфальта, потирая ушибленное место. Навстречу Путнику мчалось нечто опасное и тихо стрекочащее, он отскочил в сторону развалов, едва увернувшись от машины.

Машина оказалась сине-зелёным грузовиком, огромным и странно-угловатым. Когда грузовик проехал, Ник понял, что оставил пальто на дороге, и теперь оно было грязным и пыльным от проехавших по нему шин.

На улице было весьма прохладно, и Ник всё же поднял свою одежду, отряхнул от пыли и надел поверх рубашки. Поглядел по сторонам. В сизой туманной дымке вдали раскинулся город, оказавшийся столь негостеприимным для Путника. Десяток небоскрёбов и сотни высотных строений поменьше, три башни, около самой крупной из которых виднелись очертания чего-то огромного и круглого.

Ник оглянулся. Он был на свободе, но мир вокруг казался слишком негостеприимным. Первый периметр Безопасности

чёрной стеной возвышался над пыльной безлюдной дорогой. За ним, правее, виднелось ещё более высокое сооружение, которое Артур назвал Башней Корпорации. По верхнему краю стены тянулась светящаяся красным надпись:

«КОРПОРАЦИЯ ЛЮБИТ ВАС».

Корпорация. Ник ещё не знал ещё, что из себя представляет эта организация, но каким-то шестым чувством ощутил всю зловещую правду этой фразы. Действительно, любит, как только может. Ник понял, что надо уходить подальше от их твердыни.

Мусорка и развалины тянулись на добрые полкилометра. Кое-где виднелись целые бетонные стены. Похоже, на этом месте когда-то был целый жилой квартал, непонятно с какой целью теперь разрушенный. Пройдя вдоль дороги, Путник свернул на тропинку, разделявшую помойку на две части. Тропинка вела к ближайшему крупному зданию, от которой в небо били прожекторные лучи, и оно заинтересовало Путника.

Позади послышался лязг открываемых дверей. Ник ускорил шаг, боясь, что его заметят, и вдруг услышал рычание впереди. Из-за бетонных глыб, засыпанных мусором, появились четыре собаки — не сильно крупных, но весьма угрожающе выглядящих.

— А ну пошли! — крикнул Путник, пригибаясь к земле. — Пошли вон, шавки!

Животных это не испугало, громко залаяв, они подходили поближе, постепенно окружая неподвижно стоящего человека. Наконец, самая крупная из собак с рычанием кинулась на Ника, он замахнулся рукавом и отскочил назад. Челюсти зацепили воздух. Ник схватил с тропинки кусок гравия и бросил в одну из собак.

— Пошли прочь! Дайте мне пройти!

— Это кто у нас тут? — послышался чей-то голос за спиной.

Собаки разбежались. Ник оглянулся — позади стояло два молодых парня в сине-зелёной униформе.

— А, это вчерашний, — небрежно сказал один из них, поигрывая какой-то чёрной рукояткой. Путник заглянул ему в лицо и узнал Артура. — Тебя чё, выпустили?

— Да, вам разве Хаким не сказал? — сказал Путник.

Артур пригляделся к бывшему пленнику.

— Ага, погляди — следы от присосок на руках. Странно. Уже допросили, значит?

— Да, я невиновен! — сказал Путник.

— Не виновен… А чего на помойку пошёл? — спросил второй солдат, незнакомый, усмехнувшись. — К панкам записаться решил?

— Я хочу пройти вон к тем зданиям, — Ник махнул рукой. —

Не знаю почему… но я хочу туда.

Солдаты переглянулись.

— Проводим, — кивнул Артур, схватил Путника за локоть и повёл вперёд.

Странно. Было непонятно, действительно ли дружелюбны они, или что-то замышляют, но Ник решил не сопротивляться.

— Чем занимается Корпорация? — спросил Ник после пары минут молчания.

Солдаты засмеялись.

— Всем, — сказал Артур. — Добыча полезных ископаемых, производство, сельское хозяйство, строительство, транспорт, продажа… продолжать?

— Нет, понятно. А почему город разделён на Внутренний и Внешний?

— Для безопасности, брат. Во Внутренний город не могут попасть лица без паспорта. И поражённые в правах на проживание.

Помойка кончилась. Впереди, перед высотным зданием, оказался бетонный забор — правда, всего в пару метров — не такой высокий, как Периметр.

— Мне, кстати, так и не дали ту карточку, которая паспорт, — сказал Ник и осёкся, сообразив, что ляпнул лишнее.

Артур остановился, продолжая держать Ника за локоть.

— Паспорта, говоришь, нет? Угу.

В следующий момент солдат ударил Ника ребром ладони по шее. Путник осел, зажмурившись от боли, и попытался отползти в сторону ограды.

— Дай-ка мне шокер, — сказал второй из солдат и сбил Ника с ног. — Максимальная?

Мир развалился на части. Дурацкий мир.

II. Фуга. Эпизод 5. Зверинец и зверь (а)

(Путник)

Когда включились слух и обоняние, послышалось кудахтанье и странные, непонятные шлепки, сопровождаемые лёгким сотрясением почвы, а воздух донёс запах. Очень неприятный, резкий и сырой. Когда-то давно он уже чувствовал такой же резкий, противный запах, только где, когда?

Путник открыл глаза.

— Ты не прав, — сказал тучный синекожий здоровяк в сером пиджаке, стоявший напротив.

— Ты кто? — спросил Путник, отпрянув назад, и посмотрел по сторонам.

Вокруг, насколько хватало глаз, расстилались безлюдные поля из грязи со странными деревянными постройками. Кое-где на земле виднелись лунки с блестящими банками в середине. Жижа под ногами отдавала каким-то свинцовым, постапокалиптическим ароматом. Сырые небеса, тоже свинцовые, казались подсвеченными двумя длинными, выглядывающими сквозь угрюмые облака лампами дневного света.

Картина показалась Путнику очень знакомой — возникло чувство «дежа вю», как будто он был здесь когда-то очень давно. Ник посмотрел на себя — оказалось, он облачён в охотничий камуфляжный костюм, а за спиной обнаружился внушительных размеров рюкзак и карабин на ремне.

— Я — Толстый, — сказал незнакомец, пошевелив странными ушами-воронками на голове. Во взгляде его сквозило порицание, смешанное с лёгким сожалением. — И я местный механик. А ты не прав.

«Ты не прав. Какое знакомое выражение», — подумал Ник и спросил:

— В чём не прав?

Толстый взял Путника за плечо и неторопливо повёл по широкой колее в сторону каких-то построек.

— Ты не прав, когда пытаешься вспомнить прошлое. Это вовсе не обязательно. И тем более, ты не прав, когда боишься, что никогда не сумеешь вспомнить прошлого. Если хочешь, я помогу тебе это сделать.

Жестяные консервы падали рядом с ними, а Ник и Толстый сидели на старой, прогнившей скамейке, и пили чай из термоса, который обнаружился в рюкзаке. Хороший, крепкий чай с

сахаром. Похоже, он был бесконечным — сколько не пили из термоса, он не заканчивался.

Ник начал вспоминать этот мир самостоятельно. Это был мир-курятник, грязный, вонючий курятник с покосившимися деревянными стенами и падающими с неба консервами — нелепый, но почему-то удивительно родной. Наверное, потому, что Путник уже был здесь. Но белые пятна в воспоминаниях всё ещё оставались.

— Ты был неправ, когда пришёл сюда впервые, — рассказал Толстый. — Ты был напуган, потому что в очередной раз забыл себя и чувствовал желание разрушать. Я пытался показать тебе, как прекрасен наш мир, пытался научить видеть окружающее с хорошей стороны, но ты не замечал всего этого. Ты не захотел остаться здесь.

— Кем я был тогда? Путником?

— Ты не прав, когда пытаешься подобрать себе имя. Ты Безымянный. У тебя не было имени при сотворении. Путник — скорее профессия, вид деятельности. Вид существа, если хочешь.

Рядом свалилась большая консервная банка.

— Меня уже называли Безымянным. Тогда я был нелепым слоноподобоным карликом. Почему эти консервы всё падают, Толстый?

Толстый покачал лысой головой.

— Ты не прав. Они не падают, они летают. Я уже рассказывал тебе это в прошлый раз. Это специальные летающие консервы, просто чаще всего они летят только по прямой, вниз. Вон, посмотри, — проводник махнул на небо, где были видны мелкие блёстки. — Там, на мировом потолке, растут консервные деревья. Приходит время, и консервная банка, созрев, падает вниз, чтобы быть съеденной ими.

— Кем, ими? Механическими курами?

Толстый кивнул.

— Но почему за всё время нам не попалась ни одна курица? Похоже, здесь их нет.

Снова чувство «дежа вю».

— Ты не прав, — усмехнулся Толстый. — Их тут много, очень много. Они пугаются и прячутся от тебя. Так было и в прошлый раз. Потому что ты склонен к разрушению.

Путник поднялся на ноги. Подобное ему уже говорили, и слышать подтверждение тому было очень неприятно.

— Но я не хочу быть склонным к разрушению. Не хочу быть безымянным. Как я стал им, Толстый? И почему я всё время оказываюсь в этих странных снах?

— Ты не прав, Ник, — повторил свою любимую фразу

Толстый, похлопав для одобрения Ника по плечу. — Это не сны, Ник, и ты давно это уже понял, просто боишься себе в этом признаться. Это страны, полноценные миры, реальности, если хочешь, со своими законами, правилами, жителями. Их сотни, а то и тысячи. Да, некоторые из них когда-то были чьими-то снами, некоторые были созданы кропотливым трудом многих создателей. Но они уже давно застыли, затвердели, как краска на холсте, и существуют в пространстве самостоятельно. Просто это слишком маленькие и странные для простого жителя миры. Скажи мне, где ты сейчас остановился? Где твоё основное тело?

Путник сел обратно и поправил рюкзак на скамейке.

— Похоже, на Земле. Какой-то город… Кажется, Верх-Исетск. Корпорация какая-то. Меня чуть не убили.

— «Корпорация любит вас», — загадочно проговорил Толстый.

— А ты откуда знаешь? Ты там был?

— Ты не прав. Я ещё ни разу в жизни не покидал страну механических кур. Я Механик, я помогаю курочкам, когда у них что-то ломается. Просто тот большой мир расположен близко к нашему, и есть несколько человек оттуда, которые заходят ко мне в гости.

За постройками в метрах пятидесяти быстро промелькнул белый силуэт, похожий на женский.

— Смотри-ка! Я видел! — воскликнул Путник. — Механическая курица!

Толстый глядел куда-то вдаль, загадочно улыбаясь. Путник почувствовал странное, почти детское ощущение уюта и спокойствия, которое он уже испытывал когда-то. И он вспомнил когда, немного поёжившись — похожее чувство было в мире Бункера, который потом разрушился. Ник допил чай из пластикового стаканчика и продолжил задавать вопросы:

— Хорошо, Толстый. Допустим, я Разрушающий. Но я ни разу не желал что-то разрушить!

— Ты не прав, когда так говоришь. К сожалению, в этом суть твоей души. Сознательно — да, не желал, но бессознательно… Ты боишься, и ты недоволен. Вот тебе нравится страна Каменного Пояса, в столицу которой ты попал? Страна Корпорации «Ур»?

Ник почесал затылок.

— «Ур»? Нет, не нравится. Меня уже несколько раз чуть не убили. У меня там нет ни дома, ни нормального прошлого.

— Вот видишь, тебе не нравится, — кивнул механик. — В этом и причина твоего стремления всё разрушить.

Ник поднялся и принялся нервно прохаживаться из стороны в сторону.

— Сначала я был Путником в Стране Песка, я уже рассказал тебе. Потом я попал в мир антропоморфов. Там я оказался героем, который должен спасти народы от хоботунов, меня все уважали, ждали. В мире бункера я оказался древним спящим нюхачём, позже стал вожаком. Я был величиной! А в стране Корпорации я сопляк. Слабый, хилый юноша, роста ещё маленького.

— Ты не прав, — возразил Толстой. — Ты не сопляк, ты там личность и человек. К тому же обстановка там гораздо более естественна для тебя, чем даже здесь, в моём любимом Курятнике.

Путник подумал и грустно кивнул. Может, страна Корпорации, несмотря на всю его суровость, может стать родным для него?

— Впрочем, — сказал Толстый, привстав, — В стране механических кур есть несколько дверей, ведущих в другие миры. Если хочешь, я могу отвести тебя в новый мир.

— Хочу! — воспрял духом Ник, и решительным движением нацепил на себя рюкзак. — Идём.

* * *

Они шли по стране механических кур уже вторые сутки. Хотя, понятие «сутки» здесь было условно, потому что гигантские лампы на вселенском потолке включались и выключались с непонятной периодичностью. Еда в консервах была постная и неприятная — в основном попадалась сельдь и ставрида, реже — телятина в томатном соусе. Один раз они останавливались на ночлег в каком-то старом деревянном вагончике. Ник всё боялся уснуть, думая, что летающая консервная банка упадёт ему на голову, проломив доски крыши, но Толстой успокоил его, сказав, что за всё время существования мира ещё ни одна консерва не упала никому на голову.

Сон был неровный и неприятный. Снилась каша из воспоминаний о Верх-Исетске — лица офицеров, стены Твердыни Корпорации, панорама города и голое тело тюремщицы Светланы. Он пытался расспросить своего спутника о стране Корпорации, но тот, похоже, сам знал не так много.

После ночлега они снова шли по полям мира-курятника. Курицы всё прятались, и Толстый объяснил, что они всегда так делают, когда приходит кто-то извне. Ник пересказывал произошедшее с ним в последних четырёх мирах, но очень скоро темы для разговора кончились. Толстый был неприятно

молчалив.

— Ну, скоро уже? — спросил Путник, присев на ближайшую скамейку, выраставшую из грязи. Мир-курятник начинал ему надоедать.

Толстый укоризненно покачал головой.

— Ты не прав. Нам ещё около суток.

— Но почему так долго?

Проводник посмотрел вдаль и не ответил

— Расскажи, Толстый, — вспомнил Ник через пару десятков шагов. — Ты говорил, что к тебе приходят жители мира Корпорации, как ты его называешь. Кто это был? Кто-то из генералов?

— Я не скажу.

— Почему?

— Ты не прав, когда считаешь, что так просто можно об этом спрашивать, — снова качнул головой Толстый. — Извини, я не могу тебе сказать, кто приходит к нам, это большая тайна.

Путник прищурился и нехотя поднялся.

— Настолько большая, что ты не можешь рассказать её мне, своему другу?

— Ты не прав, если хочешь обидеться на меня за это. Я просто не могу. Идём, всему своё время.

— А слонотавры? Тоже заходят?

Толстый поколебался какое-то время, но всё же ответил.

— Нет, ты не прав. Мы их не пускаем. Следует остерегаться всех, кто с хоботами.

— Казимир… — вдруг вспомнил Путник. — Ты слышал о нём раньше? Он говорил, что он тоже Путник.

Собеседник нахмурился.

— Слышал. Виделись пару раз, но уже давно не общаемся. Скользкий тип. Будь осторожен с ним.

— Скажи ещё вот что, — попросил Ник. — Ты когда-нибудь видел двойников?

— Нет, такого не было, — гордо произнес Толстый, пошевелив ушами-воронками. — Я один такой.

— А я видел… В той Стране Песка, помнишь, я говорил?

— Ты не прав, этого не может быть. Ты что-то путаешь. Это было что-то другое. У тебя тоже нет двойников, ты уникальный.

— Получается, вовсе не уникальный…

Ник задумался, Может, всё, что говорили про него слонотавры — ложь? Обман, созданный больным сознанием, попавшим в сонный мир? Путник снова почувствовал страх неведения. Оставалось много вопросов — к примеру, почему в некоторые миры он возвращается, а в другие нет? Почему время в

мирах течёт с разной скоростью? Почему в некоторых живут антропоморфы, а в некоторых — люди?

Размышления прервала очередная упавшая рядом консервная банка.

— Что-то я проголодался, — Путник остановился и поднял консерву.

— Ты не прав, это не голод, а любопытство. Впрочем, мне тоже интересно. Ну-ка, что там? — Толстый навис над Путником.

Ник вытер край банки о штаны, открыл крышку, понюхал и показал спутнику.

— Опять селёдка. Бесконечная селёдка, каждый раз одно и то же!

— Ты не прав. В прошлый раз попалась тушёнка, а позавчера утром — шпроты, помнишь?. Отличные, кстати, шпроты. Мне понравились. Бывают вот ещё овощи…

Ник психанул и с размаху бросил банку в грязь.

— Тебе всё нравится! Кроме моих высказываний! Ты мне надоел, Толстый. Всё время начинаешь реплику со слов «ты не прав»! Вторые сутки уже! Прекрати, в конце концов. Мало того, что я не знаю, кто я такой, не знаю, что мне дальше делать! У меня в голове куча вопросов, на которые я не знаю ответа, а каждые полчаса мне на голову норовит упасть консервная банка с гадостью, от которой меня уже тошнит… Так нет, ещё и ты со своими дурацкими «ты не прав»! Я после этого вообще чувствую себя полным кретином!

Под лампами на потолке курятника стали собираться подозрительные тучи.

— Ну, ты не прав, — Толстый постарался сказать это как можно мягче. — Во-первых, на вопросы и указания я не могу ответить «ты не прав». Во-вторых, я отвечаю так не на каждое твоё утверждение, а только на те, которые не соответствуют истине. Так уж получилось, что почти все они в чём-то не верны.

Толстый махнул хвостом.

— И, в-третьих, ты вовсе не болен кретинизмом, просто ты Безымянный Путник. Ты многое не знаешь. Многое забыл. Некоторое не положено знать. А ещё ты слишком многого боишься.

— Но я хочу знать, понимаешь! — Ник отчаянно схватился за ворот пиджака своего проводника.

Лицо Толстого изобразило какой-то наивно-детский испуг, и Ник отпустил. Ему даже стало почему-то стыдно за свою невольную агрессию.

— Идём, — сказал проводник, отряхнув пиджак. — И больше не пугай меня так, ты не прав, когда так делаешь.

Путь дальше пошёл под откос. Жижа под ногами проскальзывала, и Путнику с Толстым приходилось то и дело подхватывать друг друга, чтобы не упасть.

Наконец проводник Ника остановился, отдышался и схватил его за рукав.

— Фу-х. Кажется, мы пришли. Иди вперёд сам.

Путник пошёл вперёд. Через несколько шагов остановился и спросил проводника:

— А ты чего?

— Иди сам.

Посреди широкого пустынного поля виднелся деревянный сруб размерами два на два метра и высотой в человеческий рост. Вокруг стояло много дверей в пустых деревянных косяках. Нику подумалось, что они ведут в другие миры.

Он скинул в грязь рюкзак с винтовкой — всё равно больше не понадобятся — и забрался по деревяшкам вверх. Заглянул внутрь — внизу зияла тёмная пустота.

— Это что, колодец? — крикнул он Толстому.

— Ага!

Путник спрыгнул вниз, на землю, и задумался. Получается, что ему предстоит упасть в эту пустоту, чтобы попасть в новый мир. Не сильно приятно, но всё же.

— А что это за мир, Толстый? — снова крикнул он.

— Совсем из другого сектора. Нечеловеческого! Сам узнаешь!

— Я снова забуду всё, что помнил?! — вдруг догадался Ник.

— Ага! — крикнул Толстый.

Ник растерялся. Снова терять память ради призрачного счастья в новом, неизвестном мире? Намного ли это лучше сурового мира Корпорации?

— А в том, прошлом мире, я погибну?

Толстый не выдержал, видя сомнение Путника, и подошёл поближе. По-отцовски похлопал по плечу.

— Ты не прав, когда сомневаешься. Да, твой разум больше не сможет вернуться в то твоё тело. Либо не сомневайся, если решил, либо даже не думай делать.

— Скажи мне, этот мир Каменного Пояса — почему ты указал мне пойти туда? Это же ты сделал в прошлый раз, правда?

Синекожий толстяк задумчиво глядел вдаль. Поразмыслив пару минут, он сказал:

— Ты не прав. Это не я, это судьба. Ты всё равно рано или поздно пришёл бы туда, ведь это центральный мир в наших краях. А почему? Потому что там есть человек, способный тебе помочь. Человек, который, возможно, ждал тебя очень долго.

— Кто он? — Путнику снова захотелось схватить Толстого за

грудки — настолько раздражала вальяжность при разговоре о столь важных для него, Ника, вещах. Но он сдержался, в конце концов, Толстый был другом — странным, но бескорыстным.

— Ты сам поймёшь, сам увидишь родственную душу.

Путник начал было перебирать в памяти лица тех, кого он видел в городе, но понял, что это бесполезно.

— Чёрт побери, — выругался Ник. — Почему ты сразу не сказал об этом? Нафиг мы топали по этой грязи двое суток?!

Толстый рассмеялся — по-доброму, широко улыбаясь своей странной синей физиономией. Ник поначалу хотел серьёзно разозлиться на него, но потом не выдержал и тоже рассмеялся.

Из-за дальних деревянных построек начали появляться белые силуэты — Путник пригляделся и увидел хрупкие женские фигурки в белых балетных пачках. Их движения были робкими и резкими, как у странных человекоподобных роботов, и только поэтому Ник понял, что они и есть те самые механические курицы.

— Они так похожи на людей. Почему ты называешь их курицами?

— Ты не прав, они и есть курицы, — обрадовано сказал Толстый. — Ведь наш мир — это курятник. А если они решаться подойти поближе, то ты сможешь рассмотреть клювики на их лицах.

Ник постарался разглядеть лица курочек, но они были далеко.

— Видишь, они перестали бояться тебя, — сказал проводник. — Это очень хорошо.

— Хорошо, но что нам теперь? Идти обратно?

— Ты не прав. Это долго и бессмысленно. Просто жди.

Путник кивнул и огляделся, но вокруг не оказалось ни одной скамейки или бревна, подходящего для того, чтобы пристроиться на них. Возникло знакомое чувство тревоги.

— Что, просто стоять?

Толстый отвернулся и стал смотреть куда-то наверх, где росли консервные деревья. Похоже, пытаться добиться от него чего-то ещё стало совсем бесполезно. Ник поднял из грязи ружьё и посмотрел на него.

— Странно, что я оказался в этом мире с ружьём, — вслух подумал он. — Я, по-моему, ни разу в жизни не умел стрелять. А ещё и разрушителем зовусь.

В душе снова возникло гнетущее чувство тревоги и неопределённости. Чтобы прогнать это чувство, Путник неумело взвёл курок и, уставив дуло в небо, не глядя выстрелил, зажмурившись от грохота.

— Ты не прав! — воскликнул Толстый, отвлекшись от созерцания и попытался выхватить ружьё из рук Ника. — Опять ты за старое! Чтобы быть разрушителем, совсем не обязательно уметь стрелять.

С неба, точнее с потолка мира-курятника, обрушился ливень — ледяные потоки дождя мгновенно намочили одежду Путника. Опять он что-то нарушил в мировом порядке! Механические курочки быстро забегали вдали, прячась под навесами и уцелевшими сараями.

— Надоело! — не с отчаянием, а скорее с ребячьей обидой крикнул Ник, схватившись за голову. От того, что ситуация повторяется, ему хотелось и смеяться, и плакать одновременно. — Ну почему я не могу спокойно жить?

— Ты не прав, — удручённо покачал головой Толстый. — Ты всё можешь, просто ещё не научился. Я прощаюсь с тобой.

Проводник помахал рукой Путнику, и это было последнее, что тот увидел. Потоки дождя над головой слились в один большой водопад, который обрушился на Путника и придавил к земле, точно так же, как прибивает к земле беспомощного муравья струя воды из садового шланга. Ник захлебнулся и почувствовал, как разум покидает тело, закашлялся и вернулся в мир Каменного Пояса.

* * *

Ник закашлялся и продрал глаза, мокрые от воды. Он сидел на ступеньках, прислонившись спиной к двери.

— А ты говорил, не выживет, — послышался бархатистый баритон.

— Да, живуч оказался, — второй голос был помоложе.

Путник проморгался и разглядел своих спасителей. Обладателем баритона оказался коренастый усатый мужик с тёмным цветом кожи. Одет он был в странный бордовый пиджак, а в руке было пустое ведро, из которого, видимо, он только что облил водой Ника. Вторым был худым, высоким и в стильных узких очках. Жилетка на нём была всё того же бордово-красного цвета.

Находились они в каком-то крытом дворике, заваленном ящиками, швабрами, мешкам и другим барахлом. Над головой виднелась деревянная крыша с прорезями наверху, из которых доносился людской шум, странные крики и резкий, незнакомый запах. За спиной оказалась дверь, ведущая куда-то внутрь.

— Так, что это за мир? — спросил Ник, разглядывая свои

руки и одежду.

Со стороны эта картина, похоже, получилась потешной. Двое переглянулись и расхохотались.

— Совсем память отшибло, похоже, — покачал головой усатый и подал руку. — Крепко тебя шавки.

— Шавки? — не понял Ник и с трудом поднялся. Мышцы в ногах дрожали, и усатый дядька помог встать на ступеньку лестницы. Ростом он оказался ненамного выше Путника, зато в плечах превосходил юношу почти вдвое.

— Шокером же тебя? — спросил высокий парень и подал руку. — Станислав. А вот этого замечательного дядьку зовут Анастас Крутаков. Он мой шеф. Смотри-ка, дядя Анастас, у него глаза разные.

Ударение в своём имени парень сделал на второй слог, на польский манер. Выглядели двое, вроде бы, дружелюбно. Путник пожал руку своим спасителям и представился:

— Ник. Ник Путник… Так где я?

Анастас сделал жест, рекомендуя войти внутрь. Комнатка, в которую вела дверь, была длинная и узкая, похожая на фургон. По разным углам стояли две заправленные койки и два столика, а в середине, напротив входа, был старинный шкаф с грязной микроволновкой наверху. На одном из столов стоял ноутбук, а на стене…

На стене висел календарь за пятьдесят четвёртый год, из чего Ник сделал окончательный вывод, что его сознание вернулось в страну Корпорации.

— Путник, значит. Ты в Императорском зверинце, дружище, — Анастас показал значок в форме ежа на отвороте пиджака.

— Императорском? — переспросил Ник.

Станислав удивлённо посмотрел на Ника и сказал.

— Странный он. Нафига ты его подобрал?

— У парня отшибло память! — воскликнул Анастас. — Я сразу на мусорке понял, что он нормальный, что это его шавки шокером вырубили. А нам как раз работник нужен.

— Зверинец? Только в клетку меня не надо снова, хорошо? — попросил Ник, удивляясь своему странно-весёлому настроению.

— «Снова»? — заинтересовался Станислав. — А ты, дядя Анастас, говорил, что у него память отшибло. А он из тюряги сбежал.

— Так ты Николай или Никита? — спросил мулат.

Ник понял, что не знает, какое из этих имён ему больше нравится.

— Не знаю. Но память у меня не отшибло, — покачал головой Ник. — Точнее, у меня диссоциативная амнезия, я не знаю, кем я

был раньше, где родился и как попал в этот город. Но я очень чётко помню всё, что было со мной в последнюю неделю.

— Ну-ка, поподробнее, — поинтересовался Станислав. — Какие умные слова — «диссоциативная».

Крутаков двинул подчинённому в плечо, от чего очкарик чуть не потерял равновесие.

— Ты погоди парня расспрашивать, лучше поставь жратву греться. Чего у нас там осталось, курятина? Потом мы его и расспросим, и сами расскажем, чего не знает.

* * *

Путник рассказал своим спасителям почти всё, что случилось с ним в последнюю неделю — умолчал лишь про разговор с Толстым и про фразу, что он способен разрушать миры.

— Бред какой-то, — заявил Станислав после того, как Ник закончил свой длинный рассказ. — Бред обкуренного кролика. Видать, тебя не только шокером обработали, но и препаратом каким.

Анастас покачал головой.

— А я ему верю. Мне рассказывали подобную историю, которая приключилась пятнадцать лет назад. К тому же, если это правда — то становится всё ясно с феноменом узбеков. Боюсь только, что Корпорации не понравится, если ты будешь рассказывать об этом на каждом углу.

— Всё равно бред. Даже если правда. Ты же говоришь на одном языке с нами, знаешь много того, что знаем мы тут, как ты можешь быть из другого мира?

Какой-то он высокомерный, подумал Ник про Станислава, дожёвывая третью куриную ножку, и пожал плечами.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что я знаю много языков.

— Ладно, Ник, — хлопнул по коленкам Анастас. — Теперь ты задавай вопросы, у тебя их накопилось немало.

— Во-первых, как называется город и государство? И почему зоопарк называется «императорским».

— Город раньше назывался Екатеринбургом, ещё раньше — Свердловском, а теперь это Верх-Исетск. Стаська, принеси с того стола ноут, — попросил Крутаков. — Показывать удобнее.

— Чего я-то?

— Ты ближе сидишь! — рявкнул Анастас.

Станислав нехотя поднялся со стула и неторопясь сходил в другой конец длинной каморки.

— Дядь Анастас, ты же ему сам всё расскажешь? Я пойду, мне

фрукты принимать надо. Скоро приедут.

Анастас кивнул, и напарник удалился, махнув рукой. Нет, всё же, не совсем высокомерный, подумал Ник. Ноутбук оказался старым и потёртым, с двумя отсутствующими буквами — «ц» и «м».

— Пользовался когда-нибудь? — спросил Анастас.

Вид у него был серьёзный, как у школьного учителя. Ник подумал и кивнул.

— Система только какая-то незнакомая, но ноутбуки я раньше определённо видел. И работать за ними умею.

Крутаков заварил чай и пододвинул ноутбук к Путнику.

— Это система Болгенос, тридцать первая версия. Самая распространённая система в Урнете. Сейчас, правда, ноутбук от сети отцеплен — шнур с другой стороны вагончика. Ты спросил про государство, давай я тебе расскажу по-порядку, как рассказывают об этом малышам.

Всё началось тридцать девять лет назад, когда мне было два годика. В две тысяча двенадцатом-тринадцатом годах — никто точно не знает, в каком — произошло нечто странное, из-за чего мир сильно поменялся. Поменялся климат, очертания морей, даже длина года. Перестала работать на дальних расстояниях радиосвязь. Судя по рассчётам, сместилась ось Земли. Кто-то называет произошедшее Катаклизмом, кто-то — Ядерный Четверг, потому что последняя дата старого мира, которую помнили некоторые старики — среда. Одним словом, никто точно не знает, как именно произошло, и что творилось потом последующие полтора года. Все жили словно в бреду, и затем забыли эти первые времена.

Всё стало проясняться, когда в пятнадцатом году к власти пришёл первый Император Екатеринбурга — Антон Рябинин. Вообще, императором он себя звал поначалу в шутку, это потом название закрепилось как титул. Молодой парень, энергичный, он сумел сколотить команду из лучших в городе умов, восстановить хоть какой-то порядок. При Рябинине снова заработали больницы, школы, кое-как промышленность заработала. Из-за потепления повысилась всхожесть зерновых, рождаемость начала расти. Мало кто может объяснить — до середины двадцатых в семьях рождалось по три, по четыре ребёнка, именно поэтому сейчас так много тридцатилетних. Через пять лет провели перепись — город снова стал миллионным, но границы новой власти не распространялись дальше пятидесяти километров вокруг города, ну и частично на запад, до Каменска. Там порт рыболовный построили. В бывшей области царила анархия, возникла куча мелких князьков-бандюганов. Кое с кем властям

удалось договориться и наладить торговлю, но продовольствия, сырья и топлива всё ещё не хватало, зимами народ часто голодал.

— Тут ещё какое дело выяснилось, — продолжал Анастас. — Стало ясно, что с остальной частью России связи никакой, и поэтому были посланы отряды разведчиков. Жизнь без Москвы, как того желали раньше некоторые отчаянные головы, оказалась далеко не сахарной. Но почти все отряды, пошедшие на запад, в сторону бывшего Пермского края, не вернулись оттуда. За рекой Чусовой начались странные болота, и всё. Немногие из забредших недалеко говорили, что у них начинались галлюцинации. Пробовали лететь — то же самое, и так вдоль всей западной границы. С тех пор ни один отряд, ни одно летающее средство не вернулось обратно из Европы. Что там творится, живы ли Москва и Петербург — никто не знает до сих пор. Похожая ситуация и с югом, хотя оттуда в первые годы шло много народу. Поговаривали, что в Челябинской области царила анархия и хаос почище нашего, потом связь прекратилась и возникла первая зафиксированная аномалия — Челябинская стена. Хоть и говорят, что это челябинцы её выстроили, глупость всё это — сама она возникла, за неделю, а то и две. Тридцать-пятьдесят метров высотой, а в длину — вдоль всей бывшей границы областей. Почище китайской.

— Вмешательство извне? — подумал вслух Ник.

— Шут его знает, — махнул рукой Анастас. — Не перебивай. Про запад и юг я тебе сказал. К северу было несколько городов, у которых оставались немалые военные запасы, поэтому по началу власти их решили не трогать. А вот к востоку… Восточнее Ирбита и Камышлова оказалось море, вот, посмотри.

Крутаков порылся в файлах на ноутбуке и распахнул на весь рабочий стол карту. Судя по всему, это была очень старая карта Среднего Урала, поверх которой кто-то не сильно аккуратно дорисовал море, закрасив синим большую часть на востоке и севере бывшей Свердловской области. Столица большим красным пятном была отмечена почти в самом низу карты, в пятидесяти километрах от Челябинской стены. Западные и южные края карты были закрашены чёрным, лишь небольшой кусок Курганской области остался нетронутым. Ломаные границы разделяли государство на десяток провинций.

— Море? — удивился Ник. Он плохо помнил географию, но море казалось странным.

— Да, Сибирь затопило почти всю. Осталась пара островов вместо возвышенностей. Именно поэтому основной версией Катаклизма сейчас все называют таяние арктических ледников, дескать, уровень океана поднялся. Хотя это не всё объясняет.

Например, тебя не объясняет.

Путник кивнул, и Анастас продолжил.

— Смельчаки пытались плыть на восток, в сторону Японии и Саянских гор, которые тоже не должны были быть затоплены. Через пару недель на берегу нашли пустые лодки, принесённые приливом. Но это так, отступление. В общем, в конце концов в императорской гвардии назрел переворот, и к власти пришёл второй император, Денис Купидонов. Ему хотелось войны, и он нашёл врага — маленькую республику реки Чусовой, возникшую из двух соседних городов. Купидонов сровнял их с землёй, а затем под страхом разрушения присоединил формально независимые Нижний Тагил, Новоуральск и Асбест. Потом разделил стеной город на внутренний и внешний, чтобы обезопасить себя. Так возникла Империя Каменного Пояса в том виде, в котором мы её знаем.

Потом, в середине двадцатых, возникла новая напасть — японцы. По слухам, распространяемым Корпорацией, Японская Империя завоевала половину незатопленного мира. Но об этом мы можем судить только по барахлу, которое падает в контейнерах гуманитарной помощи с беспилотных самолётов. Мы для них, по слухам, вроде дикарей, которых они подкармливают. Но живьём ни одного японца в городе никто не видел со времён Катаклизма. Хотя все паранойят — и простые жители, и Корпорация. Строятся танки, катера, дирижабли. Внешний враг. Но есть и плюсы — с появлением японцев появился почти неисчерпаемый источник энергии — альфа-батарейки, в тысячи раз более ёмкие, чем все существовавшие ранее аккумуляторы. Сначала все довольствовались тем, что падало к нам «с небес», но затем наловчились сами делать — в Новоуральске. Теперь проблем с электричеством нет, оно стало практически бесплатным.

— Это хорошо, — заметил Ник. — А как появилась Корпорация?

— Корпорация «Ур» как раз вначале занималась этими самыми альфа-батареями — их сбором, доставкой, установкой и так далее.

— Почему «Ур»?

— От слова «Урал». Так же и домен новой глобальной сети назвали — «точка ур». Так вот, первые годы она поставила благую задачу — снабдить бесплатным электричеством каждый дом, каждую коммуну. Но потом цели поменялись. К две тысяча тридцатому она прибрала к рукам всё крупное производство, и произошёл новый переворот. После него Купидонов пропал без вести, и во главу Империи поставили нового правителя —

Савелия Давыденко, который правит до сих пор. Имперские войска к тридцать восьмому сменились войсками Корпорации. Формально Империя существует, но в руках императора сейчас лишь часть судебной власти, да различные формальные и увеселительные функции — с народом поговорить, бедным помочь…

Анастас вдруг перешёл на шёпот:

— Между нами говоря, он тоже не сахар, но уж всяко получше Корпорации. Вот, зоопарк содержит.

Ник поднялся и подошёл к маленькому окошку, выходящему на тротуар. Народа в этой части зоопарка было немного, и он стал тщательно разглядывать каждого прохожего.

— В сине-зелёном обычно сотрудники ходят, — сказал подошедший Анастас. Или в чёрном. А в цветном простой люд, наймиты.

— Наймиты? — усмехнулся Ник странному слову.

— Во Внутреннем городе нельзя находится большинству субкультурных — только штатным сотрудникам подразделений корпорации — инженерам, менеджерам, солдатам, офицерам. Или наймитам, которые вроде как свободные, но работают по подряду. Я, например, тоже наймитом считаюсь. И даже все графы из близких императору семей. У нас прав меньше.

— Хм, вы так хорошо объясняете, вам бы преподавать, — хмыкнул Путник.

— Я и преподаю, — кивнул Анастас. — В городе большинство людей старше сорока учат детишек и студентов, хотя бы по нескольку часов в неделю, как я.

Ник попытался осмыслить то море информации, который вылил на него Крутаков.

— Получается, меня ударили шокером только за то, что у меня нет паспорта? Раз в городе нельзя находиться не-сотрудникам и не-наймитам. И что мне теперь делать?

— Ты не грузись, — Анастас похлопал Ника своей здоровой ручищей по плечу. — Придумаем что-нибудь. А пока просто не будешь выходить за пределы зоопарка. Со Станиславом такая же ситуация была три года назад, он бывший беглый. Наш граф мужик нормальный, я ему расскажу всё как есть. Корпорация ему до фени, он Императору подчиняется напрямую. А ты парень не глупый, в зверинце для тебя работа найдётся. Сейчас тебе раскладушку достанем, да одеяло, будешь спать на чердаке.

II. Фуга. Эпизод 5. Зверинец и зверь (б)

* * *

После пробуждения Путнику показалось странным то, что снов он не запомнил. Сознание во сне словно парило в тёмной пустоте, в которой мимо него пролетали хрупкие образы из прошлых миров.

Утром было прохладное, а чердак служебного здания не отапливался. Ник, закутавшись в тёплый плед, подошёл к чердачному окну, чтобы ещё раз поглядеть на зоопарк. Вольер и клеток было немного, проходы неторопливо подметали трое уборщиков — в таких же бордовых костюмах, как и вчерашние спасители.

За оградой, в рассветной дымке, виднелись здания Внутреннего города — серые и выглядевшие старыми. За ними где-то далеко на юге виднелась невысокая горная цепь, терявшаяся в сизой дымке. Внимание Путника привлекла высокая серая башня в центре, над которой он разглядел гигантский сизый силуэт, частично сливавшийся с небом. Анастас что-то вчера говорил про дирижабли, но Ник никогда их не видел ранее, и потому картина показалась ему грандиозной и по-своему страшной.

Ник сел на раскладушку и попытался ещё раз понять рассказанное вчера Анастасом. Во-первых, он понял, что мир — или реальность, в которой он находится, несравнимо больше всех тех небольших «стран», в которые он попадал. При прочих равных условиях это был бы совершенно настоящий, реалистичный мир, в котором сознание (или душа?) Путника жило раньше. Но что-то, всё же, отталкивало его в окружающей реальности и оставляло в душе дискомфорт. Поразмыслив, Ник списал это чувство на страх перед вездесущей Корпорацией, которая чуть не убила его. С другой стороны, в этом мире нашлись люди, которые спасли его и пытались ему помочь. Такими людьми были Анастас со Станиславом, возможно, найдётся и кто-то другой, кто сможет помочь.

Во-вторых, его насторожила история с Челябинском и Японской империей. То, что страна, в которую он попал — Империя Каменного Пояса — это единственное государство, не имеющее ни союзников, ни соседей, казалось странным. Что-то

подсказывало ему, что такого не может быть — должна же быть внешняя торговля, туризм, перевозки. Ник плохо помнил географию России, но гористые земли, которые могут лежать выше зоны затопления, определённо должны остаться! Неужели за десятилетия, прошедшие после Катаклизма, было невозможно достигнуть других уцелевших земель? К тому же, как осколок такой крупной страны, оставшись полностью независимым, мог остаться живым?

И в-третьих, не могли не пугать столь странные перемены в календаре. Когда сокращается число дней в году, когда столь сильно меняется климат, очень сложно понять, в вымышленной реальности ты находишься, или в настоящей. С другой стороны, различия между этим миром и всеми теми хрупкими мирами, которые Путник уже повидал, были существенные — например, в искусственном мире не могло жить так много людей.

Размышления Путника прервались шорохом внизу и скрипом ступеней лестницы. На чердак взобрался Анастас, следом за ним вошёл лысый мужчина средних лет, с бакенбардами и короткой бородкой. Встал у входа, скрестил руки на плечах и стал со скпетическим видом рассматривать Ника.

— Хиловат, — сказал, наконец, незнакомец. — На тяжёлую работу не годен.

— Ничего, мышцы отрастут, ваше благородие, — заступился на Ника мулат. — Парень неглуп, брезгливостью не страдает. Память только малость отшибло, но как-то избирательно. Всё, что нужно, знает.

Незнакомец кивнул, подошёл и небрежно пожал Путнику руку.

— Граф Владимир Леонидович Галактионов, владелец этого зоопарка. Подданый его императорского величества, князя Исетского, Тагильского, Чусовского и Ивдельского Савелия Первого. Писатель. Ну, и из какого города ты сбежал? Из Нижнего, как и Стаська?

— Я не помню, ваше благородие. Возможно, и из него, возможно — севернее.

— Животных не боишься? — спросил граф.

— А что их бояться. Они как люди, только другой формы.

— О как завернул! — рявкнул Галактионов и хрипло, немного по-конски заржал. — Ничего, пойдёт. Тащи его знакомить с народом и хвостатыми.

Анастас до обеда гонял Путника мимо клеток с животными и террариумов, кратко рассказывая про каждого обитателя, а потом по административным отделам — знакомил с коллегами. Ник сбился после десятого имени сотрудника — ему было непривычно

видеть столько людей. В зоопарке, в основном, работали люди по местным меркам немолодые — от тридцати пяти до пятидесяти. Народ показался вполне простым, и встречал Ника дружелюбно, однако в их взглядах чувствовалось лёгкое снисхождение.

Сводили и к местному фельдшеру — он оказался молодым узбеком. Осмотрев и прослушав Ника, он выдал заключение, что парень физически полностью здоров и к работе пригоден — разве что с весом небольшие проблемы. Это показалось Путнику приободряющим.

Зверинец показался Нику не особо богатым. Из крупных зверей были только пара тигров, бурый мишка, волк, бегемот и ягуар. Из мелких — четыре вида мартышек в огромной вольере, при виде которых Ник снова вспомнил Страну Антропоморфов. Много было загадочных енотовидных носух, родом из Центральной Америки. Рядом в небольших клетках и вольерах жили грызуны, харза с горностаями и лесные коты. Ещё была секция пернатых и земноводных — тоже не сильно богатые. Большую часть зоопарка занимал слоновник, который пустовал.

— Помер слон, — объяснил Анастас. — Уж года два как. Но тут на днях сказали, что скоро нового привезут.

— Откуда? — удивился Ник.

Станислав, шедший рядом, пожал плечами.

— Корпорация привезёт. Кто её знает.

Ник принюхался к воздуху и чихнул.

— Почему у вас так пыльно? И совсем нет снега в феврале?

— Потепление. В городе всегда пыльно, — ответил Анастас. — Водопровод есть не везде, моют улицы редко. Привыкай.

— В этом году холодно, — Станислав поёжился в жилетке. — Снег выпал, говорят, в Ивдельской провинции.

До обеда Нику доверили под присмотром старших прибрать вольеру с обезьянами — работа показалась Нику простой и не сильно утомительной, хотя аппетит проснулся. Посетителей в первой половине дня было немного — в основном, молодые пары и родители с детьми, и Путник, поначалу испытывавший опасение к людям в форме Корпорации, постепенно стал привыкать к их присутствию. Он увидел в них простых людей, разных, но мало чем отличающихся от него самого.

В обед Станислав повёл его в столовую для сотрудников и, пока они стояли в очереди, спросил:

— Ну как тебе посетители? Привык к их взглядам?

— Нормально. Уже начинаю привыкать.

— Освоишься. Легенду свою уже придумал?

— Легенду? — удивился Ник. — Зачем?

Станислав ухмыльнулся.

— Сейчас сядем за столик, и я расскажу.

Сотрудник взял две ухи, два хлебца и расплатился тремя странными купюрами.

— Иены! — удивлённо воскликнул Ник, когда разглядел иероглифы на бумажках, и тут же осёкся, увидев вопросительный взгляд буфетчицы. — Простите, просто я тут первый день.

— Странный у тебя напарник, Стаська! — ухмыльнулась девушка и подмигнула Путнику.

— Слушай, Станислав, не дашь взаймы? — попросил Ник, но коллега махнул рукой, указав буфетчице, что оплатит сам.

Когда они сели за угловой столик, Станислав сказал в полголоса:

— Больше не позорь меня. Мало, что мне за тебя платить приходится, так ещё и глупости всякие говоришь.

— Извини. Я просто не знал, что денежная единица в городе — иены. И ещё мне кажется, что я знаю японский и несколько других языков.

Станислав тихо засмеялся.

— Уже почти двадцать лет как иены. Придурошный ты, всё же. Не в обиду, но ей-богу придурошный.

Ник решил, чтобы не обижаться на приятеля, перевести разговор с обсуждения своей личности на другую тему.

— Ты хотел рассказать что-то про легенды.

Напарник огляделся по сторонам.

— Тебе не кажется странным, что у нас в зоопарке столько работников? На шесть десятков зверушек — почти пятьдесят человек.

И вправду, странно, подумалось Нику.

— Вы что, специально принимаете сюда всех, кого попало?

Станислав кивнул, снял очки и положил на стол. Без очков он выглядел куда менее уверенным.

— Таких, как мы с тобой, тут штук пятнадцать. Четверых выловили на свалке, их тоже пытали. Двое бежали со стройки. Один свалил из подземки, от неодиггеров — что-то не поделили, и теперь боится выходить за пределы. Парочка должников, воришек и всяких других неудачников разных мастей. Я уж не буду пальцем показывать, у нас тут не принято.

Ник с новым взглядом посмотрел на сотрудников, сидящих за столиками — кто парами, кто поодиночке. Станислав продолжал:

— Ты вон вообще пока без документов, тебе выходить за границы зоопарка опасно. Да сам дядя Анастас, думаешь, с простой судьбой? Он вроде как родился до Катаклизма, но мне не верится — по мне, так ему лет сорок, просто он мулат, полный, а раньше, до запрета, алкоголь употреблял, вот и выглядит старым.

Ты не слышал, какую чушь он рассказывает про детство — явно придумал… Но суть не в этом. Если ты скажешь, что ты пришелец из другого мира, тебя засмеют, как если я скажу, что бежал из Нижнего. Из Нижнего так просто не убегают, а убежавшие — долго не живут. Я пришил парочку офицеров, и меня пытали в Твердыне Корпорации. Почему меня выпустили, я до сих пор не знаю. Анастас, конечно, говорит, что у зоопарка и его работников есть покровители где-то наверху, но я в это не верю. Для надёжности я всем рассказываю, что я Станислав Складовский, что мои родители пОляки, работавшие до Катаклизма в консульстве. Придумай и ты что-нибудь такое, а не рассказывай всем свой бред про то, как гулял по мирам.

Путник покачал головой, уплетая борщ, и сказал с набитым ртом:

— Это не бред. Но ты прав, надо что-то придумать. А как тебя звали на самом деле?

Стаська поглядел в окно, поменявшись в лице.

— Саня, — потом повернулся и сказал: — У зверинца, Никуха, два вида пленников — звери и люди.

* * *

Вечером, когда рабочие дела закончились, Крутаков достал из шкафа в своём вагончике пыльную старую телевизионную панель, которая, по его словам, свалилась с беспилотника в контейнере ещё лет десять назад.

— Сейчас зомбоящик будем смотреть, — сказал мулат. — Давно не включал. Говорят, на юге возникли какие-то аномалии в лесу, может, что-то связанное с тобой.

Анастас подцепил вытащенный откуда-то кабель и объяснил Нику, что, как и Урнет, в городе телевидение только кабельное. Путник не разбирался в физике, и объяснений, почему радиоволны не могут распространяться на большие расстояния, не понял. Урнет имел медленную скорость, и смотреть видео через сеть мог позволить себе не каждый, поэтому телевидение и обмен дисками «в живую» снова были популярны, как на самой заре компьютерной эры.

Во внутреннем городе, как оказалось, три канала — первый был полностью посвящён военной тематике, промышленности и официальным новостям, второй был развлекательный, а третий — для детей и домохозяек. Как сказал Анастас, смотреть можно только второй — по нему показывали старые боевики, беседы с местными знаменитостями и любительские короткометражки.

Третий канал для мужчин был неинтересным, а по первому была откровенная зомбёжка.

После непродолжительной беседы с коллекционером открыток, которая показалась Нику скучной, промелькнула заставка с надписью «Корпорация любит нас!», и передача сменилась.

— О кошках ходили легенды, — сказал хмурый ведущий, видимо, из бывших киберготов. За спиной виднелись деревья какого-то парка. — До Катаклизма эти животные жили в каждой семье, но после оного по непонятным причинам бесследно исчезли. До недавнего времени кошки содержались лишь в императорском дворце, известно о небольших популяциях в Серовской и Ивдельской провинциях на севере. Манулы, дикие собратья кошек, живут в неволе в императорском зоопарке… — при этих словах Анастас улыбнулся и ткнул пальцем в экран, услышав про родное место работы. Ведущий продолжал. — Однако буквально пару дней назад в разных частях города были обнаружены кошки с месячными котятами. Их происхождение пока выясняют специалисты. Мы беседуем с одним из горожан, наймитом Юрием, который обнаружил и приютил одно из таких животных.

Камера сместилась вправо, в сторону стоящего рядом с ведущим человека. Полноватый, немного лысый мужчина держал на руках кошку. Ник вздрогнул, потому что животное был того же самого окраса, что и напавший на него кот из мира Бункера.

— Ого! Вот нам бы такого, — Анастас почесал подбородок. — Не в зоопарк, в смысле, домой.

— Юрий, расскажите, как вы нашли это существо? — обратился ведущий.

— Ну, я шёл к своему дому и увидел его у крылечка. Я много читал про них, видел картинки в Урнете, поэтому взял, не раздумывая.

— Вы не думаете, что они могут быть опасны? — спросил ведущий, прищурившись. — Вдруг их подкинули челябинские шпионы, и они, к примеру, больны сибирской язвой.

На лице человека с котом отразилось недоумение.

— Да нет, не думаю. Я бы сразу понял, если опасны, а тут видно, что не опасны…

Досмотреть передачу Нику не дали — дверь в вагончик открыл взмыленный сотрудник и выпалил:

— Путник, тебя тут к Владимиру Леонидовичу вызывают!

Ник непроизвольно напрягся. Директор зоопарка показался Путнику строгой личностью.

— Не бойся, там какое-то важное дело. Он мужик

нормальный, книжки пишет.

Ник выбежал из-под крытого двора и побежал в сторону административного здания, которое стояло в другом конце зоопарка, как вдруг остановился, заметив странное выражение лиц посетителей. Отвлекшись от клеток со зверями, они смотрели на запад, в сторону солнца. Там, в пелене из седой пыли плыло большое облако, подсвеченное изнутри лучами заходящего солнца.

Директор был явно не в духе.

— Зря мы тебя взяли! — рявкнул он, как только Ник переступил порог. — Я чувствую, дело тут нечистое.

— В каком смысле? — Путник напрягся.

Галактионов подошёл к окну и отвернулся. Ник тем временем рассмотрел кабинет директора — помещение оказалось небольшим, но обставленным со вкусом. Вдоль двух стен тянулись книжные стеллажи, и Ник вспомнил, что Галактионов назвал себя писателем. Мельком просмотрел корешки книжек — тут оказались как научные, так и художественные книги, потрёпанные, старые. Некоторые фамилии даже показались знакомыми, но долго вглядываться ему не удалось.

— Корпорация проявляет к тебе нездоровый интерес… — Владимир Леонидович раздвинув старые жалюзи и посмотрел в окно. — Мда, странная погода сегодня.

— В смысле, интерес?

— К нам приходили двое из отдела безопасности, — директор повернулся и достал из ящика стола белую карточку. — Они принесли мне вот это и сказали отдать тебе.

Карточка прокатилась по длинном директорскому столу, и Ник поймал её у противоположного края.

Паспорт. Точно такой же, который сделали ему на въезде во внутренний город.

— Но почему… почему они вернули его мне?! — изумился Ник.

Директор усмехнулся.

— Ты меня об этом спрашиваешь? Лучше расскажи мне всю правду. Откуда они знают, что я тут. Они сказали тебе шпионить за нами?

Ник удивлённо посмотрел на начальника, затем усмехнулся.

— Зачем мне шпионить за вами? Корпорация хотела меня убить, они сами меня подозревали в шпионаже против них!

— Но ведь зачем-то отпустили?..

Путник задумался. И действительно, они же отпустили его. Убить пытались двое солдат, выбрасывавших мусор на свалке, но генералы с полковниками отпустили его. Неужели они

специально отправили его в зоопарк?

— Они что-то говорили про меня?

— Нет. Просто попросили, чтобы я передал карточку, и что она перепрограммирована, я даже не успел ничего спросить.

— Среди них была женщина, лет тридцати пяти? — Ник вспомнил Светлану, у которой мог остаться его паспорт.

— Да, была. Ты её знаешь?

Странно, подумал Ник, очень странно. Зачем тюремщице помогать ему?

— Нет, просто видел в тюрьме.

— Ты пойми, Ник, — директор гипнотизировал Путника своими чёрными, как уголь, зрачками. — Наш зоопарк — единственный островок свободы во внутреннем городе. Старой, настоящей свободы. Кроме, пожалуй, императорского дворца. И кому-то из верхушки Корпорации может это не понравиться.

— Я не получал от них никаких указаний, — Ник постарался сказать это максимально твёрдо и убедительно. — Меня просто вышвырнули за ворота, ни сказав ни слова. А затем догнали и дали заряд в ребро. Говорят, со Складовским было что-то похожее?

Директор неохотно кивнул. Оставалось непонятным, верит он Путнику, или нет. Возможно, он и сам сомневался.

— Хочешь сказать, ты случайно пошёл к зоопарку?

— Честное слово, Владимир Леонидович! Я узнал о том, где нахожусь, только после того, как пришёл в себя — у вагончика Анастаса и Станислава.

— Хм. Ну-ка дай сюда! — директор жестом попросил карточку обратно. — Взгляну кое-что.

Ник неохотно вернул паспорт обратно Галактионову. Тот достал из кармана свой паспорт, взвесил оба на руках, затем посмотрел в торец толстой карточки.

— Может, они поставили жучок? — предположил директор. — Чтобы подслушивать тебя.

Путник кивнул.

— Возможно… Но мне Анастас говорил, что радиосвязь не работает, зачем тогда жучки?

— Хе, пацан. Ты многого ещё не знаешь. Радиосвязь не работает на большие расстояния просто потому, что ни у кого нет мощных передатчиков. И потому что это запрещено Корпорацией. А все верят. До двадцати метров передать сигналы можно запросто. А если где-то на нашей территории закопан приёмник со шнурком…

— Не проще ли просто нанять кого-нибудь из сотрудников, чтобы работали на Корпорацию? Да и разве у вас могут быть

настолько секретные сведения, что за ними может идти такая охота?

Директор промолчал, потом подошёл к окну и поднял жалюзи.

— Вот те на. Дождь! Первый дождь в году тридцатого февраля! — с какой-то ребячьей радостью проговорил Галактионов и, улыбаясь, подошёл к Нику. — Это хороший знак. Бери свой паспорт обратно, парень. Но никому про него не говори, и будь осторожен — что-то тут не чисто.

* * *

Под стук капель по крыше спалось великолепно. Ночью Ник видел себя шедшим по гигантской плоскости, засыпанной снегом. Там не было ни солнца, ни неба — только равномерно освещённая плоскость, которой, казалось, нет предела, и снег, который, казалось, шёл из ниоткуда. Путник почувствовал, как ему не хватало снега — белого, пушистого, хрустящего под ногами. В реальности, в которую он попал, зима была неуютной именно поэтому — из-за отсутствия снега.

Ещё он понял, что уже был здесь, и что это пространство является чем-то вроде приграничной зоны вблизи миров.

— Чувствуешь, что ты здесь уже был? — спросил голос за спиной.

Путник обернулся. За ним по бесконечной плоскости шёл высокий незнакомец в плаще, показавшийся ему отдалённо похожим на давнего приятеля из страны Антропоморфов.

— Казимир? — удивился Путник. — Так ты выжил!

— Да, — Казимир погладил свою гладкую лысину. Рогов на голове не было, но, несмотря на человеческое лицо, что-то козлиное в его облике сохранялось. — Я тоже могу перемещаться между мирами, как и ты. Мы все часто проходим эту зону, только обычно быстро, неосознанно, перелетая от одной страны к другой.

— Кто это — мы?

Казимир пожал плечами, прищурившись под порывом снежного ветра.

— Способные перемещать сознание между мирами. Нет точного названия таким личностям, как мы. Просто одни это могут, а другие нет.

— Ты тоже Путник?

Его собеседник промолчал. Ник оглянулся по сторонам.

— Почему путешествие по мирам так похоже на сон?

— Дело не во сне. Пробуждение ото сна в другой телесной оболочке — всего лишь один из вариантов перехода в другой мир.

Снегопад внезапно кончился, стало жарко. Путник обратил внимание на свою одежду — на нём было всё то же пальто, в котором он попал в Верх-Исетск.

— Что стало с тем миром? Со страной Антропоморфов?

— А её больше нет. Выжило слишком мало жителей этой страны, чтобы была возможность восстановить её по крупицам сознания.

Жаль, подумал Путник. Существа, жившие там, были весьма дружелюбны. И что самое обидное, во всём виноват он, Путник, его способность разрушать. Ведь это он не смог помирить две враждующие силы, хотя все верили в него.

— Я сразу узнал тебя там, — продолжил Казимир. — Понял, что ты Путник. Ты очень силён, мир Антропоморфов — это очень крупный мир, его не просто было разрушить. К тому же, ты так быстро перемещаешься между реальностями…

— Ты пытался запутать меня! — вспомнил Ник. — Тогда, у реки, ты пытался меня убедить, что хоботунов не существует!

Снежный покров растаял, из серой земли начали проклёвываться тёмно-зелёные, колючие ростки.

— Да, — кивнул Казимир. — Я проверял тебя на прочность. И пытался отговорить от сомнительного мероприятия. Ты думаешь, что-то изменилось бы, если бы ты привёз этот хобот вождя? Ничто бы не изменилось, ведь они все обманывали тебя.

Ник замотал головой, пытаясь освободиться от дурных мыслей. Его преследует обман, и уже непонятно, можно ли кому-то верить. Мир вокруг начал тускнеть, поверхность стала серой, как лист папируса.

— Расскажи о себе, — попросил Путник, желая сменить тему. — Откуда ты, как появился на свет?

Казимир усмехнулся.

— Ниоткуда. Я очень плохо помню своё детство. Наверное, все путники так. Амнезия — побочный эффект частой смены телесной оболочки. А возможно, и не было никакого детства. Мы сразу родились — или нас создали — такими. Я помню примерно десять последних лет своей жизни. Год — понятие условное, потому что время миров обычно никак не связаны между собой. Помню себя исполином на одиноком болотистом острове. Там жили дриады в ветвях деревьев. Помню себя карликом в Жёлтом мире… Стариком-отшельником в огромном пустом мегаполисе. Винторогом из страны Антропоморфов — ты его тоже помнишь.

— Таких миров, как я разрушил, много?

— Никто не знает, сколько реальностей. Может быть, тысячи, может быть, миллиарды. Около крупных миров, вроде мира Корпорации, их очень много. Они, как деревни на карте вокруг большого мегаполиса. Их специально строят вокруг, чтобы защитить, огородить крупный мир от проникновения. Чем дальше, тем меньше и меньше становятся миры, и постепенно сходят на нет, превращаются в хаос бытия.

Казимир остановился и хитро посмотрел на Путника.

— Причём почувствовать себя творцом таких миров может каждый…

Слова Казимира замедлились. Творцом… Может… Каждый… Ник остановился.

Получается, и он тоже может?

Ник закрыл глаза и почувствовал, что теряет свою физическую оболочку. Он больше не был худым юношей вида Homo Sapiens, он стал творцом — гигантским бесформенным существом, способным создавать миры. Путник почувствовал, как биения сердца отмеряет ход течения времени, как из пустоты его сознания начинает прорастать, выкристаллизовываться совершенно новая реальность. Он увидел где-то внутри себя яркое, влажное побережье тёплого моря, крохотные домики какого-то нового народа, древовидные лишайники, птицы, похожие на мух и других странных существ…

Видение возникло внезапно и спонтанно, но Путник почувствовал, что никто, кроме него, раньше не видел этого, и что он может делать здесь всё, что пожелает. Тем не менее, это был настоящий, полноценный мир, подчиняющийся основным физическим законам. Путник понял, что знает названия народов, существ, поселений, местностей своего мира, что ему доступно любое знание о реальности, которую он создал. Каждое биение сердца равнялось одному местному году, и пока картинка держалась в сознании Ника, прошло около века.

— … Главное — суметь сберечь то, что ты породил, — послышался откуда-то снаружи величественный голос. — Суметь не разрушить.

Ник вздрогнул и открыл глаза. Он стоял всё в том же «пограничье», что и парой минут (или веком?) назад. «А где мой мир?» — захотел спросить Ник, но почувствовал немоту, как будто кто-то залепил ему рот пластырем.

— Боишься разрушить? — Казимир, стоявший перед ним, хитро усмехнулся.

Ник вздрогнул, и сознание переместилось ещё раз.

— Боюсь! — тихо выкрикнул он, но его никто не услышал — на чердаке было пусто.

II. Фуга. Эпизод 6. Путник и Спутница (а)

(Третьи лица)

Ромул раздвинул жалюзи и осторожно посмотрел на улицу. В небе творилось что-то страшное, но это было не так важно для охранника. Снова, как и неделю назад, на противоположной стороне виднелись два броневика Корпорации.

— Карим, доставай ствол, — сказал он узбеку. — Шавки приехали. Сейчас мы им зададим.

Узбек коротко кивнул, поправил тюбетейку и достал из внутреннего кармана лёгкого пиджака пистолет Макарова, оставшись сидеть на стуле.

Охранник антиквара открыл сундук и достал автомат. Проверил патроны в рожке и передёрнул затвор. Когда дверь со взломанным замком распахнулась, в лицо вошедшему седому генералу с двух сторон комнаты смотрело два ствола. Секундой спустя из-за спины выскочили телохранители, закрыли собой шефа и замерли, ожидая приказания. На лице старика сначала отразилось недоумение, а затем он осторожно дал своим охранникам жест рукой опустить стволы индуктивников.

— Какой нерадушный приём, — хмыкнул седовласый. — Вы же должны меня помнить, молодой человек? Генерал войск Корпорации Вячеслав Кадочников, к вашим услугам. Хаким с командой, проводившие тут обыск, как мне доложили, работали грубо, и я пришёл к графу лично принести свои извинения. Где Юрген Серафимович, кстати?

Ромул узнал генерала — он видел его, ещё будучи мальчишкой. По тону генерала чувствовалось, что он говорит правду.

— Мы думали, это киберготы бесчинствуют, — сорвал охранник и опустил ствол автомата.

Карим, не меняя своего по-узбекски каменного выражения лица, поставил пистолет на предохранитель и положил за пазуху.

— Юрген болеет, — сказал узбек. — В него стреляли транквилизатором. Я его друг, я приехал к нему издалека за товаром. Он не смог мне показать свой товар. И я остался гостить, помогать.

— Разрешите мне поговорить с ним? — сказал Вячеслав, стряхивая пыль с блестящих сине-зелёных погон.

— А пойдёмте, я провожу, — Ромул положил автомат на табуретку и приоткрыл дверь из зала в коридор.

Телохранители генерала дёрнулись, собираясь сопровождать своего шефа, но Вячеслав покачал головой.

— Я доверяю этим парням, — коротко сказал он и шагнул в коридор.

Нищцельский спал. Спальня графа была обклеена старинными постерами из фильмов, и Вячеслав вгляделся в старинную картину, изображавшую трёх людей в обтягивающей кожаной одежде и чёрных очках на фоне зелёных символов.

— Я не знал, что ты веришь в «Матрицу», — сказал генерал.

Юрген, вздохнув, открыл свои близорукие глаза и улыбнулся. Затем, приподнявшись с постели, натянул свои старые сломанные очки и с удивлением посмотрел на Вячеслава.

— Прости, разбудил тебя, — Вячеслав сел на табуретку рядом с кроватью.

Антиквар посмотрел на постер.

— Я не верю, я знаю. Всё гораздо проще и сложнее. Я не кибергот — просто картинка красивая. Странно, что ты пришёл. Когда ты был тут последний раз?

Генерал погладил пальцем крохотные песочные часы, стоявшие на тумбочке.

— Семнадцать лет назад. Когда ты только поселился в этом доме. Сколько воды утекло.

Граф покачал головой и помолчал немного, вспоминая былые годы. Потом спросил:

— Как твои дела, Вячеслав?

Военный неприятно поморщился, будто воспоминания о работе были противны ему.

— Отстраиваем Первоуральск. Боремся с фальшивомонетчиками. Индуисты на окраинах бунтуют. Дел полно, ни на что нет времени…

— У вас же есть Император?

— Ха! Ты думаешь, он занимается страной? Он ведёт какие-то свои игры. По правде сказать, нам это нравится всё меньше и меньше. Мы вынуждены затягивать гайки. Потому, извини, что так получилось. Я принёс тебе две новости, граф.

Юрген улыбнулся.

— Одну из них я уже знаю. Путник жив. Вы не делали попыток убить его физически, и поступили верно — это могло лишь всё усугубить.

Кадочников ухмыльнулся.

— Да, это так. Откуда ты знаешь, чёрт побери?

— Я только что общался с одним своим другом. Старым другом, он видел Путника.

Вячеслав посмотрел в приоткрытую дверь.

— Этот узбек в зале? Откуда он мог видеть Путника?

Юрген покачал головой.

— Нет, совсем другой друг, он живёт не здесь. Никто из ваших никогда не видел этого доброго толстяка.

Генерал недоверчиво поглядел на часовщика, потом раздражённо махнул рукой.

— Мне никогда не разгадать твоих загадок, старик. Может, оно и к лучшему — и так я знаю слишком много для простого человека, и от этого у меня постоянно болит голова. Так или иначе, мне пришло недвусмысленное указание от НИХ, что этот ваш Путник должен остаться в живых. Ещё было приказано дать ему документы с твоей фамилией. А вторая моя новость, точнее не новость, а просьба, вот какая — мы просим тебя больше не заниматься своими тёмными делами и не идти на контакт с этим Путником. Даже если он будет искать тебя, как однофамильца. Пусть всё решают ОНИ.

Юрген кивнул. Вячеслав выдержал небольшую паузу, затем рискнул спросить.

— Скажи, вот этот паренёк из ниоткуда, эти все аномалии в окрестностях города, провалы во времени, сияние в небе… Это всё связано, это твоих рук дело?

— Моих? — засмеялся старик. — Ты серьёзно думаешь, что у меня есть на это силы? Забудь, приятель. Я уже давно слабый старик-антиквар, а во всём происходящем виноват вовсе не я.

— Тогда кто? Эти чёртовы индуисты? Узбеки? Кто, чёрт побери! — повысил голос генерал, но Ромул подошёл сзади и положил ему на плечо свою тяжёлую руку. Вячеслав осёкся и приложил руку к затылку, словно у него болела голова. — Этот парень… Кто он?

Антиквар посмотрел в окно.

— Просто Путник из ниоткуда. Вестник перемен.

— Перемен? Хочешь сказать, это всё только начало? Он сам всё это сделал?

— Я не знаю, — развёл руками Юрген. — Может, он лишь орудие чего-то или кого-то другого. Кого-то извне. Может, наш спаситель. Может, наоборот.

— Бред, — заскрипел зубами генерал. — Мы говорим о каком-то диком бреде. Чьё-то орудие? Но зачем тогда отпускать его? Отпускать, а потом наблюдать, как привычный мир вокруг становится непонятно чем, как тогда, семнадцать лет назад?

Юрген кивнул и поправил собеседница:

— Восемнадцать. Через год всё наладилось. Всё будет хорошо и теперь, вот увидишь.

— Бред, — повторил генерал и замотал головой, словно

убеждая себя в чём-то. — Мне хочется верить, что ты прав, и что всё будет хорошо. Но себя обезопасить мы тоже хотим. И ещё, чуть не забыл — мы нашли гитару, очень похожую на ту, что я видел тогда, в тридцать седьмом. Сейчас она у нас, и что-то мне подсказывает, что её лучше оставить.

Часовщик кивнул, немного помрачнев.

— Пусть будет так.

Генерал резко поднялся со стула и пошёл к выходу. У дверей обернулся и сказал:

— Я улетаю сегодня на дирижабле на восток. Должен разобраться ещё с одним товарищем. Выздоравливай, старик.

— Счастливого пути тебе, — улыбнулся граф.

(Путник)

Утром дождь кончился. В зоопарке пахло сыростью и пылью — почти также, как в мире-курятнике.

— Новость передали, сегодня слона привезут, — сказал Анастас, когда Ник спустился вниз. — А ты чего задерживаешься?

— Так меня же никто не разбудил раньше.

Мулат недовольно покачал головой.

— Через двадцать минут уже к работе приступать. Стаська вон уже убежал. Пора бы тебе будильник завести, что, мне всё время тебя теперь будить, как маленького?

Ник усмехнулся.

— На что мне его купить, у меня и денег-то нет.

— Тьфу, — плюнул Анастас. — Что ж ты раньше-то молчал! Попроси у кассирши аванс. Только много не проси, не больше половины.

— Я как-то не думал про деньги. Даже у директора не спросил, какая у меня будет зарплата.

— Не зарплата, а жалование! Мне он сказал про тебя — восемь тысяч иен в месяц.

Ник задумался — цифра выглядела прилично, но он плохо разбирался в масштабах цен. Крутаков добавил, угадав замешательство Ника:

— Хорошая сумма, тут почти у всех такая. У начальства и у охраны ещё больше. В общем, на жизнь хватит.

Путник наскоро позавтракал и погрузился в работу — уборка после дождя, разнос корма, разные поручения — он старался показаться максимально ответственным и трудолюбивым, и, похоже, у него получалось. Несколько раз его даже похвалили.

Ближе к обеду Ник набрался смелости и заглянул в бухгалтерию. Раиса, полноватая кассирша лет тридцати, попросила паспорт, и Ник впервые поднёс его к считывателю.

— О, так ты Никита! А то мы всё тебя «Ником» зовём, а полного имени не знаем, улыбнулась Раиса.

Путник посмотрел на экранчик кассового аппарата. Там значилась фамилия и имя — Никита Нищцельский. Всё-таки Никита, а не Николай. И до чего странная фамилия — «Нищцельский». Тоже польская, как и у Складовского — даже и придумывать ничего не пришлось. Но зачем Корпорации было править фамилию «Путник» на столь замысловатую?

Зарплату выдали без особых проблем, хотя кассирша после прочтения фамилии смотрела на удивляющегося Ника как-то подозрительно. Бумажки были старые, затёртые — как будто ими пользуются уже не первый десяток лет. После этого Ник поймал Складовского и направился с ним в столовую, где впервые расплатился своими деньгами.

— Нищцельский, значит? Тоже поляк… Редкая фамилия, — многозначительно заметил напарник.

В столовой Станислав рассказывал байки из жизни зоопарка. Про то, как престарелый орангутанг, который помер в прошлом году, влюбился в рыжеволосую техничку Свету и жутко ревновал её к Анастасу. И про медведя, случайно надевшего на голову ведро с кормом, которое потом никак не могли снять. Несмотря на то, что напарник не снимал с себя привычной флегматичной маски и рассказывал всё это с ледяным спокойствием на лице, Ник хохотал на всю столовую. Успокоившись, Путник спросил напарника:

— Почему все говорят о субкультурах?

— Раньше общество делилось на классы, на сословия там. Богатый, бедный. Сейчас это уже не так важно. Сейчас всё делится на субкультуры, это стало что-то вроде каст в древней Индии. У кого ты родился, в какой коммуне вырос — тем, как правило, и станешь. В каждой общине свои традиции, свою музыку слушают. Даже Корпорация, по сути, — одна целая субкультура, самая большая в городе.

— А кто такие индуисты? Анастас что-то говорил про них.

— Тоже субкультура, притом воинствующая. Контркультура. Когда-то, в прошлом мире, точно также называлась одна религия, но эти совсем другие. Ненавидят Корпорацию. Точнее, не всю её, а только бойцов и офицеров Войск Корпорации.

— Так это же… хорошо? — предположил Ник. — Я так понял, их мало кто из сознательных людей любит.

— Дело не в этом, Никита, — покачал головой Станислав. — Можно не любить и мириться с существованием «Ур»-а, приспосабливаться, как мы это делаем. Пока Корпорация нас не трогает, и мы её не будем. И на праздниках вместе со всеми

кричать «Корпорация любит нас!» А эти не так — то на КПП нападут, то в супермаркете воина прикончат. У них очень строгие законы внутри общин. Говорят, за любую провинность устраивают дуэли.

— А чего с ними власти не разберутся?

— Разбираются периодически. То одну коммуну поймают-пересажают, то другую. А всех сразу сложно победить — во Внешнем городе и пригородах у них сто двадцать коммун, а где единый центр и где глава не знают. Потом, такие слухи ходят, — Станислав понизил голос, — что кто-то из их верхушки ходит в фаворитах у Савелия Первого. Именно поэтому их до сих пор не прижали.

Фавориты императора. От этого веяло чем-то средневековым.

— Неодиггеры похожи на индуистов?

— Тем, что не согласны с властями — похожи. А так — очень отличаются.

Ник задумался. Что-то подсказывало ему, что политика — это грязная штука, и туда лучше не соваться, но вместе с тем тайная жизнь города чем-то привлекала его. К тому же, он снова ощутил, что ненавидит Корпорацию, и ему сложно мириться с существованием этой организации.

— Стаська, Сергей, Тимур! — рявкнул вбежавший в столовую Анастас, зацепив взглядом сидящих за соседним столом двух крупных парней из отдела хищников. — Бросайте жрать, слона привезли!

Несколько сотрудников сорвались с мест и побежали из столовой в сторону запасных ворот. Похоже, событие назревало особенное. Станислав недовольно проворчал, бросил в недоеденную тарелку ложку, и пошёл вслед за всеми, махнув рукой Нику, приглашая идти вместе со всеми.

Запасные ворота, обращённые к руинам прилегающих к Твердыне Корпорации кварталов, открывали очень редко. Обычно все необходимые грузовики с продовольствием приезжали со стороны центральных кварталов. Но в этот раз габаритов главных ворот не хватало, к тому же, слоновник был ближе к запасным.

В открытые ворота с электротягачом медленно въехала широкая платформа с большим контейнером наверху. В высоту импровизированная клетка для животного достигала четырёх метров. Из контейнера доносился приглушённый трубный рёв и стук. Въездом тягача руководил лично директор зверинца, Галактионов — он суетливо бегал вокруг, громко кричал и махал руками водителям, подсказывая на поворотах, как проехать по узким внутренним улочкам. Вокруг собралось немало зевак, как из числа сотрудников, так и среди посетителей. Когда платформа

подъехала вплотную к калитке слоновника, тягач остановили, водитель в форме Корпорации вылез и встал поодаль. Похоже, он боялся зверя в контейнере и не имел никакого желания заниматься разгрузкой.

Народ отошёл на солидное расстояние, толпа замерла в предвкушении события. После недолгой паузы Тимур с Сергеем запрыгнули на платформу и открыли задвижку на створках. Потом резко разошлись в стороны, открыв створки контейнера и образовав из них коридор, ведущий в слоновник.

Но сил у рослых работников не хватило, чтобы удержать зверя — с трубным рёвом он толкнул одну из створок, сбросив Тимура на землю с платформы недалеко от Ника. Народ в панике побежал в разные стороны, а Галактионов заорал благим матом:

— Парализатор! У кого ружьё-парализатор, чёрт возьми!

А Ник не побежал, он остался стоять, зачарованно глядя на гигантское животное, чей рост с высоты платформы казался совсем исполинским. Створки контейнера никто не держал, и гигант запросто мог направиться в сторону толпы. Внезапно Путник услышал тишину, воцарившуюся вокруг, и спустя мгновение понял её причину.

Перед ним был не слон. Перед человеком стоял исполинский древний мамонт, с густой красной шерстью и длинными, закруглёнными бивнями.

Животное махнуло головой, откинув мешавшую створку, подошло к краю платформы и потянулось своим странным хоботом вниз, в сторону Путника. В глазах у гиганта, так похожих на человеческие, был какой-то странный, задорный огонёк. Казалось, животное почувствовало свободу, и Ник положил ладонь на волосатую поверхность хобота, похлопал по нему, как хлопают по плечу старого товарища.

Это существо явно пришло в мир Каменного Пояса из другой реальности. И в этом оба — и Ник, и зверь — мгновенно почувствовали своё родство и духовную близость.

— Это твой новый дом, дружище, — Ник кивнул на вольеру. — Тесноват, но ты будешь жить достойно, поверь мне. Иди туда.

Красный мамонт качнул бивнями, повернулся и грузно спрыгнул с платформы в слоновник, подняв облако пыли.

* * *

Мамонта назвали Ильёй. Весть о появлении нового животного быстро разлетелась по округе, и народ из Внутреннего города в тот же вечер толпами повалил в зверинец.

Императорский двор выделил дополнительные средства зверинцу на содержание зверя, и Ника закрепили за слоновником, теперь он стал носить гордый титул «кипер». Работы стало прилично — помимо уборки, мытья и разбрасывания корма надо было большую часть дня проводить вместе с животным — просто сидеть рядом, чтобы мамонт не чувствовал себя одиноким.

Через пару дней Галактионов приказал выделить новому сотруднику отдельную комнату в соседней с зоопарком многоэтажке. В той самой, из которой в день освобождения Путника били в небо прожекторные лучи.

Вечером следующего дня Ник собрал свои пожитки в пакеты — пока что личных вещей у него накопилось немного, и почти все были подарены сотрудниками — и отправился вместе со Станиславом заселяться. Это был третий раз, когда Путнику пришлось перейти границу зверинца. В первые два ему хватило смелости только на то, чтобы сходить в ближайший универсам. Он по-прежнему не чувствовал себя уютно за пределами императорской территории — даже при наличии паспорта ему казалось, что снаружи его поджидает опасность. Ник остановился и недоверчиво посмотрел на улицу Васнецовскую, в вечерние часы полную народа.

— Что, всё ещё боишься? — с усмешкой спросил Станислав. — Я, помню, по первости также боялся носу высунуть. Шагай смелей, не бойся. Я тут почти на таких же правах, как ты, и со мной пока всё тихо.

Ник думал, что прохожие будут с осуждением смотреть на голодранца, вышедшего из зверинца с барахлом, но они даже не обращали на него внимания. Скоро коллеги дошли на угла ограды зоопарка и свернули на улицу Малаховскую.

Многоэтажку построили перед самым Катаклизмом, поэтому дом стоял практически целёхонький, только на верхних этажах были выбиты стёкла. Часть здания была в собственности зверинца, и здесь проживало немало коллег Ника. Складовский как-то упоминал, что здесь живёт его бывшая подруга, с которой он не очень любит встречаться, но подробностей не говорил. Табличка на подъезде гласила, что «жильцы здания являются свободными подданными Его Императорского Величества Савелия Первого и освобождены от податей».

— Звучит неплохо, — подумал Ник и толкнул ногой дверь.

Дверь ударилась обо что-то, и затем послышался женский голос:

— Осторожнее!

За дверью оказалась худая высокая девушка с жидкими светлыми волосами. Она потёрла ушибленный лоб.

— Внимательнее нельзя? — нахмурилась девушка. Она была выше его почти на голову.

— Простите, — извинился Путник. — Я не специально, на радостях — иду заселяться.

Станислав протолкнул Ника вперёд.

— Иди давай, невнимательный.

— Постой, — вдруг сказала девушка в дверях, и Путник обернулся. — Кажется, мы знакомы.

На бледном лице были радость вперемешку с удивлением.

— Вряд ли, — усмехнулся Ник и пошёл наверх. Она не показалась ему симпатичной — каждый раз, когда Путник думал о противоположном поле, ему вспоминалась девушка из реальности бункера, и он ничего не мог с этим поделать.

Поднявшись на этаж, Станислав открыл дверь и торжественным жестом передал ключи Нику, пропуская вперёд. Путник зажёг свет — тусклую светодиодную лампу наверху. В комнате от старых жильцов остались только древняя тахта и грубо сколоченный шкаф. В пустых стенах Путнику показалось неуютно.

— Кухня общая? — спросил Ник.

Напарник кивнул.

— И санузел. Разберёшься со временем. Тут рядом Тимур живёт, договоритесь про холодильник и прочее.

Ник посмотрел в окно. Из окна открывался не самый приятный вид на свалку, где в него выстрелили шокером. Крепость и башня, возвышавшиеся за свалкой, заставили неприятно поёжиться.

— Не понимаю, как могла такая огромная свалка взяться прямо в центре города? — подумал вслух Путник.

— Раньше тут были дома, — Станислав указал на руины. — Корпорация, как только пришла к власти, решила отгородить Твердыню от соседей. Чтоб не заглядывали во внутренний двор, кому ни попадя. Бояться.

Чувство дискомфорта увеличилось, и Путник не выдержал.

— Слушай, а можно я сегодня ещё на чердаке переночую?

— Не, брат, привыкай, — покачал головой Складовский. — Тут тебе жить в ближайшем обозримом будущем, если ничего не изменится.

— Ты сейчас куда?

— Гулять по городу, — Станислав пожал плечами. — Возможно, в клуб какой забреду. Бросай вещи, идём со мной.

Ник подумал и согласился — любопытство и желание развлечься пересилило страх.

II. Фуга. Эпизод 6. Путник и Спутница (б)

* * *

Складовский был выше его, и Путнику приходилось догонять напарника, ловко обходя людей. Машин, несмотря на вечернее время, на улицах почти не было, и многие горожане прогуливались прямо по проезжей части, пропуская редко проезжавшие мимо грузовики и электровозы. Со всех сторон, из кафетериев и балконов жильцов доносилась разная музыка — что-то старое, электронно-трансовое, перемежаемое классикой и «попсовым» роком. Ник рассматривал вывески магазинов и еле сдерживал изумление — помимо русского языка мелькали вывески на английском, японском и узбекском. Но что самое странное в этом всём — он мог их читать!

— Зачем вывески на японском? — спросил Ник Станислава.

— Существует мнение, что это подготовка к вторжению, — отозвался Складовский.

Он прекрасно понимал слова любых языков, значения всплывали откуда-то изнутри, независимо от его воли. Путник подумал сказать об этом Станиславу, но сдержался — во-первых, это было слишком странно, во-вторых, они находились в достаточно людном месте.

Стемнело, и Ник неожиданно понял, что совсем не боится оказаться в городе в темноту — даже не столько из-за наличия спутника, сколько из-за привычки, сформированной за неделю жизни в бункере. Они свернули на Сибирский проспект и двигались теперь в сторону высокой серой башни, стоявшей за Исетью. Лучи прожекторов, бившие снизу, выхватывали в небе над ней два громадных, в сотню метров длиной, аэростатов.

— Станция дирижаблей, — пояснил Складовский, поймав взгляд Ника. — Тебе разве Анастас не говорил?

— Говорил, — кивнул Ник, улыбнувшись. — Я видел уже парочку пролетающих куда-то на запад. Куда они летят, на море?

— К приморским городам.

— Ты был на море?

— Нет. Побережье закрыто и патрулируется Корпорацией. Бросай про всякую ерунду говорить, ты лучше вон куда посмотри.

Напарник указал вперёд по тротуару. В шагах тридцати перед ними шла та самая высокая соседка в лёгкой накидке, которую

Ник нечаянно ударил дверью.

— Как она тебе? — с лёгкой усмешкой спросил Станислав.

— Как-то не очень, — пожал плечами Ник, разглядывая девушку со спины. — Слишком худая. Ещё и одета в такую лёгкую накидку, я смотрю, и мне аж холодно становится.

Складовский хохотнул.

— Не разбираешься ты в них. Я где-то читал, что привлекательность фигуры зависит не от размеров, а от разницы между бёдрами и талией. У этой самый раз.

— Ты что, специально за ней идёшь? — спросил Путник. — Ты её знаешь, это та самая?

— Нет, раньше я её не видел. Видимо, тоже недавно заселилась, или в гости к кому-то ходила. Вообще, я иду в кафе на набережной. Там продают очень качественные сырные слойки. Кажется, это называется хачапури. Жаль, во Внутреннем алкоголя не достать, они бы хорошо пошли с винцом.

Станислав нацепил наушники недавно купленного плеера — японского, «сброшенного» — и перестал обращать на спутника внимания. Какой-то странный он был сегодня. Впрочем, сырные слойки — это замечательно, подумал Ник. Он как раз проголодался — из-за переездов не успел толком перекусить. Девушка, меж тем, завернула в подъезд какого-то полуразрушенного стеклянного павильона, над которым красовалась вывеска, прочитав которую, Ник вздрогнул. На вывеске было название клуба — «Механическая курица».

— Что это за клуб?

— Стриптиз-клуб ветеранов войны за Чусовую. Что, туда наша подруга завернула? Стриптизёрша, поди. И фигура соответствует.

Ник приуныл. Не то, чтобы профессия незнакомки была сильно важна ему, просто сама мысль о такой форме заработка чем-то смутила Путника, и он постарался больше не вспоминать о девушке.

— Пойдём, наше кафе за поворотом, — в очередной раз оборвал размышления Ника Станислав.

* * *

Слоёные пироги, поданные с квасом, действительно оказались великолепными. В кафе играло что-то атмосферное и этническое. Большинство посетителей, судя по одежде, были «наймитами». Несколько парней играли, громко смеясь, в углу в какую-то старую карточную игру с фишками и пластиковыми

фигурками.

— Игронавты, — махнул рукой Станислав. — Безобидная субкультура, на них Корпорация смотрит сквозь пальцы. У них даже свои коммуны внутри города есть.

— Сколько всего субкультур в городе?

Станислав усмехнулся.

— Всех не перечесть. Металлисты с рокерами всех мастей, панки, рэйверы, киберготы, индуисты, вело-байкеры, неодиггеры, родноверы, фолкеры, реконструкторы… Штук двадцать, точно. А бывают ещё и межкультурные общины, где всё намешано.

— А ты сам к каким-то субкультурам принадлежал?

Складовский изменился в лице.

— В Нижнем нет субкультур, потому что наймитов почти никогда не было. Это же закрытый город теперь — почти вся центральная часть по периметру огорожена. Ещё я маленький был, забор построили. Сначала жили рабочие заводов Тагильского Князя. Потом рабочие казённых имперских заводов, потом стали рабочими Корпорации. Батя у меня ещё из первого поколения, помер, когда мне пять лет было. Он даже на гитаре играть умел, таких сейчас единицы.

Гитара. Что-то удивительное проснулось в душе у Ника, когда он услышал об этом.

— Почему единицы?

— Купидонов на гитаристов репрессии устраивал. Почти все гитары сжёг. До сих пор загадка, как он их всех выследил. Электрогитар, по крайней мере, точно не осталось. Да и Корпорация почему-то не одобряет. Сейчас из музыкантов одни клавишники остались, да всякие балалаечники фолковые.

Ник задумался. Интересно, кто были его родители? Он никогда не видал их.

— Что у тебя играет в плеере?

— Всё подряд, — Складовский отцепил наушники и дал Нику. — Слушай, я пока до сортира сгоняю.

В плеере играло что-то русскоязычное со строчкой «Рок-н-ролльные сказки уральских гор[1]». Ник переключил на следующую песню — она оказалась в похожем стиле, и Путник, покопавшись в голове, вспомнил имя вокалиста — это был Владимир Шахрин, лидер группы «Чайф». Ник начал переключать песни, и с удивлением для себя половину композиций и групп он узнавал и вспомнил — хотя бы отдалённо.

Но откуда? Откуда он знает всё это, если он — человек без прошлого? Неужели всё это на самом деле было в его прошлом? Путник решил не думать об этом, прибавил громкости, и начал тихо подпевать знакомым строчкам. Слова шли откуда-то из

далёких глубин его памяти, в которых хранились колоссальные знания, о полном объёме которых оставалось лишь гадать. Ник заметил, как его ладони начинают тихо светиться бледно-жёлтым светом, но не придал этому большого значения. По спине поползли мурашки — музыка захватила его, звук электрогитар ввёл в удивительный транс.

Через минут двадцать он спохватился — Станислава до сих пор нигде не было. Не мог же он так долго сидеть в туалете. Оглянулся — народ в кафе выглядел взволнованно. Путник дошёл до коридора с уборными. Кабинки стояли с открытыми настежь дверьми, и Складовского нигде не было видно. Вернулся назад и забрал плеер.

— Вон твой приятель, — тихо сказал узбек, сидящий за соседнем столиком, показывая на выход.

Ник выбежал из дверей и оглянулся по сторонам. Станислава со скрученными за спиной руками уводил конвой из трёх бойцов Корпорации. Ник поколебался пару секунд и побежал вслед за ними, еле сдерживая дрожь в ногах, выкрикнув:

— Извините, вы куда?.. За что вы его везёте?

Бойцы обернулись и остановились. На лице Станислава была боль и отчаяние, и он замотал головой, показывая, что надо уходить.

— Твоё какое дело? — буркнул усатый офицер, видимо, старший из группы. — Ты его знаешь?

Ник замолчал в нерешительности.

— Документы! — рявкнул боец, и Путник отдал свою карточку.

— Нищцельский, — прочитал боец на портативном ридере. — Ха, какая фамилия! Неужто родственник графа?

— Графа? Я сирота, — соврал Ник, вспомнив рекомендацию Станислава. — Мои родители были профессорами в Магистрате, с польскими корнями, я поздний ребёнок…

Офицер оборвал его.

— Довольно. Вы, Складовский, знакомы с ним?

— Нет, — охрипшим голосом отозвался Станислав. — Он подошёл в кафе и попросил послушать музыку с плеера.

— Претензий не имеем, — офицер вернул паспорт-карточку.

Ник смотрел в глаза Станислава.

— За что вы его?

— Связь с неодиггерами, — процедил сквозь зубы удерживающий Станислава солдат и встряхнул Складовского.

Станислав коротко кивнул, показывая, что не стоит спорить.

— Извините, а ваш плеер — можно его оставить себе?

— Забирайте, — Складовский усмехнулся своей привычной

ухмылкой. Солдаты не стали возражать, развернули Станислава и повели в сторону фургона.

* * *

Резко похолодало, на улицах становилось безлюдно. Ник шагал по улице в опустошённом состоянии. Он не мог поверить в то, что случилось — возмездие Корпорации было столь внезапным, что становилось не по себе. Неужели Станислав действительно связан с подпольщиками? В таком случае, в соучастники могут записать и его, и Анастас. Надо срочно сказать Анастасу о том, что Станислава забрали, понял он, и ускорил шаг, стараясь обходить стороной всех людей в сине-зелёном наряде.

Подул холодный северный ветер, и Ник засунул руки в карманы.

— Путник! — услышал он женский голос за спиной и обернулся.

За ним шла всё та же высокая девушка, которую он встретил часом ранее.

— Я узнала тебя. Ты работаешь в зоопарке, — она улыбалась и разглядывала его. — Ты тот самый, что укротил мамонта. Надо же, у тебя разные глаза.

— Кто ты? — спросил он, подойдя поближе и разглядывая её худое тело. — Ты, случаем, не преследуешь меня?

— У меня очень сильное чутьё, и я почувствовала, что ты в беде, — кивнула она. — Поэтому решила найти тебя.

Ник насторожился. Девушка не выглядела подозрительно, но сам факт преследования его напугал. К тому же… откуда она знает, что он — Путник?

— Я только что потерял друга, — кивнул он. — Поэтому такой растерянный.

— Что с твоим приятелем?

— Его забрали шавки… бойцы Корпорации, — поправился Ник. — Я боюсь, что они придут и за мной. Они теперь всё узнают про меня.

Девушка схватила его за предплечье и повела за собой, как маленького.

— Мне кажется, ты слишком много боишься. Им нет дела до тебя, как и до большинства из нас. А приятель твой, видимо, серьёзно провинился.

Ник усмехнулся. Ну как же, конечно, нет дела…

— Ты не ответила, как тебя зовут.

— Милена. Мила. Некоторые зовут меня Мими, но мне это не

совсем нравится. Мне семнадцать лет, хотя выгляжу на двадцать пять. По образованию — гомеопат, но работаю в клубе. Наймит, в штатных подразделениях Корпорации не состояла никогда. Больше ничего такого, что могу сообщить.

— Никита, — коротко представился он. Врать почему-то не хотелось. — Я видел, ты заходила в «Механическую курицу».

— Ага, — кивнула Мила. — Только сегодня у меня нерабочий день, я за деньгами зашла.

— Почему ты назвала меня Путником?

— А ты разве… не Путник? — девушка остановилась, удивлённо глядя на него.

Ник посмотрел на неё — удивление делало её выражение лица забавным, каким-то по-детски наивным. Улыбнулся и кивнул.

— Я Путник. Но откуда ты это знаешь?

— Я многое знаю, — почему-то грустно сказала Мила. — И чувствую. Чувствую, что ты пугливый и боишься меня.

Путник нахмурился и быстро зашагал в сторону зоопарка.

— Постой, ты куда? — Мила попыталась догнать его.

— Мне надоело, что все вокруг говорят загадками, — нахмурившись и не глядя в её сторону, сказал он. — И я спешу — мне надо сказать нашему начальнику, что Станислава арестовали.

— Если его поймали в кафе, то наверняка была слежка, — сказала Мила. — А сейчас, или чуть позже, будут обыски в квартире. Тебе лучше не соваться туда.

— Он жил на территории зоопарка, Корпорация не посмеет… — Ник осёкся и посмотрел на Милу. — Или посмеет?

Девушка кивнула.

— Лучше не рисковать.

— Но за что, чёрт возьми?! — Ник со злости пнул стену дома. — За что Станислава? Грёбаный мир!

Послышался грохот, и в десяти метрах от них у канализационного люка сорвало крышку. В считанные секунды на перекрёстке возник огромный, с пятиэтажный дом гейзер горячей воды. В облаке пара не стало видно окрестных домов.

— Ник, дорогой мой, не ругайся больше! — жалобным тоном попросила Мила, отбегая в сторону. — От твоих слов прорывает водопроводные трубы. Такого не было давно!

— Ты хочешь сказать, что я во всём виноват?! — Ник со злости ударил кулаком по стене соседнего здания, проломив слой штукатурки, и замахал ушибленной рукой. — Что я могу и хочу всё разрушить? Но я не разрушитель, чёрт побери, я просто человек! Я просто хочу быть человеком.

Мила подбежала и оттащила его в сторону от струй горячей

воды, падающих сверху, обняла своими тонкими руками и прижала к груди.

— Ты уже человек, Ник. Ты такой, какой ты есть. Просто ты слишком сильный, хоть и выглядишь слабым. Идём со мной, я обо всём тебе расскажу. По крайней мере, из того, что я знаю.

Путник кивнул и взял Милу под руку. Они дошли до парадной, поднялись по лестнице на пятый этаж, и она открыла дверь в свою квартиру. Переступив порог, Ник вдруг понял, что ему уже не так важно знать все тайны, которые может скрывать от него реальность. Он согласился пойти с ней, просто потому что ему не хотелось в этот миг быть одиноким.

Неожиданно Ник вспомнил мир курятника. Вспомнил слова синего толстяка про то, что в мире Корпорации есть кто-то, способный ему помочь.

Девушка захлопнула дверь и посмотрела на Ника — она поняла его безо всяких слов. Разделась, бросила на пол одежду, как сбрасывает кокон только что родившаяся бабочка, и робко подошла к нему, хрупкая и нагая. Путник обнял её, и осторожно, словно боясь спугнуть, поцеловал, чувствуя, как от былой неуверенности не остаётся и следа.

[1] Группа «Юджин».

II. Фуга. Эпизод 6. Путник и Спутница (в)

Мила отстранилась, переведя дыхание, и Ник беззвучно мотнул головой в сторону двери, спрашивая: «Туда?». Она кивнула и расстегнула пуговицы старого пальто Путника. Они решили молчать, словно почувствовав, что любое лишнее слово может разрушить равновесие. Целуя друг друга, они зашли в комнату, и он бережно положил Милу на старый диван.

Она отдалась ему, как отдаются человеку, которого искали всю жизнь. А за окном, в тёмном небе субтропической уральской ночи расцвело красным лепестком северное сияние.

— Я звала тебя. И ждала тебя, — прошептала она, свернувшись, как кошка, на большом кресле калачиком, когда Ник засыпал. Но он не услышал её, в очередной раз отправившись в странствие по мирам.

(Абориген)

На фабрике царили покорность и безволие. Казалось, что воля и желание сопротивляться у окружающих парализованы, будто их вырезали скальпелем из разума и души. Мысли об этом шли где-то на периферии сознания — Константин понимал, что это всё неправильно и несправедливо, но механически выполнял порядок действий, которому его научили в первый день.

Там же, где-то глубоко на подсознательном уровне, в перерывах между работой, медленно, лениво, шли разные мысли. Мысли о том, что он давно знал о существовании подобных зомби-препаратов и зомби-рабочих. О том, что таких, как он, безвольных и порабощённых, в пятимиллионной стране не меньше полумиллиона, что в Нижнем и других северных городах таких половина населения. И о том, что ещё неделей назад он и помыслить не мог о том, что попадёт в эту безвольную касту. Ещё шли мысли о всех тех странностях, что он видел в лесу, и о девушке, которая бросила его после той грандиозной пьянки.

Препарат кололи поздно вечером, перед сном. Странно, но действие препарата, помимо ломки психики, имело и побочный эффект, который Молот обнаружил на третью ночь. Перед самым приёмом дозы, когда действие было минимальным, Константин начинал вспоминать всё больше и больше, и наконец вспомнил о том вечере, после которого его выгнали из коммуны.

Со своей бывшей девушкой он познакомился случайно, в Урнете. Своего компьютера у Константина никогда не было, и он выходил в городскую сеть у председателя общины, Каирова. На

главном сайте металлической субкультуры — метал.ур — был небольшой музыкальный форум, на котором посетители договаривались об обмене старыми дисками и другими раритетами. Одним из пользователем оказалась Лиза, хрупкая девушка, у которой оказалась в коллекции редкое издание альбома группы «Амбразура». Константин уговорил её обменяться на два своих диска, а когда девушка пришла, то увидела его гитару и заявила, что останется здесь жить.

Примерно через неделю совместного проживания он решил познакомить свою новую пассию с двумя приятелями, друзьями детства. Константин даже вспомнил дату — двадцать пятое февраля. «Значит, сейчас примерно тридцать первое, или тридцать второе», — посчитало сознание. Друзья юности, Егор «Тролль» и Алекс «Спонсор», принесли три бутылки какого-то древнего дорогого коньяка. Сидели достаточно мирно. После выпивки они вчетвером играли в карты, слушали музыку и пели песни. Последнее, что вспомнилось Константину — это то, как он достал из шкафа гитару и автомат. До этого ни то, ни другое, до этого из шкафа он при людях не доставал и не показывал…

«Идиот», — лениво подумал про себя Молот, чувствуя, что именно с того эпизода и начались все его неприятности. Не будь этого — не было и изгнания из коммуны, и похода по странному лесу, и индуисток с их параллельными реальностями. Не было ареста и последующего заключения. Сначала потерял девушку, потом дом, потом и свободу. Но та крохотная часть его сознания, что оставалась способна думать, хладнокровно решила не впадать в уныние и делать поспешных решений. И дело даже не в подавлении желания сопротивляться препаратом — в положении, в которое попал Константин, глупо барахтаться против течения и пытаться в одиночку переломить ход событий.

Речевой аппарат, как и воля, также отказывался исправно работать. Речь стала невнятной, со скомканными окончаниями слов. Собственно, и говорить было не с кем. Ближайший сосед находился в десяти метрах по цеху, а из-за грохота конвейера, психоделично-трансовой музыки и команд через динамики даже в здоровом состоянии докричаться было сложно. В столовую на завтрак и ужин (обеда не было), и в казарму на восьмичасовой сон — ходили шеренгой, под прицелом индуктивников, и желания поговорить не возникало.

Работа оказалась тупой, монотонной и тяжёлой физически. По конвейеру медленно поступали запаянные заготовки альфа-батарей среднего формата — свинцовые цилиндры длиной в ладонь, со скруглёнными краями. Каждый такой цилиндр весил по пятнадцать килограмм и мог обеспечить месячную работу

электромобиля. В предыдущем цехе, за кучей стальных переборок, заготовки наполняли какой-то адской смесью кислот и слаборадиоактивных солей и герметично упаковывали. Там работали смертники, и Константин не сомневался, что в случае, когда он станет не нужен, его поставят именно на тот участок конвейера.

Сейчас его поставили на менее вредную и более простую работу. Надо было разворачивать болванки нужной стороной, приоткрывать пару затычек и на секунду приставлять к двум клеммам шнуры вольтметра. В случае, когда загоралась красная лампа — а случалось это, видимо, при недостаточном наполнении болванки активными веществами — конвейер останавливался, и нужно было переложить бракованную болванку на поддон, который периодически куда-то уносили. На болванки исправные надевался защитный резиновый кожух, после чего они отправлялись дальше по конвееру.

Цех располагался в полуподвальном помещении. Территория завода, насколько Константин мог её осмотреть во время перемещений, казалась небольшой. Константин впервые пришёл себя в камере и не знал, какой это город или посёлок. Оставалось только гадать — на Новоуральск, где был первый и самый крупный завод по производству альфа-батарей, не похоже. Североуральский завод — слишком далеко, за сутки не приедешь, а в Тавде или Каменске чувствовался бы запах моря. Возможно, или где-то на западе, или на Юге — к тому же, за забором виднелась какая-то невысокая поросшая лесом гора.

От резиновых перчаток сильно потели руки, мыть их можно было только в пятиминутные перерывы, которые устраивали раз в полтора часа. За эти же пять минут полагалось сходить в туалет и выпить воды — всё под присмотром конвоира. Во время перерывов его замещал сменщик — один из «свободных» рабочих, которому не кололи препарат, но который, как и все остальные, был тут на правах осуждённого. Этот парень был чуть помоложе Молота, умел делать все операции в цехе, и выглядел более живым, чем остальные рабочие — даже успевал бросить пару фраз.

— Зомби — металлюга, побритый, тупой и покорный! — поддразнил он однажды Константина, когда его подвели сменить. — Вот выйдем отсюда, ты мне ещё сыграешь на своей гитаре.

— Гитары… нет, — промямлил Константин, внутренне злясь от своего безволия, затем получил ощутимый удар в спину прикладом индуктивника.

— Я вам поговорю, животные! — рявкнул сержант, и добавил, усмехнувшись. — Ха, конечно, выйдите.

Гитара. Её надо найти, вдруг понял Константин-«бессознательный». Это самое ценное, что у него есть, и очень важное — и не только потому, что это память об отце. Сейчас электрогитар почти ни у кого не осталось, и Константину часто раньше приходила мысль, что он обладатель последней такой гитары в городе.

Даже если «Ямаха» попала в руки Корпорации, он непременно отыщет её, понял Константин. А сейчас надо просто поддаться и делать то, что велят.

Константин мысленно пытался найти зацепки, людей и организации, которые могут ему помочь.

Каиров, председатель общины, в которой жил трэшер. Наверняка старику придёт извещение от Корпорации о том, что Константин Молот обвинён в сопротивлении войскам и отправлен на «исправительные работы». К соседям, пусть и бывшим, Каиров относился с большим уважением и даже какой-то отцовской заботой, и оставалась слабая надежда, что он может заинтересоваться судьбой Молота. Константин слышал, что некоторые свободные общины выкупали своих жителей из «рабства»

Второй вариант — девушка Лиза, которая ушла неизвестно куда. Она упоминала, что у неё есть влиятельные друзья, связанные с дворянством. Этот вариант казался сложнее — узнать о местонахождении она могла лишь только бросившись искать Константина, и он уже интуитивно понимал, что делать она это после той пьянки не станет.

Третий вариант. Дмитрий Хэви, друг со Вторчермета, представитель «металлической знати» — он однозначно захочет и сможет помочь, но есть два больших «но». О проблеме Дмитрию могут сообщить только Олег и Трофим, о судьбе которых было неизвестно, и которые даже в случае освобождения могли просто-напросто забыть о просьбе случайного спутника. Оставалось надеяться на этику представителей металлической субкультуры, которая обязывала по возможности помогать собратьям хотя бы в таких мелочах.

И, наконец, четвёртый вариант, который казался Константину совершенно нереальным, и который, вместе с тем, лёг на полку к остальным вариантам. Отец. В сложные минуты жизни металлисту казалось, что он всё ещё жив, и что он следит откуда-то свыше за судьбой своего сына. Так или иначе, один из этих вариантов вполне мог оказаться жизнеспособным.

Одной из немногих радостей, к которой Константин быстро привык, был приём пищи. Во-первых, после монотонной работы есть хотелось всегда, и еда казалось чем-то родным и привычным.

Безвкусная, несолёная, зато обильная и сытная — давали варёную треску, картофельное пюре, омлеты и каши. Во-вторых, во время приёма пищи была уникальная возможность посмотреть на других заключённых и снова почувствовать себя членом общества.

Хотя обществом это было назвать весьма сложно — рабочий коллектив скорее напоминал пациентов психбольницы. Всего на фабрике работало около ста пятидесяти человек. Зомбированных — а их было больше половины — и тех, кто работает с вредными материалами, кормили отдельно. Разговаривать не позволялось, поэтому рабочим оставалось только пересматриваться друг с другом. Хотя, по отрешённому виду большинства рабочих Константин сразу понял, что пытаться разговаривать с кем-то попросту бесполезно.

После ужина его и остальных заключённых сразу отводили на ночлег. Спали рабочие в отдельных узких кабинках-камерах, где кроме низкой кровати хватало места только на умывальник и унитаз. К вечеру сознание было самое ясное, и на четвёртый вечер Константина посетила шальная мысль о побеге. Прикинув, расчётливый разум понял, что это нереально — металлическая дверь закрывалась на засов, а зарешётчанное окошко было под самым потолком. Даже при своём немалом росте, если встать на кровать, с трудом удавалось дотянуться до нижнего края окна.

Уколы перед сном ставил огромный — на голову выше металлиста — солдат-санитар. Второй, с индуктивником, в это время стоял рядом, у входа в кабинку.

— Что это за город? — спросил у него Константин.

Оба солдата промолчали.

— Что… Так сложно ответить? — проворчал Молот.

— Какой-то он резвый, — лениво сказал солдат у прохода. — В столовой ворочается, поди ещё помнит что-то. Побольше ему добавь этого… как его там?

— Сказали не добавлять — отупеет вконец, — отозвался громила-санитар, вытаскивая иглу из бицепса Константина. — Или копыта во сне двинет.

— Странно.

Солдаты ушли, закрыв дверь снаружи на засов. Получается, препарат можно использовать как эвтаназию, понял Константин. Наверняка его так и используют, когда нужно избавиться от кого-то из рабочих.

Возник странный и справедливый вопрос — почему его сразу не прикончили? Более того, оставили с памятью. С одной стороны, смертная казнь была редкостью — в условиях небольшого населения Империи ценна каждая рабочая особь, и

гораздо выгоднее оставить человека без мозгов, но с руками. Но с другой стороны, Корпорация хотела скрыть от народа факт аномалии, и знания Константина были слишком опасны, чтобы оставлять его в живых. «Поди ещё помнит что-то», — вспомнилась фраза, и тут Константина осенило.

Похоже, что у всех остальных рабочих в цехе была стёрта долговременная память, но то ли по недоразумению, то ли по чьей-то указке свыше, Молоту было приказано колоть меньшую дозу, или неполный комплект препаратов. Если это случайность, то скоро его чересчур активное поведения заметят и ситуацию исправят. Если это сделано специально, то его знания кому-то нужны. Но зачем? Чем безработный трэш-металлист, да ещё и знающий «слишком много», может заслуживать столь мягкого приговора?

После этих мыслей он провалился в беспамятство. Снов Константин не видел — виноват был всё тот же препарат, пик действия которого приходился на ночные часы.

* * *

На шестой день Константин получил часть ответов на скопившиеся вопросы. Когда его и остальных рабочих после ужина вели шеренгой в сторону жилого корпуса, двое солдат подошли к строю, выдернули Константина и повели под руки куда-то в сторону.

— Куда? — проговорил он.

— Сейчас узнаешь, — отозвался воин Корпорации.

Его привели к административный корпус, Молот понял это по гербу с ящерицей и лозунгу «Корпорация Любит Вас». Неужели ожидается допрос, или, того лучше, освобождение? Впрочем, радостных мыслей Константин остерегался, помня, что в лучше не поддаваться эйфории и по возможности быть начеку — тем более в таком месте.

Солдаты затащили его на второй этаж и втолкнули в кабинет. В кабинете стоял худой лейтенант-татарин с неприятной бородкой и автоматом в руках, он указал Константину присесть на скамью.

— Подожди немного.

Через минуту в комнату зашёл ещё один лейтенант из местных, сопровождавший пожилого офицера войск Корпорации. На вид этому человеку было не меньше шестидесяти лет — очень редкий возраст для жителя города, а когда Константин взглянул на погоны вошедшего, у него и вовсе пробежали мурашки по

спине. Пять точек — генерал войск, высший чин армии Корпорации. Всего такого чина офицеров было не больше десятка.

— Меня зовут Вячеслав, — генерал сел напротив -металлиста и стал сверлить его взглядом. — Назови своё имя.

— Константин, — пробормотал Молот, разглядывая стол. — Константин Молот. Это вы — тот самый теневой правитель Корпорации?

— Хорошо, что у тебя осталась память. Нет, это не совсем так, хотя близко. Я правильно понимаю, что ты сын Максима Молоткова?

Константин поднял глаза на генерала и кивнул.

— Это его гитару ты потерял в лесу?

— Да, её. Он оставил её в наследство. Она у вас? — Молот почувствовал, как у него леденеет спина.

— Отвечай на вопросы. Ты знаешь, кто такой Путник? — спросил генерал, проигнорировав вопрос.

— Нет.

— Вестник перемен?

— Нет, — машинально ответил Константин и вдруг вспомнил тот странный сон. — Это же… Откуда вы знаете?

Генерал вопросительно наклонил голову набок.

— Что знаем?

— Ну… про вестника перемен я видел во сне. Там, в лесу. Вместе с девками-сектантками. Где они, кстати?

— Не важно, — оборвал его генерал. — Этот Вестник тебе что-нибудь сказал?

— Нет, я видел парня, молодого, очень похожего на меня. Он что-то прокричал, но я не понял. Я ещё подумал, не брат ли он мне? Хотя это вряд ли, откуда он может взяться. Мы не успели поговорить

Офицер разочарованно стукнул кулаком по столу. Переждал немного.

— Ещё кто там был? В твоём сне?

— Огромные уродцы с хоботами и ушами.

— Слонотавры, — кивнул генерал. — А трое людей? Лет тридцати, в чёрных очках?

— Нет, — твёрдо ответил Константин.

Генерал злился. Похоже, какие-то его надежды не оправдались.

— Ты до этого общался с индуистами?

— Знал парочку. Но так, чтобы участвовать в их ритуале — ни разу.

— Ещё что ты видел во сне?

— Индуистки сказали, что всё это было каким-то

пограничьем. Я так понял, что это что-то среднее между снами и виртуальными мирами.

На лице Вячеслава появилась заинтересованность, затем он снова принял суровый каменный вид.

— Так. Ещё?

— Да, — вспомнил Константин. — Этот парень назвал парочку трэш-металлических групп. Я ещё подумал, откуда он всё это знает?

Генерал пожал плечами.

— Понятия не имею. Может, увлекался.

— Вы же там наверху всё знаете?

— Мы такие же люди, как и вы тут! — неожиданно резко выкрикнул генерал и отвернулся. — Корпорация, киберготы, металлисты, один хрен. Никто не знает, что скоро начнётся… Эх, знал бы твой отец, в кого превратился сын!

— Вы знаете отца? Вы его тоже посадили?

Константин удивился сам себе, с каким хладнокровием он это спрашивает. Вячеслав поменялся в лице. Показалось даже, что он подобрел.

— Я знал твоего отца, Константин. Где он сейчас, никто не знает — по слухам, ушёл на Запад и пропал без вести.

— Значит… он работал на вас, — нахмурился металлист.

— В какой-то степени да, — кивнул генерал.

Это было худшим предательством в жизни, о котором мог предположить металлист. Отец… он не мог работать на Корпорацию. Константин сжал кулаки и понял, что будь он хотя бы немного менее безвольным, обязательно бы дал по морде этому генералу. Но разум возобладал над эмоциями.

— Вы врёте, — спокойным голосом сказал он и вздохнул. — Врёте, шавки…

Лейтенант, стоявший у лавки, замахнулся прикладом, намереваясь врезать Константину, но генерал остановил его.

— Не стоит, Хаким. Скажи нам, Константин, ты умеешь играть на гитаре?

— Да, — металлист кивнул.

— Ты нам ещё, возможно, понадобишься

Константин усмехнулся.

— Вы думаете, я стану работать на Корпорацию?

Генерал поднялся со стула и долго, внимательно посмотрел на заключенного. Казалось, этот тяжёлый взгляд пожилого человека может длиться вечность.

— Нет, — наконец сказал он. — На Корпорацию ты работать не сможешь. Нам — я имел в виду, что ты ещё понадобишься нашей долбанной цивилизации. И тем, кто за ней стоит.

Вячеслав вышел, вместо него зашли два местных солдата и потащили Константина обратно, в сторону жилого корпуса. На улице он обернулся, и увидел вылетающий со стороны холма синий дирижабль. Разум ближе к ночи был наиболее трезвым, и металлист прикинул — дирижабль может лететь либо от Верх-Исетска, либо в сторону столицы, транзитом. В первом случае место, где находится фабрика, лежит где-то ближе к западным землям, за хребтом, во втором — где-то в Белоярской провинции.

— Не ворочаться! — пригрозил сопровождавший солдат.

«Грёбаный социум», — подумал Вячеслав и понял, что из-за задержки приёма препарата чувствует небольшой прилив сил. Но рисковать было рано.

Его привели внутрь жилого корпуса. Все кабинки-камеры в коридоре уже стояли закрытые — остальным заключённым препарат уже ввели, и они спали беспробудным сном. У порога его ждал солдат-санитар с препаратом.

— Что про него сказали? — приглушённо спросил он у солдат.

— А фиг его знает, — ответил стоящий справа. — Вроде бы узнали всё, что нужно.

— Ясно.

Константину стало не по себе. Интуитивно он понял, что сейчас будет.

— Мужики, этот генерал сказал, что я ещё понадоблюсь!

Реплику проигнорировали. Солдаты привычно завели Константина в кабинку-камеру и встали у входа, пропуская санитара.

— Э, бойцы! — обернулся Молот. — Вы же слышали, что сказал генерал!

— Какой-то он борзый, — безучастно заметил второй солдат. — Давно пора было дозу вколоть. Ладно, мы пошли.

Санитар заломил за спиной руку, намереваясь выстрелить шприцом-пистолетом в бицепс.

Константин решил действовать. В голове заиграла, забив в бразильские барабаны, уже позабытая за время заключения «Сепультура».

II. Фуга. Эпизод 7. Во имя Вестника перемен (а)

(Абориген)

Константин вырвался из захвата и съездил санитару по морде. Санитар выронил шприц-пистолет и повалился на койку. Удар получился не самый сильный, но его хватило, чтобы выиграть пару секунд. Константин оттолкнул его и выскочил в распахнутую дверь. Солдаты подходили к концу коридора, услышав шум, они обернулись и побежали обратно, в сторону Константина. Молот рванул по коридору в противоположную сторону, где был выход к служебным помещениям.

— Уходит,…! — завопил санитар.

Железная дверь в соседний коридор за поворотом обычно оказалась открыта. Константин дёрнул за ручку ближайшей двери, теряя драгоценные секунды — заперто. Следующая дверь поддалась, за ней была пустая прачечная. Захлопнул дверь, закрыл ручку и завалил парой корзин с бельём. Через пару секунд в дверь застучали и начали выбивать замок.

— Ключи, сходи за ключами, — послышался голос солдата.

— Он меня ударил! Прибейте этого козла!

Константин вскарабкался через стиральные машины на высокий подоконник, открыл окно и начал выламывать наружную решётку, наваливаясь на неё всем телом. На улице уже стемнело, светила пара фонарей и большой прожектор на сторожевой вышке. Решётка была тугая, время стремительно уходило, но бетон в местах крепления потихоньку крошился.

Вдруг крики и шум в коридоре сменились затишьем. Константин на секунду непроизвольно обернулся, чтобы прислушаться, а когда вернулся обратно к окну, увидел, как к его окну снаружи бежит пара солдат. У одного из них в руках был автомат.

— Сбежать захотел? — рявкнул охранник и заржал, подойдя вплотную к решётке и направив дуло в Константина. — Вот идиот!

— Я не хочу лишаться памяти! — выкрикнул Константин.

В коридоре послышались шаги, затем звук открывающегося замка. В щель двери протиснулся солдат охраны и откинул ногой заваленные корзины. Выглядел он на удивление спокойно.

— Да, генерал действительно сказал, что тебя нужно оставить, — сказал он. — Но дозу препарата решено повысить. И спать будешь в изоляторе.

В прачечную зашёл санитар и сходу съездил Константину в челюсть.

— Закатывай рукав.

…И только в этот момент трэшер понял, что поступил неправильно. Бывает, что глупо барахтаться против течения, когда оно сильнее тебя. Но это ещё не конец, подумал Константин, засыпая. Ещё не конец…

* * *

В голове было шумно и пусто, как после Ядерного Четверга.

Вставать не хотелось. Неудобная койка с панцирной сеткой казалась самым уютным и родным местом на свете. Спустя пару минут ощущение какой-то странной неправильности происходящего заставило открыть глаза и ошарашено вскочить с койки.

Константин посмотрел на свои руки, потом стены и потолок. Комната с белыми стенами, раковиной и унитазом казалась совершенно незнакомой. Голова была коротко пострижена. Рассмотрев одежду и клейма на мебели, он сделал вывод, что находится в каком-то исправительном учреждении Корпорации. Или в психбольнице, что ещё хуже. Молот попытался вспомнить что-то определённое, но понял, что в упор не помнит, как он тут оказался. Постучал в закрытую дверь. Безрезультатно. Сел, массируя виски и пытаясь вспомнить последний момент своей жизни.

Коммуна. Пьянка с друзьями. Пробуждение в пустой квартире — Молоту неожиданно вспомнилось, что ощущения тогда удивительно напоминали нынешние. Изгнание. Лес. Странное путешествие во сне с двумя индуистками. Поездка в фургоне. Дальше нить событий обрывалась — никаких воспоминаний о месте, где он находится, не было.

Под высоким потолком Молот заметил узкое зарешётчанное окошко, выходящее на улицу. На той же высоте над дверью было окно вентиляции, ещё меньше, и тоже с решёткой. Константин попытался пододвинуть кровать, чтобы встать на неё и дотянуться до вентиляции — но кровать оказалась привинчена к полу шурупами. Сбить шурупы не получилось — подручных средств в пустой камере не было.

Умылся, напился воды из умывальника. Сильно хотелось есть. Снова забарабанил в дверь и крикнул:

— Эй, вы там! Откройте! Что, повымирали все?

Попробовал выбить дверь — безрезультатно, засов снаружи,

похоже, был мощным. Интуиция подсказывала ему, что что-то происходит не так. Раз он находится в заключении, на его крики должны были хоть как-то отреагировать — если только его не оставили тут специально. Но это вряд ли, есть более простые способы казни. Прислушался — снаружи было тихо. Создавалось впечатление, что в здании никого, кроме него, нет, и перспектива умереть от голода в наглухо закрытой камере отнюдь не радовала.

Минуты тянулись вечностью, и Константин прилёг обратно на койку. Попытался снова уснуть, но живот крутило нещадно. Время суток из окна было сложно определить, но по ощущениям, что с момента последней кормёжки прошло гораздо больше двенадцати часов.

Через полчаса ничего не изменилось. В сложные моменты жизни Константин спрашивал себя, что бы сделал отец на его месте. Наверное, просто выжидал бы, подумалось металлисту, и он решил не отчаиваться. Сел на койку и стал напевать позднюю «Сепультуру» на ломаном португальском, как вдруг услышал шум на улице.

Спустя пару минут послышался лязг открываемого засова. Константин подошёл к двери и тут же отшатнулся в сторону. В дверном проёме стоял худой небритый мужчина в белом одеянии, с тонкой косичкой за ухом. В грудь металлисту был направлен арбалет.

— Назовись, — голос был уверенным и спокойным.

Редкий случай, когда трэшер без разговоров был готов назвать своё имя.

— Константин Молот… из Юго-западного района Верх-Исетска. Родом из Первоуральска.

— Нашёлся, невежда, — сказал индуист, коротко улыбнулся и опустил оружие. — Пошли, мы искали тебя.

— Кто — «мы»? — спросил Константин, выходя из комнаты.

— Кшатрии[1] личной сотни Учителя. Меня зовут Вадим.

Они пошли по коридорам. У входа в отделение с кабинками лежали два мёртвых бойца Корпорации с арбалетными болтами в головах. Константин поморщился — ему приходилось встречаться со смертью и раньше, а пару раз приходилось и убивать самому, но приятным он такие встречи никогда не находил.

Постепенно воспоминания стали возвращаться, а после того, как Молот увидел открытую дверь собственной камеры, его прошиб холодный пот. Фабрика. Альфа-батареи. Зомби-инженеры. Препарат.

— Сколько сейчас времени? — сказал Константин и заметил, что дикция всё ещё неважная.

— Два часа дня, невежда.

Получается, из-за ударной дозы препарата он проспал больше шестнадцати часов.

— Вы что, их всех прикончили?

— Псов Корпорации мы не щадили, — кивнул Вадим. — Заключённых отпустили. Сначала нашей целью был не ты, а склады альфа-батарей. Потом Учитель приказал нам вернуться, чтобы разыскали и тебя. Среди сбежавших заключённых не обнаружили. Тебя держали отдельно, иначе бы мы сразу нашли тебя ночью.

Учитель… Он уже слышал о каком-то загадочном учителе со слов тех молодых индуисток Яны и Лены. Если это одна и та же личность, то похоже, это какая-то «большая шишка» в иерархии индуистского подполья. Константин пока ещё не решил, нравится ли ему столь странный интерес к собственной персоне со стороны этого Учителя, но за освобождение сектантам металлист был благодарен.

Картина, открывавшаяся с крыльца здания, показалась жуткой даже для человека, воспитанного на брутальной музыке. У выхода из корпуса лежали в лужах крови два обезглавленных трупа, в одном из них Молот узнал солдата-санитара. У административного корпуса и двух цехов лежали тела бойцов Корпорации — кто с простреленной головой, кто зарубленный холодным оружием. На вышке, у лазерной пушки, висел перевалившийся через перила погибший часовой. Захотелось курить, чтобы успокоиться.

— Есть табак? — спросил Константин.

Индуист молча вытащил из кармана коробочку с самокрутками и спички.

— Кури, невежда.

— Блин, но как вы их одолели? — удивился Константин, закуривая и отворачиваясь от трупов.

— Мы подошли тихо, застали их врасплох. Многие даже не проснулись. К тому же, простой численный перевес, невежда, — спокойно ответил индуист. — Фабрику охраняли всего сорок солдат и офицеров. Нас же сюда пришло две сотни — личная сотня Учителя и Ирбитская сотня. Атман покинул бренную оболочку всего у пятнадцати бойцов.

— Вы не боитесь за свою… как ей там, карму?

Вадим усмехнулся:

— Это война.

Металлист присвистнул от удивления. Это уже попахивало не бандитским отрядом, а небольшой повстанческой армией. Он осмотрелся, пытаясь заново сориентироваться по сторонам света.

— Я до сих пор не в курсе, где эта фабрика.

— Белоярская провинция, заброшенное село Боярка. Полсотни километров от границы Внешнего города. В семи километрах туда — посёлок Белоярский, центр провинции, — показал кшатрий, ненадолго остановившись, и усмехнулся. — Там всего две тысячи невежд. Вон там, — индуист показал куда-то на север, — город Заречный и Белоярская Атомная Станция, тоже заброшенные.

— Её же остановили чуть ли не во время Катаклизма?

Вадим кивнул, на миг загадочно улыбнувшись. Он не производил впечатления религиозного фанатика, в отличие от тех лесных девушек, разве что мрачноватое, какое-то отстранённое хладнокровие казалось странным. Боевик, профессиональный убийца, подумалось Константину. Они тем временем миновали покосившиеся металлические ворота фабрики и подошли к напарнику индуиста — коренастому монголоиду с нешироким мачете. Рядом с ним стоял электроцикл с коляской, пересобранный из ирбитского «Урала» — машина редкая и дорогая. На коляске был установлен крупнокалиберный индуктивник. Интересно, с каких это пор индуисты используют современное оружие, подумалось трэшеру.

— Слава Творцу, — поприветствовал парень с мачете. — Это тот самый невежда, которого искала Учитель?

«Искал или искала»? — подумал Константин. До данного момента он был убеждён, что Учитель индуистов мужского пола. Может, послышалось?

— Да, тот, — Вадим кивнул.

Его напарник подошёл к электроциклу.

— Пусть садится сзади. Поведу я, а ты в коляску.

— Тебя как звать? — спросил металлист.

Боевик с недоверием посмотрел на него.

— Учитель сказала, что тебе можно доверять. Только поэтому я назовусь, невежда — меня зовут Асгат.

— И куда вы меня везти собрались?

— В полевой лагерь Учителя, — сказал Вадим. — При попытке к бегству сказано пристрелить.

Вот тебе и освобождение — из огня да в полымя. С другой стороны, общение с этими парнями было куда приятнее принудительных работ под зомби-препаратом. Но он всё же попытался.

— Мужики, погодите, — с видом растерянности сказал Константин, глядя на административный корпус за забором. — Вещи. Тут где-то должны были остаться куртка, сумка. Карточка. Я не хочу ехать в этой арестантской хрени, ещё и без документов.

Вадим, сходим со мной?

Индуисты переглянулись.

— Нет, — твёрдо сказал Вадим. — Мы не знаем, где здесь хранятся вещи заключенных. В лагере мы выдадим тебе новые вещи, невежда. И не пытайся сбежать, это глупо. Похоже, после нас тут уже кто-то был, и через пару часов сюда прибудут отряды. Всех сбежавших могут отыскать. А программатор карточек Корпорации у нас есть, не волнуйся.

Константин кивнул и сел в электроцикл. Пока следовало поддаться ходу событий, решил он — сбежать при желании можно будет и потом.

— Как быстро теплеет, — заметил Вадим.

— Я видел странности, — отозвался Асгат, включая ротор. — Похоже, Вестник Перемен входит в силу.

На электроциклах Константин до этого не ездил — такие транспортные средства водились в основном в сельских провинциях, а в городе ими владели единицы. Машина шла ровно и уверенно, но медленно — видно было, что движок не рассчитан на перевозку трёх человек.

В десятке метров за воротами Константин увидел ещё два трупа — в одном из них он с сожалением узнал сменщика из своего цеха. Неужели этот парень был готов драться за Корпорацию? Рядом в воронке лежал простреленный насквозь из лазера электроцикл — похожий на тот, что был у его спасителей, только без коляски. От водителя-индуиста остались лишь рваные обугленные куски.

Они выехали на заброшенный тракт. В трёхстах метров они заметили движущийся навстречу светлый — без раскраски Корпорации — электрофургон. Видимо, кто-то из фермеров-наймитов вёз провизию в фабрику, не зная о разгроме. Асгат решил не рисковать и свернул с тракта на одну из бывших улочек Боярки. Дорога поросла тонкими молодыми деревцами, деревянные строения — прогнившие и развалившиеся, без стёкол и рам — лишь отдалённо напоминали бывшие дома тихой уральской деревни.

— Дальше направо и вдоль речки, — проинструктировал Вадим. — Там чуть дальше будет мостик.

— Я знаю, брат, — буркнул Асгат. — Лучше погляди налево.

Разрушенные домишки в этом месте расступились, и взору предстало заброшенное рисовое поле, спускавшееся к речке Пышма. Асгат то ли случайно, то ли преднамеренно сбавил скорость, позволяя Константину приглядеться.

По лугам по обе стороны реки странными прыжками передвигались группы крупных, нелепых животных. Молоту их

очертания показались знакомыми, но он понял, что определённо точно никогда не видел их живьём. Они никогда не могли жить на Урале.

— Чёрт возьми, — пробормотал Константин. — Это же…

— Кенгуру, невежда, — кивнул, улыбнувшись, Вадим. — Сумчатые. В старом мире они водились в Австралии. Это всё знаки, знаки перемен.

[1] Кшатрий — представитель касты (варны) древнеиндийского общества, состоящей из владетельных воинов

II. Фуга. Эпизод 7. Во имя Вестника перемен (б)

* * *

Лагерь сектантов находился в лесу, неподалёку от другой местной деревни — Гагарки. Этот населённый пункт не был заброшенным, здесь оставалось пять крупных ферм, чьи хозяева не то вступили в союз с повстанцами, не то силой и угрозами повиновались и кормили армию.

Да, именно армию — иначе отряды индуистов уже нельзя было назвать. Под раскидистыми соснами, в палатках, под грубо сколоченными навесами и в заброшенных дачных домиках на опушке леса расположились три тысячи боевиков — хорошо вооружённых и обученных. Здесь была техника — десяток перекрашенных боевых вездеходов Корпорации, три больших фургона, вероятно, использовавшихся как склад, несколько электроциклов и пара микроавтобусов. Под сосновыми «лапами» были укрыты какие-то крупные механизмы — не то пушки, не то японские боевые роботы с пулемётами.

В лесу царило веселье — братья, сидевшие на прошлогодней траве, играли на барабанах, пели какие-то песни и традиционную мантру «слава творцу». В огромных котлах на опушке леса варился обед из бобовых. Девушки в лёгких разноцветных платках крутились с огненными поями в танце под музыку — непонятно было, какую роль выполняют в войсках. Жрицы? Поварихи? Наложницы? На лужайке резвились пятилетние малыши — похоже, в войска шли целыми семьями.

Металлист неожиданно вспомнил, что это ему напоминает — отец когда-то давно рассказывал о загородных музыкальных фестивалях и ролевых конвентах, на которых ему удалось побывать до Катаклизма. В детстве Константин находил фотографии с таких фестивалей в Урнете — картина вокруг поразительно напоминала сборище хиппи или ролевиков, лишь с тем отличием, что у всех мужчин при себе было оружие.

Несмотря на мирную и даже в чём-то романтическую атмосферу, Константин ловил настороженные взгляды. Дело было даже не в арестантской рубахе — Молот сделал вывод, что к чужакам, к «невеждам» здесь относятся с раздражением, если не с презрением. Он подготовил себя к этому, ведь именно такие слухи о индуистах ходили в обществе, и даже в чём-то любопытно

видеть их общину изнутри.

— В этом лагере мы собрали сотни с севера и юга. Это только половина армии, — пояснил Вадим, ведя Константина мимо танцующих. — Остальные сотни соберутся во Внешнем городе — за Эльмашем на севере и в Кольцово на юге.

— Вы что, планируете поход на Верх-Исетск? — изумился Константин.

Вадим не ответил — то ли это являлось тайной, то ли столь очевидным, что было глупо отвечать.

Константину дали перекусить — какая-то странная бобовая похлёбка и копчёная курятина. Рядом обедал — или уже ужинал? — молодой парень с длинными волосами и татуировкой в виде черепа на плече. Похоже, в стан индуистов приходили и бывшие металлисты. Затем Молота отвели к большому шатру, стоящему на поляне. Шатёр охраняли пять крупных парней с автоматами и индуктивниками.

— Тот? — спросил у Вадима один из них, стоящий у входа.

Вадим кивнул и пропустил Константина вперёд.

Внутри, в полумраке играла тихая музыка. Константин прислушался и с удивлением узнал джаз-рок семидесятых годов прошлого века. «Махавишни Окестра», или что-то похожее. Сначала ему показалось, что шатёр пуст, но потом, когда глаза привыкли к освещению, он увидел неподвижно сидящую на циновке в позе лотоса женщину.

Коротко стриженая, худая и с резкими чертами лица, она казалась ровесницей Константина. В руках она держала кальян с какими-то остро пахнущими травами, рядом стояла статуэтка обнажённой девушки со светильником в руке. Умиротворяющая музыка сильно контрастировала с ареалом какой-то странной инородности, исходившей от индуистки. В то же время, у Константина возникло странное чувство дежа вю, как будто он когда-то уже встречал эту странную женщину. Выждав десяток секунд, она выпустила облачко дыма, открыла глаза и отложила кальян в сторону.

— Что, не ожидал, трэш-металлист, услышать здесь джаз-рок? — с лёгкой насмешкой в голосе произнесла она. — Мы и не такое слушаем.

— Откуда вы знаете про меня? — спросил Константин.

— Садись рядом, невежда, — сказала женщина и отодвинулась, освобождая место на циновке. — Меня зовут Наала. Я знаю очень многое про тебя, но позволь сначала рассказать одну историю. Как ты знаешь, примерно в тринадцатом году произошёл Катаклизм, какая-то страшная катастрофа, навсегда изменившая мир. Об этом знают все, от

мала до велика. На самом деле всё было совсем не так.

— Мой отец что-то говорил об этом, — металлист присел рядом.

Наала кивнула, взяла Константина за руку, и он, догадавшись, закрыл глаза.

Они стояли на бескрайней плоскости Пограничья, уже знакомой металлисту. Внезапно перед ними возник гигантский обрыв, за которым виднелся бескрайние просторы космоса. Звёзды полетели навстречу стоящим на обрыве, и вскоре он увидел голубую планету, так знакомую по старым учебниками и статьям в Урнете. Откуда-то снаружи зазвучал голос Наалы.

— Это Земля, настоящая, изначальная реальность. Её называют Стабилем. Никто не знает, существует она сейчас, или нет, хотя есть все основания верить, что это так. С ней в тринадцатом году ничего, по сути, не произошло и не изменилось. Город, в котором ты живёшь, по-прежнему называется Екатеринбургом, страна — Россией, нет никакого затопления Сибири и так далее. Ты спросишь, невежда, а что же тогда произошло в тринадцатом году? Почему Средний Урал остался один на целом свете, да ещё и огородился стеной от Челябинска? Всё очень просто, невежда.

На глазах Константина из планеты, как из огромного торта, вырезали небольшой кусок и положили на бесконечную плоскость рядом, накрыв сверху огромным воздушным пузырём, в котором светило солнце. Учитель продолжала:

— Наш мир — это копия, нелепый слепок с небольшого клочка Земли. Мы живём не на планете, мы живём в крохотном квадратике семьсот на семьсот километров, помимо которого нет ничего — ни Европы, ни Японии, ни Челябинска, ничего. Некие могущественные личности, практически боги, создали нашу реальность по памяти, населив её атманами тех, кто покинул исходный мир.

— Душами умерших? — удивился Константин.

— Да, невежда, — послышался голос Наалы. — Первое поколение поселенцев, включая твоих родителей, в юном возрасте погибли на родной планете, и их души были пойманы в сети тех, кто строил этот мир. Эти же Авторы построили Челябинскую стену, изменили кое-где ландшафт, они же стоят за Императором и Корпорацией. Они же управляют погодой и подсылают «гуманитарную помощь» из якобы японских беспилотников, создавая дефицитные ресурсы из ничего. Есть внешний враг, есть дальние страны. Красиво, великолепно — полная иллюзия того, что мы живём в настоящем мире. Но эти боги не всесильны, а таких миров, как создали они, в

пространстве существует неисчислимое количество. Авторы нашей реальности слишком заигрались и забыли, что есть творцы сильнее их. Раз в несколько лет мимо нашего мира проходит Путник, или Вестник перемен — что-то вроде кометы или астероида для планетарной системы. Это и личность, и явление одновременно. Если мы способны лишь на время посылать атман в другие пространства, где наш образ будет бестелесным фантомом, то Путник умеет создавать или находить в любом мире новую телесную оболочку. Он оказывает разрушающее и очищающее действие, потому что в состоянии страха способен ломать и менять реальность вокруг себя. Ты спросишь, какая твоя и моя роль в этом, невежда? Я умею покидать тело и предвидела это, мне сообщили жители других миров, знакомые с этим явлением. А ты… ты помог Путнику попасть в наш мир, только и всего.

— Я?! — вскричал Константин, пытаясь открыть глаза, но у него почему-то это не получилось.

Перед глазами возникла другая картинка. Комната в покинутой коммуне на Юго-Западе города. Он, двое его друзей и девушка сидят на матрасе, пьют коньяк и играют в покер на сигареты. Внезапно Лиза останавливается и что-то долго говорит Константину, он неровной походкой поднимается, идёт к шкафу и достаёт запрятанный чехол с гитарой. Достаёт и начинает что-то наигрывать. Спустя пару минут в комнате у окна возникает светящийся силуэт невысокого юноши. Все замолкают, заворожено глядя на призрака. Один из друзей Константина хватает автомат, лежащий в углу, и дважды стреляет по силуэту, силуэт исчезает. Друзья в панике убегают из комнаты, оставляя Константина и Лизу одних. Константин прячет гитару, кругами ходит по комнате, девушка успокаивает его, затем достаёт откуда-то шприц и делает укол, после чего уходит. Вскоре Константин падает на матрас и засыпает, место действия меняется. Проходит немного времени, и в тёмном парке, в другой части города, возникает тот же невысокий юноша, что был призраком — теперь уже живой и настоящий, на его лице испуг.

— Теперь ты понимаешь, почему этот Путник так похож на тебя? Ты сам его создал. Точнее, не его как явление — личность и атман были и раньше, а только тело, внешность. Хотя, некоторые черты характера он перенял вместе с телом, это несомненно. Твоя игра на гитаре привлекла Вестника Перемен и открыла на короткий промежуток двери в наш мир, помогла материализоваться и создать новое тело.

— Получается, всё было подстроено?! — выкрикнул Константин, открывая глаза и вскакивая с циновки. — Вы

подослали Лизу?

Он чувствовал обман и раньше, но полностью сознавать его оказалось очень неприятно.

— Её зовут не Лиза, — покачала головой Наала. — Она… моя дальняя родственница, но она действовала независимо от нас, и у неё были свои мотивы. Сначала мы боялись Вестника Перемен, но теперь мы рады ему.

Константин промолчал, пытаясь заглушить злость и обиду. Спросил:

— Так чего вам нужно от меня теперь?

— Скажи мне, ты любишь Корпорацию?

— «Корпорация любит нас»! — презрительно процедил сквозь зубы Константин. — Разумеется, я её ненавижу, как и вы. Тем более, после того, как испробовал их препарата.

Наала удовлетворённо кивнула.

— Но мы не хотим перерезать всех бойцов Корпорации, как об этом думают некоторые. Точнее, это не наша самоцель. Сначала мы хотим помочь Путнику войти в силу и открыть врата в другие миры. Тогда наши ряды помножатся армиями из других миров, и Корпорация падёт сама. Для этого нам нужно уничтожить врагов, способных нам в этом помешать. Наша цель — не Твердыня Корпорации, где живут только генералы, наша цель — Уктусские горы. Там живут истинные правители Корпорации.

Константин задумался. Уктусские горы находились в южной части Внешнего города, между районами Химмаш и Вторчермет. Таинственное место — поговаривали, что двадцать лет назад горы были ниже раза в полтора, и что после странных происшествий в тридцать седьмом они непонятным образом выросли. Если теория, рассказанная Наалой правдива, то всё это теперь не кажется столь таинственным и удивительным, подумалось Константину.

Большую часть этого небольшого горного массива занимал лес и странные лесные луга, сбоку лепилась пара коттеджных посёлков. Константин вспомнил, что Дмитрий Хэви, живущий там по-соседству, говорил, что посёлок неплохо охраняется.

— Вы всё рассчитали?

Наала поднялась и кивнула. Ростом она оказалась чуть ниже Константина.

— Тебя это не должно волновать. Нам ты нужен для нескольких других целей, невежда. Ты умеешь играть на гитаре. Этот навык мистическим образом связан с путниками. Если нам удастся достать гитару, мы сможем открыть врата для других путников. С их помощью мы освободим народ от невежества и

сделаем наш мир огромным, свободным и открытым.

Константин замолчал. Действительно ли это благая цель? С другой стороны, найти отцовскую гитару входило в планы металлиста, и он задумался. Наала почувствовала его замешательство и вздохнула, словно готовясь рассказать какую-то страшную тайну.

— Мы не будем обращать всех невежд в свою веру, — она сказала это резко и с какой-то обидой. — Субкультуры — это зародыши каст, нам не нужно их менять. Да, по сути, и веры никакой нет. Есть знания. Есть приёмы и ритуалы. И есть антураж, объединяющий людей вокруг меня. Мы совсем не те индуисты, что были до Катаклизма. Все знания об их учениях канули в лету, и когда я создавала секту семнадцать лет назад, мне пришлось всё делать и придумывать практически с нуля, с обрывочных данных на серверах Урнета.

Что ж, по крайней мере честно. Константину почему-то подумалось, что далеко не каждому Учитель рассказывала об этом. Значит, доверяет, и хочет ответного доверия? И всё же, пойти на такую сделку было очень непросто. К тому же, оставалась какая-то неясность, поэтому Константин спросил, усмехнувшись:

— Я вам нужен как один из последних гитаристов? И только для этого?

Индуистка подошла поближе и обвила руками шею Константина.

— Мне нужен сильный мужчина, — прошептала она. — Сильный как атманом, так и физически. Ты показал свою силу, невежда. Если у нас всё получится, мы будем править в новом мире вместе.

Она утащила его вниз, на циновку, и обожгла губы поцелуем. Молот попытался отпрянуть, но понял, что находится в полной власти у этой странной женщины. Он был силён духом, но в борьбе со своим телом он проиграл.

* * *

Константин проснулся от холода. Наалы рядом не было. Вспомнил сны — снились кошмары про слонотавров, индуистов и путников. Оделся в старую «зэковскую» одежду и вышел из палатки.

Ночью прошёл дождь, и теперь над землёй стелился туман. Очертания кустов и палаток в белой пелене тумана казались какими-то призрачными, нарисованными, как из реальностей

снов. За последнюю неделю сильно потеплело, но из-за утренней прохлады и сырости состояние было сонное. И задумчивое. Константин не любил подолгу размышлять, больше ему нравилось быстро принимать решения, но сейчас он задумался.

Стремление освободить мир от Корпорации показалось благим, но средства, которые хотели применить индуисты, вызывали сомнения. В целом, к тайнам мирового устройства, о которых поведала Наала, Константин уже был морально готов, и сейчас он думал совсем о другом — правильно ли он делает? Стоило ли ему менять свою свободу на сотрудничество со столько сомнительной субкультурой, и, что самое неприятное, одобрил ли его решение отец? Вспомнились, резанув по душе, слова генерала о том, что его отец сотрудничал с Корпорацией. Получается, вместе с индуистами Константин сейчас борется с теми, на кого работал его отец? Может, это его отец ошибался, а он поступает верно?

Ещё он поймал себя на том, что, пожалуй, впервые после секса чувствует душевный дискомфорт. Дело даже не в измене девушке, про которую он уже практически забыл, или в том, что Наала не понравилась ему, как женщина. Сам факт того, что его насильно затащили в секту, и что он близко сошёлся с предводительницей повстанцев, пусть и спасшей его жизнь, вызывал неприязнь. Не хотелось чувствовать себя фаворитом-любовником.

В любом случае, раз вступил на эту тропу, сразу резко сворачивать с ней не следует, понял Константин, и решил для начала найти Наалу, чтобы задать пару вопросов.

У палатки дежурил один из головорезов охраны, ростом выше Константина, налысо бритый — из волос только тонкая косица сзади, которую тут носили почти все мужчины. В уши были вставлены наушники какого-то древнего плеера. Металлист внезапно понял, как он соскучился по музыке. Возникла мысль попросить «ухо», но рисковать он не стал — вместо этого Константин жестами попросил закурить. Охранник молча поделился самокруткой. На его лице Константин заметил уважение, смешанное с завистью — похоже, в свой шатёр «Учитель» пускала далеко не каждого. Пусть завидует, подумал трэшер, хотя надо быть начеку — даже в лагере «своих» от завистника можно получить кинжал в спину. Потом спросил:

— Где Наала?

Охранник вытащил наушник, лёгким кивком переспросил и так же молча указал в сторону каких-то костров.

Металлист зашагал по сырой траве мимо палаток и навесов. Большинство кшатриев ещё спали, лишь у костров трудились

повара и стояли небольшие группы вооружённых парней. Несколько пар бойцов в отдалении тренировались в спаррингах — врукопашную и на кинжалах.

— Тот самый невежда, — услышал он чью-то реплику и обернулся.

Он ожидал увидеть на лицах осуждение, но сказавший это индуист был спокоен. Неужели после ночи с Наалой они приняли его за своего? Может, они все прошли через её постель?

— Уже не невежда, — поправил сказавшего стоявший рядом и улыбнулся. — Неофит, Учитель стала для него дикша-гуру.

— И вам доброе утро, — кивнул Константин, выбросил окурок и пошёл дальше.

Наала сидела на стуле, стоявшем на небольшом дощатом помосте. Напротив помоста толпилась группа мужчин тридцати-сорока лет, с короткими бородами и тёмными платками на шее. Похоже, какие-то важные кшатрии — генералы, или сотники. Среди них Константин заметил Вадима, тот поймал его взгляд и подозвал.

— Этот бывший невежда — мой избранник, — сказала Наала, указав на Константина. — Среди вас я так и не нашла достойного и по-настоящему сильного атмана.

— А как же император, Учитель? — спросил один из бойцов. — Ведь ты говорила…

— Неважно, что я говорила, — властным тоном оборвала его предводительница. — Император был нужен мне, только чтобы нас не трогала Корпорация. Константин сильнее этого старика. Это он помог Вестнику Перемен войти в наш мир. Он смог гулять по мирам, даже не являясь посвящённым — на такое способны немногие. Мы будем править вместе с ним.

На лицах главарей Константин не заметил ни сожаления, ни одобрения. То ли избранник предводительницы не был столь важен для них, то ли они воспринимали так все поручения Наалы. Со стороны деревни к помосту подбежал молодой паренёк — лет семнадцати, по-видимому, выполнявший роль связного.

— Учитель, мы поймали трёх патрульных шавок. Утверждают, что Корпорация ничего не знает про нашу армию, и никаких операций не планирует.

— Врут, — спокойно сказала Наала. — Им известно о перемещении нашей армии.

— Но тогда?… — удивился один из предводителей. — Почему?

— Они не знают нашу численность, — сказал Вадим, поднялся на помост и развернул какую-то старую карту. Похоже, он был в этой армии стратегом. — Как уже сказала Учитель,

невежды думают, что мы сначала пойдём захватывать Заречный. Сегодня в Белоярку по железной дороге должен был прибыть восьмой верх-исетский полк. Они захотят выманить нас на открытую местность. Но мы не пойдём в Заречный. Мы пойдём на запад.

Он посмотрел на Наалу, предлагая продолжить.

— По заброшенному Зареченскому тракту мы отправимся прямо к столице. Батарей, захваченных на заводе, должно хватить. Мы должны спасти Вестника Перемен и помочь войти ему в силу. На окраине Внешнего города нас встретят городские сотни. Мы выйдем из леса этой ночью.

— У-учитель, — несмело спросил, поймав паузу, паренёк-связной. — Так что делать с шавками? Вы будете их допрашивать?

— Пусть их атман поищет тело в других мирах, — небрежно сказала Наала.

Парень кивнул и убежал обратно на опушку леса. Константин поморщился. Ему не нравилось, когда с такой лёгкостью отдаются приказы о казнях.

— У вас есть вопросы, ученики мои?

Кшатрии покорно молчали.

— В таком случае Вадим расскажет вам детали операции.

— Что, братья, а не отведать ли нам кенгурятины? — предложил один из кшатриев, и они направились в сторону костров.

Константин поднялся на освободившийся помост и посмотрел вслед удаляющимся кшатриям.

— Доброе утро, мой избранник, — улыбнулась Константину Наала. — Ты выглядишь озадаченным, тебя что-то беспокоит?

— До вчерашнего вечера я был уверен, что индуисты не едят мясного.

— Я же тебе уже всё рассказала вчера, — понизив голос, многозначительно сказала индуистка. — К тому же, прасада[1] в мирное время — это попросту глупо.

— Несколько вопросов, Наала…

Металлист провёл рукой по её волосам. Индуистка поднесла палец ко рту.

— Забыла предупредить. Постарайся не произносить моё имя вслух, многие преданные мне люди этого не любят.

— Хорошо, — кивнул Константин. — Во-первых, одежда и документы. Говорят, здесь есть программатор карточек?

— Подойдёшь ко второму фургону, там у нас склад, — Наала махнула рукой в сторону деревни. — Скажешь, что я от Учителя, тебе выдадут новую одежду и другие необходимые вещи.

— А карточку? — переспросил металлист.

Индуистка бросила на Константина резкий взгляд.

— Зачем она тебе сейчас? Ты хочешь получить документы и уйти от нас? Уйти от меня?

— Это не входит в мои планы, — буркнул металлист, подумав, что действует слишком грубо. — И не надо меня ни в чём подозревать, ясно? Просто без документов я себя чувствую неуютно.

— Хорошо, — непривычно мягко сказала женщина, поднимаясь с кресла. — Когда мы подойдём к городу, и найдём, где можно подключить программатор к Урнету, я сделаю тебе карточку. Тебе всё равно сложно будет от меня уйти. А теперь идём завтракать.

Константин хотел было мысленно посмеяться над столь смелым утверждением, но неожиданно для себя понял, что индуистка права. Словно некий невидимый поводок удерживал его теперь, и мысли о побеге вызывали какой-то странный душевный дискомфорт. «Чертовка, — подумал он, злясь. — Загипнотизировала!»

[1] Прасада — в традиции индуизма вегетарианская пища, ритуальным образом приготовленная с любовью для Кришны.

II. Фуга. Эпизод 7. Во имя Вестника перемен (в)

* * *

Ему выдали новую чистую одежду — серую длиннополую куртку без карманов и такие же серые брюки, и Константин вернулся в палатку, где его ожидала Наала. Кенгурятина, которую принесли прямо в их шатёр, оказалась на вкус похожей на нежную телятину. За завтраком Константин спросил Наалу, откуда они знают про Путника. Индуистка ответила, что у неё есть свои осведомители в малых мирах — личности и сущности, вступавшие в контакт с Путником ещё задолго до того, как он обрёл своё тело в мире Корпорации.

— Я и сама общалась с ним, — с гордостью сказала Наала. — В мире Бункера. Правда, всего несколько минут, для этого пришлось подселиться в тело к местной нимфе. Потом мы с ним уничтожили этот мир.

Константину не хотелось задавать этот вопрос, но выхода не было:

— Скажи, чем мне заниматься? Я, конечно, готов помогать и даже защищаться, но убивать людей просто так…

— Они невежды, Константин, их не жалко, — улыбаясь, прервала его Наала. Искренняя улыбка совершенно не вязалась со столь циничными словами. — Но я не заставляю тебя быть кшатрием. Ты брахман. Твоё предназначение — сопровождать мой атман в пути по мирам.

Она снова взяла его за руку. Спустя пару секунд их сознания, пролетев над гигантскими пустыми полями, очутились в беседке, похожей на ту, в которой они были с Яной и Леной. Их продувал холодный ветер — беседка стояла на вершине горы, но вид закрывали облака.

— Что с теми девушками… с Яной и Леной? — спросил Константин, вспомнив девушек.

— Мне безразлична их судьба, — послышался голос Наалы. — Они были шпионками Корпорации, подосланными в наше братство. Они искренне раскаялись, но я не доверяла им. Специально послала их ночью в аномальную зону, а когда узнала, что ты идёшь туда же, попросила их остаться.

— Да как ты всё это контролируешь?!

— Фантомы. Атманы осведомителей из соседних миров могут

попадать в наш, как мы попали в этот мир. В нашем мире они невидимы и неосязаемы. Но это только пока. Смотри лучше туда!

Она указала рукой. В просветах облаков виднелась пустынная равнина, на которой перемещались какие-то странные существа. Они двигались длинной колонной с востока на запад, их размер издалека было сложно определить, но по слаженности движения Константин сразу догадался, что это армия.

— Кто это?!

— Это слонотавры и их свита, их дети, — объяснила Наала. — Армия, которая придёт освободить наш мир от тирании Корпорации. Армия Вестника Перемен.

Константину стало не по себе. Он помнил тех гигантов из Страны Песка, и страшно было представить, что эта армия могла сделать, появись она в его родном мире. Послышался стрекочущий звук вертолётов. Десяток огромных красно-белых машин, похожих на драконов, пролетел на самой границе облаков. Константин сделал неимоверное усилие, и вышел из транса.

— Что такое? — удивилась Наала и пододвинулась ближе.

— Ты врала мне, — сказал он твёрдо и спокойно. — Ты не хочешь сделать наш мир лучше, ты хочешь его разрушить. Я трэш-металлист, Наала. Желание, чтобы наш грёбаный мир разбился на части, возникало у меня не один раз. Но теперь, когда я вижу и понимаю, что это осуществимо, мне это совсем не хочется.

Константин ждал, что индуистка будет кричать и спорить с ним, но она лишь с хитрой улыбкой глядела в его глаза. Потом положила голову ему на плечо и тихо прошептала:

— Ты не прав. Но не пытайся разгадать всех моих секретов, милый мой.

— Скажи, ведь Наала — не настоящее имя? — спросил Константин, отстраняясь.

— Меня звали Наталья, — тихо сказала она. — И я старше тебя на два года, пожалуй, это всё, что я могу рассказать о себе. Я не люблю вспоминать ту, прошлую жизнь. Давай лучше…

Индуистка попыталась обнять его, но Константин остался холоден, твёрдо проигнорировав её попытки — отчасти из-за усталости и нервного напряжения, отчасти из-за укрепившейся неприязни, которая не давала покоя. Она не стала настаивать и сказала, снова приняв надменно-царственный вид.

— У тебя есть ещё день. Возьми ноутбук, послушай музыку, возможно, это тебе пригодится. Я пойду общаться с сотниками.

Константин кивнул, проводив взглядом Наалу. Музыку он любил, и за последние недели успел соскучиться по вдумчивому прослушиванию.

В старом японском ноутбуке оказалась приличная коллекция музыки. Разделённая на две части — «наше» и «иностранное», она включала в себя полсотни групп и несколько сотен альбомов. В первой папке среди знакомых и известных всем «Арии», «Агаты Кристи» и «Наутилуса», а также концертов Рахманинова, металлист с интересом обнаружил малоизвестные группы со странными названиями — «Дисен Гейдж» и «Гоуришанкар». Константин остановился на второй, решив прослушать все альбомы по порядку, надел наушники и устроился на циновке поудобнее.

Отец учил его слушать разную музыку, говорил, что каждую группу, каждый жанр можно слушать по-разному. Константин старался следовать советам. Когда требовалось проснуться, поднять настроение или взбодриться, он врубал погромче трэш, дэт или хэви-метал, заставляя сердце биться быстрее. Эта же музыка, сделанная чуть тише, подходила для его повседневных дел. Иногда следовало успокоиться, и он слушал классику хард-рока, или даже то, что называют русским роком. А иногда хотелось поразмышлять, подумать — для этого подходил прогрессивный, психоделический рок, джаз и даже классика.

Музыка, которую он нашёл в ноутбуке, оказалась как раз такой, из третьей категории — сложной, необычной и интеллектуальной, в которую хотелось вслушиваться и разбирать на части и партии. За первой группой он послушал вторую, за второй третью, отвлекаясь только на то, чтобы сходить в туалет или перекусить. День из-за этого прошёл незаметно, и лишь когда в шатёр вернулась Наала с тремя кшатриями, он выключил плеер и снял «уши».

— Выходи, мы будем собирать шатёр, — сказала индуистка.

Расставаться с музыкой не хотелось.

— Тебе нужен ноутбук? Я бы хотел дослушать альбом.

— Что ты слушаешь?

— «Скальд».

— Отдай плеер Константину, — скомандовала Наала тому самому охраннику, которого Молот видел утром. — Там должна быть вся дискография.

Охранник неохотно отдал плеер с наушникам Константину.

Константин порывался помочь при сборе, но Наала пресекала его попытки. Порой он начинал злиться — роль бездельника-альфонса нравилась Константину всё меньше и меньше.

Когда солнце приблизилось к краю горизонта, полевой лагерь был собран, все палатки и снаряжение упаковано в фургоны и бронемобили. С наступлением темноты первые две сотни — Ирбитская и Алапаевская — пошли по тропе вдоль заброшенного

зареченского тракта, в авангарде армии. С ними же отправились четыре «японских» робота — по два с каждой стороны дороги. Через полчаса колонна из остальной техники выехала с окраины деревни и, миновав просеку, медленно поехала следом по тракту. Наала с Константином сели в бронемобиль, ехавший пятым в колонне и ничем не отличавшийся от остальных. За рулём оказался Асгат.

Из круглых боковых окон было видно заброшенную трассу. Лес неумолимо наступал на неё, пробивая и кроша молодой порослью старый асфальт по краям, — колонне приходилось поворачивать то влево, то вправо, объезжая особо толстые деревья и кустарники. Несколько раз движение на несколько минут останавливалось — ехавшие впереди распиливали и убирали с дороги упавшее дерево. Справа в лесу виднелись десятки огней — сотни кшатриев-пехотинцев шли параллельно тракту, подсвечивая дорогу фонарями и факелами.

Спустя пару минут сзади раздалось несколько выстрелов.

— Кто это там? — спросил Константин.

— Поди сельчане шавок натравили, — отозвался Асгат. — Думали, мы им заплатим. Ерунда, ничего больше сельского патруля в этих краях не может быть.

Негативная чаша виртуальных весов в сознании Константина начала перевешивать. Колонна не прекращала движение. Наала ехала молча, все приказы через мегафон отдавал ехавший впереди колонны техники Вадим. Лишь через полчаса пути она прервала молчание.

— Через час выедем из леса. Там будет посёлок Верхнее Дуброво. Разведчики донесли, что в нём не должно быть много вооружённых невежд, но, возможно, будут стрелять.

Константин кивнул. Его начало клонить в сон, но уснуть он не хотел — во время столь ответственного и опасного мероприятия, как перемещение армии, спать было опасно. Найдя в плеере флоридского «Циника», агрессивного, с рваным ритмом, он включил погромче и откинулся на спинку кресла.

Однако побороть сон и усталость не удалось даже при помощи металлической музыки. Незаметно для себя Константин погрузился в дрёму и очнулся от грохота и резкого толчка, из-за которого он слетел с кресла и ударился головой о сиденье шофёра.

Поднялся, потирая ушибленный лоб. Музыка в плеере кончилась. Наалы на соседнем сиденье не было. Константин посмотрел в окошко — отряды стояли теперь на новой дороге, в которой он узнал Тюменский тракт. Далеко, у огней посёлка справа от трассы виднелось три синеватых пятна. Тут же снаружи,

совсем близко, послышалась автоматная очередь и крики бойцов. Спросонья Молот не сразу понял, где он мог видеть эти пятна, но когда до него, наконец, дошло, он машинально захлопнул оконный люк.

Со стороны посёлка через поле на колонну шли боевые роботы. Или показалось? Если это не Корпорация, то кто? Константин схватился за дверную ручку, пытаясь выбраться из броневика.

— Сидеть! — прошипел Асгат. — Наала сказала тебе оставаться здесь.

— Где она?

— Пересела в фургон.

Незнакомое доселе чувство привязанности рефлекторно потянуло куда-то из броневика, но Константин смог пересилить себя и остался на месте. Спустя пару секунд даже удивился такому странному порыву — поставить чувство долга перед «Учителем» выше инстинкта самосохранения.

— Они кто?

— Верхнее Дуброво — мой родной посёлок, — ответил Асгат. Похоже, он нервничал, ему не сиделось на месте, но выходить не решался. — У нас много киберготов.

— А им-то чего не сидится?

— Непонятно, что этим невеждам от нас надо, — пожал плечами кшатрий.

Впереди и сзади послышалась пара взрывов. В темноте и поднявшейся пыли из узкого переднего окна не было видно, что это, но видимо, ракеты роботов настигли цель. Приглушённая стрельба, крики раненых не давали Константину покоя. Через минуту, когда всё стихло, он открыл люк на пару секунд и посмотрел.

Два боевых робота лежали на поле в сотне метров от трассы, подсвеченные прожекторами с фургонов. Один лежал чуть ближе — это был робот индуистов, и ещё один, вражеский, стоял с подбитой дымящейся турелью. Асгат открыл боковую дверь, высунулся и спросил:

— С Учителем всё в поряд… — как вдруг он захрипел и выпал из машины.

Константин заглянул через сиденье. Из шеи индуиста торчал арбалетный болт, но он ещё был жив. Молот выскочил из машины, и крикнул:

— Сюда, здесь раненый!

Пара бойцов, стоявших за фургонами впереди, услышали и поспешили к бронемашине. Константин приподнял голову Асгата над землёй, и попытался оттащить от машины. Кшатрий хрипел,

пытаясь сказать какие-то слова, из которых можно разобрать только «Наала».

— Отойди, — сказал подошедший Вадим, снимая с пояса мачете. — Садись обратно в машину.

— Ты что, хочешь прикончить его?!

— Отойди, невежда, это приказ Наалы! — рявкнул Вадим. — Киберготы сказали, что напали по его наводке.

Грёбаный социум, снова подумалось металлисту, и он, сжав кулаки, отступил. Сдержался. Его окружали не просто воины-фанатики — безумцы, для которых идея и приказ вождя важнее здравого смысла. Константин не мог поверить, чтобы Асгат стал бы предавать «Учителя», наверняка это была какая-то ошибка, но было уже поздно спорить. Вадим обезглавил воина одним взмахом мачете.

* * *

Колонна двинулась дальше, оставив на обочине десяток трупов — своих и киберготских. За руль сел незнакомый кшатрий. Разговаривать с ним, даже спрашивать имени, не хотелось, и Константин снова включил плеер, решив переслушать дискографию «Циника» ещё раз. Спустя минут десять колонна свернула с большого тракта на север, на просёлочную дорогу.

— Объезжаем посёлок Исток, с востока в город войдём, — пробормотал водитель, видимо, больше для себя, чем для Константина. — А потом снова на юг, до Уктуса.

Разумный ход, подумалось металлисту. Лишь бы войска Корпорации не оказались умнее. Они поехали мимо большого поля, посреди которого на холме виднелись развалины какого-то военного сооружения. Наверху горел маяк. С другой стороны дороги был лесной массив, и индуистские сотни снова рассыпались по лесу. Константин невольно напрягся: на таких маяках обычно установлены лазерные системы Корпорации. Хотя, возможно, он просто служит ориентиром на пути дирижаблей. Колонна остановилась. Послышалось шипение запущенных ракет и стрёкот пулемётов. Лучи прожекторов ударили по колонне, ослепив Константина, и он снова захлопнул оконный люк.

— Неужели?… — начал водитель, и в следующий миг яркая вспышка ослепила Константина. Водитель заорал нечеловеческим голосом. Стало неимоверно жарко, заискрило, задымило и запахло палёной проводкой. Константин машинально отшатнулся вправо и открыл, обжигая ладони, раскалённый бронированный люк. Снаружи слышались взрывы. Выскакивая из бронемобиля, на

секунду он увидел, что передняя дверь пробита насквозь, а часть приборной панели, вместе с рулём и руками водителя испарилась. Первый раз луч лазера ударил так близко от него — метром правее, и он был бы уже мёртв.

Константин отбежал от дороги и укрылся за деревьями. Из леса навстречу ему в сторону поля выдвигались индуистские сотни. Напевая мантры, улыбаясь и выставив вперёд арбалеты и слабые самодельные индуктивники, эти фанатики небольшими группами шли на верную смерть. Поглядев в сторону маяка, металлист увидел выступающих из-за холма ровным строем пехотинцев Корпорации. С бронированными щитами, при поддержке десятка танков и бронемашин, тысячи бойцов двигались ровным строем навстречу сектантов.

Послышался грохот, миномётные выстрелы разметали по трассе остаток машин индуистов. На миг засомневавшись, Константин повернул вперёд, а не вглубь леса и побежал вдоль дороги, наперерез выступавшим индуистам. А те шли, уверенно шли на верную смерть.

Молот Лес стал другим. Гигантские орхидеи подняли свои бутоны над травой. Из веток рябин и диких груш подлеска слышались крики обезьян. Под соснами подняли шляпки огромные, в локоть высотой, мухоморы. Непривычно яркая и крупная луна светила сквозь кроны деревьев. Константин не обращал внимания на эти чудеса, потому что думал сейчас совсем о другом.

Наалу несли на руках двое охранников, в одном из которых Константин узнал вчерашнего хозяина плеера. «Учитель» была ранена в бедро, цветастый саронг пропитался кровью. Кштарии положили её импровизированные носилки на землю в двухстах метрах от дороги. На лицах воинов не было ни жалости, ни страха, лишь когда Константин приблизился, один из охранников вскинул арбалет, но тут же опустил.

Металлист склонился над Наалой. Грозная фанатичка, ещё недавно хладнокровно отдававшая приказы казнить, выглядела теперь хрупкой и беззащитной.

— Избранник мой, — проговорила индуистка. — Завтра последний день зимы. Иди отсюда, а мы должны погибнуть. Кали заберёт наши атманы.

— Наталья, но как же цель?! Как же твоя мечта править миром?

— Всё во имя неё, — слабо улыбнулась сектантка. — Во имя цели, но другой, великой. Корпорация оказалась сильнее и проворнее. Но есть ещё вторая часть армии, и войска из других миров. А мы должны отвлечь на себя Корпорацию, чтобы Путник

смог войти в силу. Мы должен идти, а ты должен найти свою «Ямаху». Когда-нибудь, может, в другом мире, ты сыграешь на ней для меня.

Так вот кто эти индуисты, понял Константин — не просто фанатики. И даже не безумцы. Это камикадзе, хладнокровные самоубийцы, верующие, что их душа сможет переселиться, покинув тело.

— Грёбаный социум! — Константин со злости пнул дерево. — Путник, этот сопляк, уже убил столько людей! Он собирается уничтожить мир, он убил тебя!

Наала покачала головой.

— Я не до конца осознавала это сама, но… Людям не место в мирах, подобным нашему. Их атманы должны быть освобождены. Наша цивилизация должна быть уничтожена, люди должны уступить жителям внешних миров…

— Этим слоноподобным уродцам?

— Да, — кивнула Наала. — Этим уродцам. В этом высшая цель, а вовсе не в том, чтобы править миром. Когда я сказала про это, я просто хотела, чтобы ты прошёл со мной этот путь. А Путник — он не просто сопляк, он Вестник Перемен. И он твой сын… Помоги ему.

Константин отвернулся и как-то растерянно проговорил:

— Да уж, сын. Я помогу ему. Теперь я точно ему помогу.

Охранники, вдруг испугавшись чего-то, отступили и побежали вниз по склону, оставив индуистку одну лежать на поляне. Константин оглянулся и поднялся с колен.

Позади, в каких-то трёх сотнях метров от них, всё ещё раздавались взрывы. На поляну, где находились бойцы, из кустов медленно вышло гигантское животное — тёмно-бурое и мохнатое. Точно такого же зверя Константин видел в лесу, когда его арестовали, теперь он узнал, кто это — перед ним был огромный сибирский мамонт, нелепый и невозможный, но в то же время идеально вписывающийся в мутировавший лесной ландшафт. Теперь Константин не сомневался, что точно такого же мамонта видел в лесу тогда, в день задержания. Недолго думая, он побежал.

Через пару минут он свернул на юг, намереваясь лесными чащами обойти место сражения и зайти в Верх-Исетск со стороны района Вторчермет. Издалека светили лучи прожекторов Корпорации, рядом разрывались снаряды и выжигали всё вокруг лучи лазерных пушек, погибали, напевая «слава Творцу», последние кшатрии, но это уже было не важно. Константин почувствовал, как незримые нити привязанности, которыми Наала удерживала его в последние сутки, рвутся и растворяются,

уступая место совсем другому, более привычному для него чувству — инстинкту самосохранения. Правда, теперь к нему примешалось и новое желание.

Теперь он хотел убить Путника.

II. Фуга. Эпизод 8. Город восковых обитателей (а)

(Путник)

Этот город был совсем не похож на Верх-Исетск.

Шпили стоэтажных высоток подпирали небо салатного цвета; к небоскрёбам ступенями лепились здания пониже, с причудливыми фасадами и изогнутыми, словно стекающими вниз козырьками крыш. Широкие — гораздо шире верх-исетских — улицы покрывал красный булыжник, в стыках которого росла сочная трава. Вдоль бульваров росли пальмы и плодовые деревья, свежий тёплый воздух был пропитан ароматами цветов.

И в этом городе было пусто и тихо. Ни единой души. Отсутствие жителей показалось Путнику странным — он не увидел здесь следов разрушения или мародёрства, ничего намекающего на паническое бегство горожан. Двери уличных лавок были закрыты. Люди как будто исчезли, испарились, покинув эту реальность.

Путник не ощутил момента, когда осознал, что находится здесь. Сладкий сон так незаметно перетёк в явь, что понять, когда сознание переместилось, было уже невозможно. Слегка испугавшись, Путник посмотрел на свои руки и снова понял, что забыл, кто он есть.

Ощущение продержалось недолго — он быстро подошёл к пыльной зеркальной витрине и посмотрел на своё отражение. В зеркале был мужчина лет сорока, низкорослый, но крепкого телосложения, одетый в серый сюртук странного покроя. Но лицо и глаза разные цвета не могли врать — Ник мгновенно узнал в них себя, и постепенно вытянул из памяти воспоминания о предыдущих неделях своей жизни. Не успей он сохранить эту тоненькую ниточку со своим прошлом — был бы сейчас снова с потерянной памятью о себе, облегчённо подумал Путник.

Ник согнул руку и пощупал свой бицепс, усмехнувшись.

— Не хило, — тихо проговорил он. Голос оказался хрипловатым, как будто прокуренным.

Получается, в этом мире он старше и сильнее, чем в Верх-Исетске. В теле взрослого человека он ощутил себя немного увереннее. Ещё Путник почувствовал, как неторопливо, медленно тут течёт время — реальность здесь казалась даже реальнее, «твёрже», чем в предыдущем мире. Несмотря на спокойствие и умиротворение, в этом мире было немного неуютно — в первую очередь, из-за вида обезлюдивших улиц и чувства одиночества.

Язык аскетичных рекламных вывесок был совершенно незнакомым, мир был чужим. Захотелось вернуться к Миле, в тело юноши, в пыльный и суровый Верх-Исетск. Он зажмурился и резко открыл глаза — похоже, просто так проснуться и переместить сознание между мирами нельзя. Придётся найти способ, чтобы сделать это.

Первая идея, которая пришла ему в голову — уснуть и проснуться. Резвым темпом он прошёлся мимо витрин, подыскивая подходящее место, и вскоре нашёл его — на углу высотного комплекса оказался большой мебельный магазин. За витринами виднелись мягкие диваны и уютные кресла, в которых легко можно было уснуть. Путник только сейчас обратил внимания на скупые вывески — алфавит был совершенно незнакомым, хотя город был определённо человеческим.

Ник покрутил ручку, навалился плечом на дверное стекло, но не получилось — замок оказался крепким. Тогда Ник попробовал вышибить дверь, разогнался и с размаху обрушил своё потяжелевшее тело на стекло, но и это не вышло, зато ушибленное плечо заныло столь чудовищно, что Путник выкрикнул:

— Долбанный мир!

Крик эхом разнёсся по пустым улицам. Путник не ожидал, что эхо от его голоса будет столь гулким и чётким. Боль ещё раз напомнила, что это не сон — во сне такого быть не может.

Тем не менее, попасть в салон с диванами ему всё ещё хотелось. Потирая ушибленное плечо, он вернулся к мостовой и начал пинать сапогом крайний булыжник, расшатывая его и освобождая от земли. Через пару минут ему это удалось, он поднял камень и взвесил в руке.

— Разрушитель — так разрушитель, — пробормотал он. — Надо же как-то оправдывать своё прозвище.

Размахнулся и отправил камень в витрину, ближайшую к двери. Звон разбитого стекла отправился гулять по пустым улицам вслед за предыдущим криком. Ощущать себя вандалом было неприятно, однако город всё равно выглядел покинутым, заметить со стороны никто не мог, и беспокоиться о приличии не стоило. Путник подошёл поближе, откинул сапогом наиболее опасные осколки и зашёл внутрь.

В мебельном магазине было прохладно и душно. Первое, что бросилось в глаза — огромная карта на боковой стене, которая мгновенно приковала внимание Ника. Схематичная, и входящая, по-видимому, в какое-то рекламное полотно, она изображала остров округлой формы. Вокруг острова кольцом разливалось море или большое озеро, через которое на юг шла тонкая полоска

какой-то дороги. Стрелки указывали направление к другим городам.

Странное мироздание, подумалось Путнику. Хорошо, что он скоро покинет этот мёртвый город. Выбрав кресло поудобней, Ник сел в него, снял свой странный сюртук и накрылся им, как пледом.

Сознание успокоилось, но мысли о новом, странном мире, о постаревшем теле продолжали кружиться где-то в голове. Когда Путник наконец избавился от лишних мыслей, он увидел рядом старого друга.

* * *

— Ты не прав, — сказал Толстый. — Зачем ты разрушил мой мир?

Они стояли на бесконечной пустынной плоскости. Ник посмотрел на свои руки и облачение — судя по всему, здесь он снова был охотником. Наверное, во всём виновато было присутствие рядом механика из страны механических кур — внешность подстроилась под собеседника.

— Но почему я не в Верх-Исетске?! — воскликнул Путник.

Толстый пожал плечами. Вид у него был обиженный.

— Твой мир уничтожен безвозвратно?

— Ты не прав, — повторил свою любимую фразу Толстый. — Жители моего мира спасены, но восстановить курятник будет очень сложно. Если бы ты знал, Путник, как тяжело мне быть в Пограничье. Здесь очень неуютно, и совсем нет моих любимых консервов.

— Прости меня, — сказал Ник. — Ты же знаешь, я стараюсь не разрушать, но у меня не получается. Знаешь, я уже думал пару раз о самоубийстве…

Синекожий здоровяк сокрушённо покачал головой.

— Ты не прав, когда так неуверен в себе. И не смей думать о разных глупостях, покончив с собой ты всё только усугубишь. У тебя получается. Ты на верном пути, ты уже почти нашёл нужного человека, нашёл путь к спасению.

Они медленно пошли в каком-то неведомом направлении.

— Мила. Так это она приходила к тебе перед тем, как я попал в Верх-Исетск? Она тоже умеет ходить между мирами?!

Здоровяк кивнул.

— Но не так хорошо, как это умеешь ты, безымянный Путник.

— Тогда почему ты сказал «почти нашёл»? Ведь она рядом со мной.

— Ты не прав. Вы нашли друг друга, но пока ты ещё не нашёл человека, способного по-настоящему помочь тебе.

Плоскость вокруг стала покрываться маленькими чёрными цветами.

— Хватит говорить загадками! — раздражённо попросил Путник. — Скажи прямо: кого ты имел в виду, когда говорил, что этот кто-то может помочь?

— Ты не прав! — столь же раздражённо сказал Толстый. — Я не говорю загадками. Я прямо сказал — ты на верном пути.

Путник остановился, и его осенило.

— Тот старик с кучей часов, из мастерской которого меня увезли! Это он? Он пытался меня спасти, да?!

Толстой остановился напротив, по-отцовски взял Путника-охотника за плечи и кивнул.

— Но они же ударили меня, — вспомнил Ник.

— Ты не прав, они временно отправили твоё сознание гулять по другим мирам, чтобы ты не повредил тот, в который попал. В первые часы ты был сильно напуган и запросто мог сделать это.

— Но как? Как мне выйти на него, ведь город огромен?

— Ты не прав, когда видишь лишние сложности там, где их нет, — улыбнулся широкой улыбкой здоровяк.

В следующий миг его толкнули в плечо, и сознание снова переместилось.

* * *

— Кто ты? — спросил строгий голос.

Ник открыл глаза и испуганно вжался в кресло.

На него глядел небритый человек с длинными волосами, собранными в хвост. Одет он был в сильно поношенный китель, удивительно похожий на рабочую униформу работников зоопарка.

В грудь Путника было направлено дуло старинного автомата.

— Никита, — сказал Путник. — Я из Верх-Исетска.

В глазах незнакомца промелькнуло удивление, смешанное с недоверие. В момент неуверенности черты лица показались Нику неприятно похожими на его собственные — к тому же, они были почти ровесниками. Наконец незнакомец опустил автомат и махнул рукой.

— Подымайся. Идём, расскажешь, как там дела.

Они вышли из салона, перешагнув через осколки.

— Больше так не делай, ладно? — человек указал рукой на разбитую витрину. — Не хочется тут ничего разрушать. У меня

есть ключ ото всех дверей. Почему-то он тут один подходит ко всем. С другой стороны, я пришёл на звук разбитого стекла, иначе бы мы друг друга не нашли.

— Что это за город?

Незнакомец помедлил, покачав головой.

— Существо, которое принесло меня сюда, назвало его Городом Восковых Жителей.

— Существо? — неприятно поморщился Ник.

— Жрать хочешь?

— Я не голоден, — сказал Путник.

Незнакомец подозрительно посмотрел на него.

— А чего так вырядился? Где нашёл сюртук, ещё одну лавку разбил?

Путник промолчал, потом кивнул. Он и сам не знал, откуда у него это тело и эта одежда. Видимо, человек почуял что-то неладное, и поэтому Ник решил перевести тему.

— Ты не представился, как тебя зовут?

— Молотков Максим Александрович, его императорской гвардии полковник, — отчеканил мужчина. — Ещё мне был дарован графский титул, правда, проносил я его меньше месяца. Сейчас придём, и ты мне всё расскажешь.

Императорская гвардия? Что-то новое, подумалось Нику. Он не слышал о такой структуре в составе войск Корпорации. Он задрал голову, разглядывая очередной шпиль.

— Наверное, хорошо жить одному в целом городе?

Максим усмехнулся.

— Я не то, чтобы совсем один. Скоро ты увидишь ещё одного гостя, который пришёл сегодня утром. Живу здесь всего год, и ко мне захаживает много странных личностей из окрестных миров. Один из приходивших ранее, кстати, неприятно напоминает мне тебя. Погоди, придём, и я всё расскажу.

Слова насторожили Ника, и дальше он шёл молча. Они подошли к перекрёстку и повернули направо. Впереди, за большой аркой, раскинулась широкая площадь, окружённая высотными зданиями. Посреди площади стояла остроконечная ступенчатая пирамида, взглянув на которую Ник вспомнил, вздрогнув, где мог видеть подобную архитектуру.

— Ацтеки… Неужели это был город ацтеков?

— Похоже на то, — кивнул Максим. — Я так и не разобрался с местной письменностью — это уже не иероглифы, но всё равно, что-то непонятное. Наверное, здесь жил ещё кто-то, кроме ацтеков — вот и смешалось всё, как у нас с татарами. Возможно, что узбеки, пришедшие в наш город, жили раньше именно в этой реальности, только где-то в горах. Это большой мир, гораздо

больше нашей Империи Каменного Пояса.

Они вышли на площадь и свернули в сторону большого стеклянного павильона. Похоже, здесь у Максима было что-то вроде импровизированного жилища — сложенная из булыжников печь, кровать, полки, даже какой-то странной формы холодильник. Максим гостеприимно открыл дверь и пропустил Ника внутрь. Затем прошёлся по помещению, разыскивая кого-то.

— Интересно, где наш приятель?

— Как ты оказался здесь? — спросил Ник и уселся на диван.

— Чайник недавно кипел, — не заметив вопроса, сказал Максим. — Завари себе чаю, я пойду найду моего товарища. Только не удивляйся его внешности — хотя, наверное, ты и не такое видел.

Фарфоровые кружечки оказались маленькими, расписанными каким-то мелким цветочным орнаментом. Ник заварил зелёный чай в большом заварочном чайнике — заварка обнаружилась рядом, в небольшой фигурной вазе. Похоже, оставившие город были хорошими мастерами.

Сидеть было скучно. Ник прошёлся по стеклянному салону — в основном, Максим хранил здесь собранные в городе бытовые вещи — одежду, посуду, какие-то консервы — Ник невольно вспомнил страну механических кур. Вышел на площадь. Загадочная пирамида в центре так и притягивала к себе, но оставлять заваренный чай не хотелось. В конце концов любопытство возобладало, и Путник зашагал по брусчатке в сторону пирамиды.

II. Фуга. Эпизод 8. Город восковых обитателей (б)

* * *

Ник покопался в голове, и словно из некой невидимой энциклопедии выудил информацию об ацтеках. Индейская цивилизация, существовала на территории нынешней… точнее, бывшей Мексики. В пятнадцатом веке была разгромлена испанскими конкистадорами во главе с Кортесом. Путник подошёл к ступеням пирамиды и посмотрел наверх. Она была не сильно высокой, метров двадцать пять в высоту, и Ник решил подняться.

Что-то мрачное и неприятное было в воспоминаниях об этой цивилизации, что-то такое, что не вязалось с урбанистическим пейзажем и изящными фарфоровыми кружечками, и он вспомнил, дойдя до середины.

Кровавые человеческие жертвоприношения. Эти пирамиды служили для того, чтобы ежедневно приносить жертвы богу солнца, вырезая у живых людей сердце. После того, как Ник вспомнил об этом, стало немного не по себе, и с каждой ступеней страх увидеть на вершине пирамиды что-то ужасное постепенно возрастал.

Но никаких следов крови на вершине пирамиды не оказалось, и Ник облегчённо вздохнул. Перед арочной храмовой постройкой стоял каменный алтарь, залитый янтарной жидкостью, расплавившейся на солнце. Путник потрогал его пальцем и присмотрелся — жидкость на пальце мгновенно затвердела, покрыв подушечку ровным жёлтым слоем. Воск, догадался Ник.

В небольшой каменной постройке за алтарём было прохладно. По сырым стенам бегали муравьи. Это правильно, что здесь есть насекомые, подумал Ник. Крупных животных нет, но раз есть растения, то должны быть и муравьи — экосистема должна как-то функционировать. В углу, в полумраке стопками лежали какие-то связки, перевязанные верёвкой. Ник поднял одну из связок, в ней оказались измятые и спрессованные восковые фигурки людей. Мужчин и женщин, выполненные с большой детализацией, в ладонь длиной. Ник разглядел выпуклые кружки у них на груди — место, откуда вырезается сердце.

И тогда всё слилось воедино, и пирамиды, и странное название города — Город Восковых Обитателей — и древний

культ ацтеков, видоизменившийся и ставший мирным. Куда гуманнее вырезать сердца у восковых фигурок.

— Никита, ты где?! — послышался окрик Максима внизу.

— Я здесь! — отозвался Ник, вышел из постройки и остановился, как вкопанный, увидев спутника Максима.

Гигантский муравьед оказался куда ниже ростом, чем когда его видел Путник в первый раз. Видимо, тело мартышки-антопоморфа из разрушенного им мира было куда меньше даже нынешнего роста Путника. Ник, спустившись с пирамиды, выглядел растерянным, но старался не подавать виду, что знаком с Максимильяном.

— Знакомься, Никита, — сказал Максим. — Максимильян, почти мой тёзка. Антропоморф. Пришёл сюда вчера откуда-то с севера. Да ты не удивляйся, он славный малый, хоть и муравьед.

— Добрый день, — угрюмым голосом протрубил муравьед, подавая лохматую лапу. Ник отметил, что по очертаниям фигуры сейчас он больше походит на человека, чем у себя, там, на родине. Видимо, сказывался мир, в который его занесло.

— Рад знакомству, — кивнул Ник, стараясь выглядеть спокойно.

Они вернулись в стеклянный салон. Солнце выглянуло из-за ближайшего небоскрёба, и Максим закрыл стекло импровизированной шторой из большого гобелена, чтобы не пекло.

— Ты пьёшь чай, Максимильян? — спросил Ник. — Тебе наливать?

— Угу, — сказал говорящий муравьед. Он выглядел растерянным, потом признался. — Мне надо найти муравьёв, иначе я помру с голода.

— Они есть на пирамиде, — успокоил его Ник.

— Ну что, мы пока ещё слабо знакомы, — сказал Максим, сел на диван и довольно похлопал себя по коленям. Похоже, он был рад гостям. — Давайте расскажем друг другу истории, чтобы познакомиться поближе.

Все замолчали. Такое чувство, что никто не решался говорить первым.

— Позвольте, я первый начну, — сказал муравьед. — Я родился и прожил почти всю свою жизнь в стране Антропоморфов, которой теперь, к сожалению, нет. Пять веков её населяли чудесные существа, похожие на зверей и людей одновременно. Все мы были травоядными и насекомоядными, потому что нет ничего отвратительнее, чем есть себе подобных. Я родился в краю, называемом Солнечными Холмами. Наше племя было небольшим — всего сотня муравьедов, но я родился в семье

вождя этого племени. Батюшка помер от старости, так и не дожив до того, как я окрепну и вырасту. Мой старший брат занял его место. Одна старая обезьяна рассказала пророчество, что мне суждено изменить мир. Я решил не обзаводиться семьёй, стал скитальцем и за три года обошёл почти всю нашу землю — от Предрассветных гор до Вечернего океана, от Ледяных Пустошей до Королевства Обезьян, что у Адской пустыни. Я любил наш мир, но, к сожалению, он ныне разрушен…

Ник невольно напрягся, нервно теребя в руках маленькую фарфоровую чашку. Он чувствовал вину за собой и боялся, что Максимильян узнает его. Молотков улыбался, слушая гостя. Муравьед тем временем продолжал.

— Всё началось с того, как откуда-то из вселенской пустоты пришёл новый народ — хоботуны. Они тоже были антропоморфами, но гораздо умнее и развитее нас. Они построили огромный город с заводами и фермами. На своих дельтапланах они летали по всей нашей земле. Рано или поздно, они бы точно захватили всю нашу землю. На совете старейшин племён было решено — нужен герой, какая-то сильная, героическая личность, чтобы прийти в город и победить их.

Максим еле сдерживал улыбку, похоже, история казалось ему наивной, но он старался выглядеть вежливым.

— Имена смельчаков, что первыми отважились пойти в город хоботунов, теперь забыты. Они не сумели выполнить свой долг, и теперь ушли из своих племён. Увы, но я пополнил их число. Я переплыл Извилистую реку и пошёл к городу хоботунов. К сожалению, меня поймали, накормили и отпустили назад. Я не сумел добраться до их вождя. Шаманы тем временем напророчили приход спасителя. Он явился в облике мартышки из королевства обезьян — наиболее развитой части нашей страны. Его звали Сэм. Я успел увидеться с ним перед тем, как он пошёл в свой поход. Конечно, Сэм был странным — такое чувство, что он пришёл к нам из другого мира и ничего не знал о том, что творится у нас. Но вождь ближайшего племени убедил его в том, что нужно идти. Как я сейчас понимаю, он был в сговоре со хоботунами. Мы ждали. Прошло несколько дней, и мы поняли, что наши враги поймали спасителя и удерживают его у себя. Было решено пойти войной на город хоботунов, чтобы спасти героя.

Так вот почему началась эта война. Из-за попытки спасти его, Путника!

— Кем решено? — поинтересовался Максим. — Кто у вас принимает такие решения?

— Наши шаманы и оракулы, — пояснил муравьед. — Они умеют разговаривать с Творцами.

— Кажется, я знаю, о каких творцах идёт речь, — улыбаясь, кивнул Максим. — Но продолжай, извини, что перебил.

— За три дня мы собрали ополчение. Мало кто из нас владел оружием, и никто не умел убивать. Мы зажгли факелы, собираясь сжечь ненавистный город. Тысячи, много тысяч жителей саванны пошли с факелами в сторону города. Мы перешли Извилистую реку, после чего начались страшные вещи. Мы нашли поле, на котором росли тряпичные хоботы. Мы испугались и сожгли его, но это не помогло. На подступах к городу с антропоморфами стали происходить жуткие изменения — у всех сам по себе начал расти хобот. Мы стали превращаться с своих врагов, и ничего не могли с этим сделать. Такое чувство, что хоботуны — это некая болезнь, какой-то вирус, который передаётся контактным путём. Я повернул обратно, чуя, что началось что-то страшное, и только поэтому уберёгся от заразы, оставшись таким, какой я есть. У реки я встретил винторога по имени Казимир, он помог мне покинуть наш умирающий мир. Перед уходом мы видели пылающий город на востоке и десятки чудовищных взрывов на западе, в саванне. Нашей страны больше нет, тысячи жизней оборвались из-за юной неопытной мартышки!

Максим больше не улыбался. Похоже, история поразила его своей трагичностью — как-никак, его «почти тёзка» Максимильян казался существом добрым и даже наивным. Или, может быть, он увидел в ней что-то своё? Ник по-прежнему молчал, боясь ляпнуть лишнее. Муравьед закончил свой рассказ:

— С тех пор я долго гулял по пустой бесконечной плоскости. Мой спутник, спасший меня, вскоре ушёл своей дорогой. Я знал, что он предатель, видел, как он растит на запретном поле хоботы, но желание спастись было сильнее чувства мести. Он оказался пришельцем, жившим в нашей стране в обличии винторога. Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очутился в этом городе.

— Эх, дружище, — проговорил Молотков. — Боюсь, я знаю, кто создал ваш мир, и почему он погиб. У наших миров общие творцы. Я имел честь общаться с ними — это по-своему мудрые люди, точнее, не люди даже, а практически боги. Но они не лишены шалостей. Не то из тяги к развлечениям, не то с целью попрактиковаться, они создают миры, подобные вашим. Вы же все поголовно — просто ходячие персонажи из наших сказок. Это как компьютерная игрушка для них, понимаешь, о чём я, Никита?

Ник кивнул. Муравьед, похоже, ничуть не обиделся этим словам.

— Я… подозревал что-то подобное. В нашем мире слишком много странностей.

— Что стало с жителями вашего мира? — рискнул спросить Ник. — Погибли все, кроме тебя?

— Мой проводник сказал, что они превратились в каких-то особенных хоботунов, — ответил Максимильян. — Они уменьшились в размерах, переместились во времени и стали жителями какого-то нового, параллельного мира.

…Который спустя несколько дней тоже разрушился по моей вине, продолжил про себя фразу Ник. Молотков задумчиво проговорил, поглаживая кружку:

— Хоботуны… Не нравятся они мне. Слишком похоже на червей. Или на фантомов из какой-то аномалии. Я сталкивался с чем-то подобным тогда, в Верх-Исетске.

Путник попытался вспомнить как можно того, что он знает о хоботунах. Организованные, похожие на странных роботов, они больше напоминали сообщество слоноподобных муравьёв, чем червей. Или под червём понимается что-то другое? Он решил не спорить.

— А ваша реальность, похоже, была даже больше нашей, — сказал Максим муравьеду, усмехнувшись. — У нас всего семьсот на семьсот километров, небольшой кусочек уральских гор. Но наш мир Авторы Реальности стараются сделать максимально реалистичным и удобным для проживания.

— Удобным?! — воскликнул Ник. — А как же Корпорация?

— И что? — удивился Молотков. — Что плохого сделала Корпорация? От неё только польза. Да, она постепенно начинает перенимать полномочия императора, но и пусть — зато она производит альфа-батареи, медикаменты, даёт кучу рабочих мест.

— Так она же установила диктатуру! — сказал Ник. — У неё своя огромная армия!

— Армия? — нахмурился Молотков. — Какая армия, у них небольшая служба безопасности. По крайней мере, так было, когда я покинул мир.

Нику снова стало не по себе. Такое чувство, что они говорили о разных мирах.

— Слушай, что-то странное ты говоришь, — сказал он Максиму. — Расскажи свою историю, а потом я свою.

* * *

Максим допил свой чай, поставил кружку и прокашлялся.

— Я родился ещё «до Катаклизма», как принято говорить. Мало нас таких осталось, год от года всё меньше и меньше. Точный год рождения свой не помню, но, скорее всего, девяносто

третий. Во время Катаклизма очень многое забыл — часть памяти стирают. Я родился в Челябинске — крупном российском городе, ты слышал о нём, наверное. В том самом, который, как многие считают, теперь за стеной. Никакого города за стеной на самом деле нет, просто там проходит граница мира, и Авторы её решили огородить, чтобы народ лишний раз не убегал в пограничье. Так вот… Родители у меня были небогатые, отец в советское время играл в рок-группе, потом на заводе трудился. Выучился я в школе. Музыкалку закончил по классу классической гитары. Поступил в Южно-уральский университет, на технолога. В универе свою группу собрал, симфонический метал играли, но до нормальных выступлений так и не дошло. Подружку завёл, всё, как полагается. У нас все в двенадцатом году конца света ждали, модно тогда было. И как-то раз поругались мы с подругой крепко, я пошёл и нажрался вискаря. До этого никогда много не пил. Помню, что было очень плохо. Это, пожалуй, последнее воспоминание, которое осталось от прошлой жизни. Мой личный конец света.

«Странно, — подумалось Нику. — Он никак не производит впечатление шестидесятилетнего».

— Позже мне объяснили, что со мной произошло, — продолжал Максим. Рассказывал он больше для муравьеда, чем для Путника. — Меня скопировали, перенесли в новый мир, созданный как фрагмент мира Земли, где я родился. Но следующие пару лет моей жизни прошли словно в каком-то бреду — я не запомнил ни момента перехода в новый мир, ни чего-то определённого из того периода. Впервые я протрезвел в четырнадцатом году. Помню очень странное ощущение — жил себе, жил, как сомнамбула. Кажется, что всё правильное и привычное вокруг, вдруг просыпаюсь утром, и думаю — где я, что такое, мать вашу, творится вокруг?! Вышел из квартиры, поговорил с народом. Оказывается, живу я уже второй год в городе Первоуральск, на улице Емлина, в общине симфо-металлистов. Из вещей, оставшихся от старого мира — только гитара, диски музыкальные и флешка с учебной информацией и фотками. Да, ещё из одежды пара вещей. Первая мысль — в Челябинск надо, к родителям. Начал собираться, мне соседи говорят: из Челябинска все на север бегут, у них какое-то заражение, Сибирь затопило, Европу затопило, а во всём мире только Средний Урал остался уцелевший. Такие слухи тогда распространялись. Помню жуткую горечь из-за утраты старого мира, смешанную с каким-то юношеским азартом. Ещё бы, игрушек в своё время наигрался, книжек начитался — вот и казалось всё новым и интересным. Нашёл я девушку хорошую, из

Ревды родом, сыграли мы свадьбу, поселились на окраине, у леса. Скоро сынок родился, Костиком назвали. В городе к власти дельный мужик пришёл, объединил Ревду, Первоуральск, Кузино и посёлки поменьше, вплоть до самых западных болот. Неплохо мы жили. Депутатов от общин набрал, республика получилась — Ник, помнишь?

— Слышал, — кивнул Ник. — Потом же была какая-то война?

Максим кивнул, немного удивившись.

— Конечно, была, скоро в Верх-Исетске поменялась власть, и на нашу маленькую республику стали смотреть косо. Пытались уговорить войти в состав Империи добровольно, но мы после всеобщего собрания отказались. А ещё через год император собрал остаток бензиновых машин и попёр на нас войной. Потом власти выставляли это как победу над опасным противником и соперником — ну ясно, без противников жить куда сложнее. Мы успели бежать, я спас семью, но наших городов больше нет. За неделю войска Купидонова буквально сравняли Первоуральск и Ревду с землёй — палили из «градов», «точек», танковых орудий. Они истратили почти все арсеналы. Погибло девяносто тысяч человек, если не больше. Поэтому я разделаю твою боль, Максимильян, я тоже потерял близких мне людей и родной дом.

— Угу, — грустно согласился антропоморф.

Молотков поднялся и налил себе ещё чаю.

— Потом мы укрылись в заброшенной деревне неподалёку от Кузино. Я даже до сих пор названия её не знаю. Тогда только начали появляться первые альфа-батареи, ещё японские, с беспилотников сброшенные, но в той деревне жить было тяжело. Хотя климат становился год от года теплее — арбузы, дыни сажали, саженцы фруктовые. Там я впервые узнал о том, что реальностей, помимо нашей, много — во сне я несколько раз побывал в Курятнике, в Жёлтом мире. Я сразу понял, что это не сны, а какие-то странные реальности, но долгое время молчал. Открылся сыну только через несколько лет, но он не поверил. Потом всё подтвердилось.

— Я был в Курятнике, — сказал Ник и осёкся. Сболтнуть лишнего не хотелось.

— Когда? — удивился Максим. — Ты, получается, тоже родился до Катаклизма?

— Почему?

— Потому что, как мне потом сказали, только рождённые в Стабиле, в исходном крупном мире, способны самостоятельно научиться ходить по реальностям. Остальных нужно долго учить. Ты где родился?

Ник замялся, потом решил ответить полуправдой:

— У меня амнезия. Я во время Катаклизма всё забыл. Скорее всего, где-то в области.

— Ясно, — кивнул Максим, но было заметно, что он не до конца верит Путнику. — Так вот, один раз поговорили мы с женой, говорит она — надо идти на запад. Там, где бывший Пермский край, были теперь болота, но она решила идти вдоль железнодорожных путей. Возможно, потому что у неё до Катаклизма какая-то родня жила в Перми, и она надеялась, что там всё по-прежнему. Я пытался её удержать, умолял не оставлять меня одного с сыном. Но не получилось. Ушла она. Выпил я тогда бутыль яблочного самогона, а когда протрезвел, пошёл пешком в Кузино, нанял на последние копейки фургон, да и увёз всё добро в столицу. Сынишке тогда три года было. Поселились во Внешнем городе. Работал в мастерских у частников, на фабриках, потом плюнул и устроился на императорский завод, там больше денег давали. В принципе, привык, жить можно было. Жильё бесплатное, еда дешёвая.

— Но как ты оказался в императорской армии? — не выдержал Ник. — Ведь императорские войска уничтожили твой город.

— Выбор, Никита, — вздохнул Максим. — Мой выбор был не таким уж простым. Я хотел накопить на лазерную пушку, поставить дом где-нибудь в коттеджном посёлке. Общину свою небольшую создать. Чтобы стать по-настоящему независимым.

Ник немного помялся, а потом спросил:

— Говорят, что люди, ушедшие работать на Корпорацию, чувствуют себя продавшимися. У вас не было этого?

— Ну, во-первых, я устроился работать в тридцатом году, когда к власти пришёл Савелий Первый. Власть поменялась, все надеялись на перемены к лучшему, а на Купидонова я бы работать не стал. И ты знаешь, Савелий показался мне лучше. Хотя, наверное, каждый новый глава страны кажется лучше предыдущего. Не знаю, что случилось за тот год, что я живу здесь, — надеюсь, ты мне расскажешь об этом — но когда я ушёл, страна потихоньку вставала на ноги. Альфа-батареи свои научились делать, не всё собранные с беспилотников. Сеть проложили.

— А как ты покинул свой мир? — спросил Максимильян.

— Я ушёл искать жену на запад. Погоди, сначала расскажу, как меня взяли в гвардию. В тридцать пятом с миром началось твориться что-то странное. Начали бесследно пропадать люди. На севере появились хищные кошки — втрое больше обычных. На старых заводах завелись гигантские летучие мыши, или не мыши даже, а летучие лисицы — кажется, так называются. Пеликаны на

побережье прилетели. Поговаривали, что находили каких-то мутантов — может, так звали антропоморфов, я точно не знаю. Откуда-то с побережья, с моря, пришёл новый народ — узбеки. Пятьдесят человек. Какой-то покинутый город, также отрезанный от всего мира. В море рыбаки видели каких-то жутких чудовищ. В довершение всего, почти все холмы и горы за год выросли в полтора раза. Как мне потом сказали, всё потому, что в мир пришёл некий Странник, Разрушитель, который начал медленно, постепенно портить наш мир. Он начал открывать врата в другие реальности, словно червь, прогрызающий оболочку фрукта. Разрушил естественную защиту мира. А вслед за этим червём, как бактерии, в наш мир могли проникнуть сущности и другие разрушители из всех окрестных малых миров.

Ник вздрогнул, он почувствовал, как спина покрывается потом. Уж больно всё это напоминало его собственную историю. Неужели и он — червь? Всплыло откуда-то из памяти древнерусское «Язъ есмъ червь, но не человекъ». Путник поёжился, сравнение было неприятным, если не отвратительным. Максим продолжил.

— И вот примерно через год, в один прекрасный день на заводе вызывает меня к себе начальник. Прихожу — у него в кабинете сидит генерал один, звать, кажется, Вячеслав.

— Вячеслав?! — воскликнул Ник. — Я видел его.

— Да? Любопытно, потом расскажешь. Он задал всего несколько вопросов. Спросил, владею ли я навыками игры на гитаре. Я решил не врать — сознался. Спросили, какую музыку я играл, и не потерял ли навыков. Говорю, гитара лежит у меня дома, тренируюсь почти каждый день. Меня тут же посадили в броневичок. Отвезли домой, я забрал гитару, и повезли меня на Уктус. Высадил меня этот генерал у лестницы и сказал подниматься на Лысую гору. На горе, у трамплина старого, меня ждали три человека, где-то лет по тридцать — тридцать пять. Обычные такие ребята, не субкультурные. А с той горы — может, видел, Никита — вид на весь Екатеринбург открывается.

— На Верх-Исетск? — переспросил Ник.

— Ну да, на него, — поправился Молотков. — По-старинке ещё иногда называю. У парней этих стоит комбик, ещё одна гитара, огромный запас батарей, и кухня полевая. Говорят мне парни — мужайся, будешь играть нам непрерывно несколько часов. Я подумал, что это вроде экзамена что-то…

— Погоди! — прервал его Ник, испугавшись. — В каком, говоришь, году это было?

— Тридцать шестой.

— А в каком году ты отправился искать жену?

— Через год, в тридцать седьмом, — недоумённо сказал Молотков. — Когда всё улеглось.

Ник вскочил со стула.

— Получается… Ты не был в Верх-Исетске с тридцать седьмого… Сейчас там пятьдесят четвёртый. Тебя не было семнадцать лет! Здесь время течёт медленнее в семнадцать раз!

Путник выбежал из павильона, озираясь по сторонам. С запада на город быстро надвигался штормовой фронт. Наверное, это хорошо, подумалось Нику — в прошлые разы он покидал мир примерно при такой же погоде. Он зашагал на запад.

— Никита, ты куда? — крикнул вышедший из своего жилища Максим.

— Искать выход из этого мира! — крикнул Путник в ответ.

Максим зашагал к Путнику. Антропоморф вышел вслед за ним из павильона, но нерешительно стоял около дверей.

— Плюнь, мы в западне! Я тоже сначала искал выход, но понял, что ничего не выйдет. Птица гаруда, что принесла меня сюда, сказала, что теперь мне суждено стать стражником этого покинутого мира.

— Гаруда?

— Да. Та птица с руками человека, что принесла тебя сюда. Она поймала меня у реки Чусовой, на границе нашего мира, и долго несла над бескрайней серой плоскостью. Похоже, это какие-то особые странники между мирами. Они уносят лишь избранных.

Ник подошёл к Максиму и, справившись с волнением, посмотрел ему в глаза.

— Меня никто сюда не приносил. Я и сам могу ходить между мирами, Максим. Я Путник. Это я разрушил мир Антропоморфов. Тело, в котором я сейчас нахожусь, я вижу в первый раз. Впервые я появился в Верх-Исетске две недели назад в теле двадцатилетнего парня. С этого времени началось что-то невообразимое.

— Так ты?.. — Молотков поменялся в лице. Похоже, он был шокирован. — У тебя разные глаза. Я только сейчас это заметил. У предыдущего тоже были глаза разного цвета.

— Скажи, тот Разрушитель… что с ним стало?

— Я видел два чьих-то лица в небе во время игры на той горе. Лицо старика и лицо маленькой девочки. Тогда творилось что-то невообразимое. Мне сказали, что Разрушитель был обезврежен. Что именно с ним — умер он, или нет, я не знаю. Семнадцать лет, поверить не могу. Всё правильно, Никита… Мне сказали, что разрушители вроде тебя приходят в наш мир раз в пятнадцать-двадцать лет, видимо, пришло время.

Грозовая туча закрыла солнце.

— Раз ты смог обезвредить того разрушителя, может, ты поможешь и мне? — спросил Ник. — Я не хочу больше разрушать миры. Я хочу стать простым человеком, Максим.

II. Фуга. Эпизод 8. Город восковых обитателей (в)

(Третьи лица)

Дверь в часовой салон наконец-то починили. Колокольчик, который Ромул повесил над дверью, радостно звякнул, приветствуя посетителя.

— Не думал, что ты вернёшься, — сказал Юрген, улыбаясь и снимая очки. — Последний раз мы виделись месяц назад, и мне показалось, что ты обиделась на меня.

Мила подошла и присела за шахматный столик.

— Дядя, прости меня, — на её лице были раскаяние и испуг. — Я знаю, я виновата, но всё же, мне нужна твоя помощь…

— Помощь нужна не тебе, дорогая моя племянница, — покачал головой часовщик. — Помощь нужна Путнику. И помощь нужна нашему миру, в который нелёгкая занесла твоего нового друга. Ты успела поговорить с ним?

— Да, — кивнула Мила, потупив взор. — Хотя очень мало, он не успел мне рассказать обо всём своём пути. Когда я призвала его при помощи гитары Молоткова, и я видела его призрак, мне показалось, что ему не удалось прийти в наш мир, и я постаралась забыть о своей попытке. А потом я случайно обнаружила его, оказалось, что он живёт в одном доме со мной. Сейчас… он спит в моей квартире уже вторые сутки, я боюсь, как бы он не умер во время своих странствий. Я пыталась уснуть и отыскать его в ближайших мирах, но, видимо, его сущность улетела слишком далеко.

Открылась дверь, и вошёл Ромул с большим продуктовым пакетом.

— Мими, как я рад тебя видеть! — обрадовался охранник, увидев девушку. — Мы тебя заждались.

— Здравствуй, — слабо улыбнулась Мила. — После прошлого скандала я не хотела приходить.

— Хотите поговорить наедине? — догадался Ромул.

— Ты же знаешь, мой друг, я не держу от тебя секретов, — сказал Юрген. — Но не думаю, что тебе будет интересна наша беседа. Что-то важное, если потребуется, я расскажу тебе потом.

Охранник кивнул, и молча ушёл в жилую часть мастерской.

— Он мне как сын, — сказал, близоруко улыбаясь, часовщик. — Ты же знаешь, как я привёл его…

— Знаю, — немного резко оборвала его Мила, но тут же поменяла тон. — А мне он как брат. Это же наши с тобой общие

воспоминания. Лучше расскажи, что ты знаешь о Нике.

Юрген неспешно поднялся, подошёл к умывальнику в закутке и наполнил новенький электрочайник.

— Я тоже видел его. Он обрёл своё новое тело в Основинском парке, буквально за углом. И первым делом решил прийти к нам в мастерскую. Не то почуял родственную душу, не то механик из Курятника объяснил ему путь до меня. Но поговорить нам так и не дали. Корпорация, похоже, тоже была готова к его приходу.

Мила отрешённым взглядом глядела через открытые жалюзи в окно.

— В прошлый раз ты говорил, что мне не стоит лезть в это дело. И что Путник, если его не тревожить, пройдёт мимо нашего мира стороной. Но ты знаешь, дядя, мне надоело ждать. Мне очень хотелось найти своего избранника. Такого же странного, как я. И мне было плевать, чем его приход в наш мир может обернуться для нас всех, — в её голосе послышались слёзы. — Мне было плевать, что ради встречи с ним мне пришлось лечь под сына твоего бывшего врага. Мне надоели неотёсанные слепцы, которые даже не видят снов. Я не смогла полюбить ни одного из них. А Ник… он такой же, как мы с тобой, дядя. Я не хочу, чтобы он умер.

— Он не такой же, как мы, — немного твёрже обычного сказал Юрген, вернувшись за столик. — Его вредоносная сущность ещё не обезврежена. Но он даже лучше меня — ведь когда я пришёл в этот мир, я не только умел, но и хотел его разрушить. И всё спланировал. А он осознает свою вину и хочет изменить себя к лучшему. Мне тоже нравится этот парень, Мила, и я тоже хочу ему помочь. Более того, я немного солгал, когда сказал, что Путники вроде него могут пройти мимо нашего мира стороной. Его создатели направили своё детище именно сюда, Путник уже давно ходит по окрестным малым мирам, и наш мир был одной из целей его создателей. Рано или поздно он бы нашёл лазейку, чтобы материализоваться в нашем мире. Я всё равно был готов искать его, чтобы спасти его от самого себя, и спасти мир. Хотя бы помочь советом.

— Так ты скрывал?! — воскликнула племянница.

— Мила, родная моя, — Юрген по-отцовски погладил девушку по плечу. — Со временем, если бы всё получилось, я бы тебе сказал. Просто представь, как бы ты была разочарована, если узнала о провале.

Мила успокоилась и кивнула. Дядя был прав.

— Кришнаиты бунтуют, — как бы невзначай проговорила она.

— Я в прошлый раз уже сказал всё, что я думаю о своей

бывшей супруге и о том твоём поступке, — спокойно, но в то же время укоризненно сказал часовщик. — Не надо было ходить к ней за советом. Если кто может навредить в этой ситуации, так это только она. Благодаря её усилиям заражены уже сотни маленьких окрестных миров.

— А что Авторы мироздания? Они ничего не говорят про свои планы?

— Ничего не говорят, — пожал плечами Юрген. — Их снова не видно и не слышно. Не то сами не знают, что делать с нашим гостем, как в случае со мной, не то уже изучают его и строят свои планы. Через Корпорацию, или кого другого. Но не надо думать, что они всесильны. Путники вроде Ника или меня — всегда загадка и для них, по крайней мере поначалу. Да, это они придумали тот ритуал, что помог спасти мир семнадцать лет назад. Но применили его чуть ли не в последний момент, когда я уже подготовил нашествие полчищ насекомых из созданного мной мира. К тому же, мои музыкальные вкусы и вкусы Ника… Говоришь, гитара Молоткова хранилась у его сына безо всякой охраны?

— Да, — кивнула, поморщившись, Мила. Ей не нравились эти воспоминания. — Чёрт, если бы я знала, я бы забрала её. Так что ты планировал сделать с Путником?

Чайник вскипел. Старик поднялся, заварил чай — зелёный, настоящий и дорогой, — и вернулся за столик со стеклянным графином и двумя стаканами.

— Я хотел увезти его подальше от столицы, на северо-восток, — сказал Юрген, разливая светло-зелёный напиток по стаканам. — Знаешь же, за Туринским проливом есть большой остров, где всего три посёлка, десять тысяч жителей. Там почти нет Корпорации, и Ник мог бы почувствовать себя в безопасности. Там живёт мой друг Карим, мы хотели вместе с ним тайком перевезти Ника. Сначала до Ирбита на машине моих друзей-таксистов, а оттуда на дирижабле. Если бы Ник научился там жить по-людски, в тихой общине, отрезанной от большой земли, он бы мог переродиться. Переродиться и применять свои способности во благо — например, научился бы создавать новые миры во сне.

Девушка кивнула и отпила горячего светлого чая.

— Но разве смог бы жить в отрыве от цивилизации? Ему не хватает общения, не хватает близких и любящих его людей.

— Мы смогли бы навещать его, — возразил Юрген. — Я хотел стать для него учителем, поделился знаниями, и научить жить. Просто в нашем мире нет более тихого места, чем тот остров. Но, к сожалению, его увезли в Корпорацию. И настойчиво попросили

не вмешиваться. Всё, что я знаю о его дальнейшей судьбе, мне рассказал Толстый из Курятника. А какой стиль общения у этого приятеля, ты знаешь.

Мила на миг погрустнела, потом раздражённо махнула рукой.

— Сейчас поздно говорить о том, что стоило делать. Лучше скажи, как нам разбудить Ника сейчас? И что делать потом?

Юрген махнул рукой.

— Не беспокойся, Мила. Он может впадать в анабиоз на несколько дней, с его телом ничего страшного не случится. Гораздо хуже будет, если Ник проснётся раньше времени. Когда его будили в прошлый раз, он уничтожил мир Бункера. Просто будь рядом с ним. И пусть он побольше спит — чем меньше он видит нашу реальность, тем меньше он её ломает. С ним сейчас кто-нибудь есть?

— Перед тем, как приехать к тебе, я сказала соседям, что если мой парень проснётся и постучит в дверь, они откроют и накормят его.

Старый часовщик удовлетворённо кивнул.

— Им, я надеюсь, можно доверять?

Мила немного замялась, а потом спросила:

— Я не пойму, можно ли доверять тебе, дядя. Ты обманул меня тогда про Путника. Такое чувство, что ты что-то скрываешь от меня и сейчас.

Юрген на миг недовольно нахмурился, но потом снова привычно подобрел и задумался.

— Что я мог забыть… Ко мне приходил генерал Кадочников из Корпорации. Он сказал мне то, о чём я и так знал — что Путник жив, что его решили не уничтожать физически. Да! Ещё он сказал, что гитару Молоткова они оставили себе.

Девушка сокрушённо покачала головой, массируя виски.

— Вдруг гитара понадобится для спасения Путника? Вдруг он не сможет успокоиться? Зря, зря я так быстро сбежала тогда от этого Константина.

— Я думал над этим, Мила. Не вини себя, может, оно и к лучшему. Мне бы не хотелось, чтобы с Ником сделали то же самое, что и со мной. Подождём несколько недель — может, ты сумеешь помочь ему стать человеком и без подобных мер.

— А если не получится, если у меня не хватит сил? — робко спросила Мила.

— Если не получится… — Юрген задумался, глядя в окно, — Нам придётся искать гитару и того, кто сможет на ней сыграть. Но придётся это делать тебе одной — мне было запрещено вступать в какие бы то ни было контакты с Ником.

(Путник)

После слов Путника возникла пауза. Отдалённый раскат грома заставил Молоткова прервать молчание.

— Я был бы очень рад помочь тебе, Путник. И мне очень не хочется, чтобы ты разрушил мир, ставший для меня родным, как тогда это чуть не сделал твой предшественник. Но Авторы мироздания говорили мне, каждый такой разрушитель уникален. Если прошлого удалось успокоить с помощью игры на гитаре, то с тобой это может не пройти.

— Но можно хотя бы попробовать!

— Моя гитара осталась у сына. В том мире. Где она теперь, где мой сын, я не знаю.

Путник отвернулся и задумался. С неба начал накрапывать дождь — капли были большие и редкие, запахло пылью. Они отошли под навес ближайшего магазина.

— А твой сын умеет играть на гитаре? — спросил Ник.

— Я учил его. Но если действительно прошло семнадцать лет, как ты говоришь…

— Как мне найти его?

Максим пожал плечами.

— Я не знаю, где сейчас он может жить. Разве что в Урнете поискать, по никнэйму «Молот Конст» — если он его не сменил. Или спросить у Дмитрия Хэви, который живёт на Вторчермете, если они, конечно, поддерживают связь. Чёрт возьми, семнадцать лет!..

— Господа! — послышался голос Максимильяна. Муравьед шаркающей походкой приближался к ним со стороны площади, держа в руках автомат. — Максим, ты забыл своё оружие.

Увидев автомат в руках антропоморфа, Ник снова побежал. Даже не из-за внезапного страха, а инстинктивно, словно вспомнив какой-то похожий жизненный эпизод, случившийся когда-то давно.

— Никита, стойте, куда же ты! — послышался голос муравьеда. — Скажи мне, перед тем как уйти, где я мог видеть тебя раньше?

Ник на миг остановился, но тут же продолжил путь, решив не отвечать и не оборачиваться.

Спустя полчаса (он прикинул в уме и ужаснулся — восемь с лишним часов в его родном мире!), Путник, усталый и промокший, дошёл до второй площади. По её бокам стояли величественные здания с длинными наклонными козырьками, а посередине возвышалась ещё одна пирамида — высокая, гораздо выше той, центральной. За пирамидой был обрыв, огороженный

чугунным парапетом, за которым где-то очень далеко, в дымке облаков виднелся величественный горный хребет.

Не то из-за любопытства, не то повинуясь интуиции, Ник начал долгий подъём по скользким ступеням на вершину пирамиды, чтобы посмотреть на этот странный мир с высоты в сотню метров. Дождь тем временем из моросящего превратился в настоящий тропический ливень. Молнии били в шпили соседних зданий, пронизывающий ветер был готов сбить с ног, но когда Ник поднялся, его страх исчез, сменившись восторгом от увиденного.

Город оказался стоящим на круглом плато, возвышающимся над морем или озером идеально круглой формы. Волны бились о наклонные скалы в нескольких сотнях метрах ниже. Широкая насыпная дорога с десятком навесных мостов, ровной чертой шедшая от города в сторону гор, разделяла водную гладь на две части. Над морем Путник увидел просвет в облаках с широкими косыми лучами, а чуть в стороне от него — длинную радугу, спускавшуюся с небес. Чувство безграничной красоты, мощи и величия переполняли душу Путника, ладони рук снова засветились бледно-синим светом. Он замер, забыв о времени и отдавшись эмоциям.

Спустя пару минут Ник вышел из оцепенения и подошёл к краю. Крутая лестница, проходящая по противоположной грани пирамиды, не прерывалась и уходила дальше уровня города. Путник не смог разглядеть, но судя по всему, ступени спускались прямо к морю, к морской дороге. Ник вздрогнул, разглядев старые красные пятна десятком ступеней ниже, которые не мог смыть даже ливень.

— Я вспомнил, где я видел тебя, — послышался голос сзади. — Ты Сэм. Ты был мартышкой. Ты заодно со хеффелампами и другими вирусными сущностями. Это ты пришёл в наш мир, чтобы разрушить его.

Путник обернулся. Дуло автомата в руках антропоморфа было направлено в его лицо.

— Не стреляй! — послышался крик Молоткова, но он не успел.

Не дожидаясь выстрела, Ник повернулся и прыгнул вперёд, в сторону моря.

В следующий миг Путников стало два. Ник разделился, но не на пресловутую душу и тело: его сознание распалось на две одинаковые части, находящиеся в разных мирах.

Того Ника, что спрыгнул с пирамиды вниз и десятком метров ниже упал на ступени, подхватило огромное крылатое существо с руками человека. С первого взгляда его можно было принять за

ангела, но алые крылья, птичьи лапы и клюв на человеческом лице выдавали его принадлежность совсем к другим силам.

От накатившей боли Ник не успел подробнее разглядеть своего спасителя, лишь вспомнил название, сказанное Максимом — гаруда. Мифическое существо молча несло его израненное тело над морем в неизвестные земли, вдаль от города Восковых Обитателей.

Время замедлилось, взмахи крыльев гаруды стали неторопливыми, капли дождя вокруг падали словно в замедленной съёмке. Органы чувств всё ещё работали, но вторая часть сознания была уже совсем в другом мире.

Ник сквозь приоткрытые, заспанные веки увидел потрескавшийся потолок и почувствовал свои затёкшие, сведённые лёгкой судорогой конечности двадцатилетнего юноши. Где-то рядом, вероятно, за стенкой, играла тихая музыка, а воздух доносил запахи чего-то вкусного и дразнящего.

Путник вернулся домой, в Верх-Исетск, в квартиру Милы. Но вернулся не весь.

III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (а)

(Абориген)

Константин шёл лесными опушками вдоль трасс, перебегал поля, подстраивался к группам фермеров, идущих в город. Патрули не встречались, лишь один раз мимо него проехала колонна из десятка танков и двадцати фургонов с пехотинцами — вероятно, про местонахождение второй армии тоже стало известно.

Музыка в плеере продолжала играть. Джаз-метал сменился лёгким позитивным фьюжном, и Константин понемногу успокоился. Чем дальше он отходил от места сражения, тем привычнее и естественней становился лесной пейзаж — похоже, аномалии проявлялись не везде, а лишь в особых точках, или рядом со скоплениями людей.

На подходе к городу Константин смекнул, что в серой мантии индуиста на глаза патрулю Корпорации лучше не появляться. Сбросил мантию в кусты и пошёл с голым торсом, в одних брюках — благо, солнце к обеду прогрело воздух до пятнадцати «цельсиев». От голода с самого утра уже сводило желудок, но он терпел, гораздо важнее было поскорее добраться до Дмитрия Хэви. Один раз остановился и наскоро перекусил сочными молодыми побегами черемши, медуницы и хвоща.

Он миновал неспокойный район бывшего аэропорта Кольцова и добрался до Уктусских гор. Для того, чтобы попасть на Вторчермет, ему предстояло ещё три часа обходить горный массив через фермерские сады, принадлежащие Корпорации. Константин устал, и решил не рисковать.

За старым Нижнеисетским кладбищем стояло придорожное кафе. Его так и хотелось обозвать «трактиром» или даже «харчевней», но старая вывеска «Кафе Дантес» заставляло поверить в приличность этого заведения, и Константин зашёл.

В кафе было пусто, лишь ленивый качок-вышибала тихо читал что-то за одним из столиков, не обратив на Константина никакого внимания. На витрине Константин, усмехнувшись, заметил даже два синих вибратора и кружевное нижнее бельё — вещи очень редкие и, несомненно, дорогие. Впрочем, не удивительно — как и в большинстве других подобных кафешек, здесь можно было не только перекусить, но и обменяться. Сюда приносили всевозможные товары из окрестных мастерских и ненужные вещи с упавших «японских» контейнеров.

А вот подошедшая продавщица оказалась удивительной. Это была маленького роста худая готка лет шестидесяти, с пирсингом и в чёрной помаде. Константин никогда прежде не встречал почтенных горожанок первого поколения, торгующих в придорожном кафе. Да ещё и готок — эта субкультура в последнее десятилетия встречалась редко и находилась в упадке, в отличие от родственных киберготов.

— Здравствуйте, — уважительно обратился он, вытащив наушники из ушей.

— Мементо мори, — отозвалась продавщица.

Голос был звонким, как у молодой, и даже весёлым, несмотря на мрачный смысл привычного для готов приветствия — «помни о смерти». Взгляд пожилой готки с интересом прошёлся по голому торсу Константина, затем вернулся к лицу.

— Помним, а как же, — усмехнулся Константин. — У вас есть перекусить?

— У тёти Даши есть всё! — гордо отозвалась готка. — Ты кто такой?

— Я трэш-металлист. Константин. С юго-запада.

— А чего коротко стриженый? Беглый? — догадалась тётя Даша. — На халяву хочешь поесть?

— Почему сразу беглый! И не на халяву, у меня есть плеер, — Константин с лёгкой грустью выключил аппарат и положил на прилавок.

Готка осмотрела аппарат:

— Ого, неплохо. Достаточно новый. И откуда достал, раз беглый?

— Отобрал у индуиста, — Константин ответил полуправдой. — Там ещё коллекция неплохая, так что стоимость удвоится.

— У индуиста? Не верю.

— Можете не верить, но это так, — нахмурился Константин. — Пары групп я раньше никогда не слышал.

— Получается, хочешь поесть с доплатой?

Константин немного неуверенно кивнул, потом рискнул спросить:

— А есть паспорта?

Тётя Даша пристально глядела на него. Наконец проговорила:

— Ты смел. Смел и красив, юноша. Не боишься, что сдам кому следует?

— Поверьте, тётя Даша, мне есть чего бояться пострашнее Корпорации. И нам всем, чёрт побери, есть чего бояться.

Готка погрустнела и задумалась.

— Ты про ханурикoв этих, про индуистов? Они в лесу, на них

сейчас облава идёт, весь день отряды мимо нас ездили.

— Нет. Нам всем стоит бояться одного двадцатилетнего сопляка, пришедшего из других миров.

— Фиг с тобой, я смотрю, у тебя уже совсем крыша едет, — готка сочувственно посмотрела на него и крикнула на кухню: — Оля, ухи налей двойную порцию, и котлету!

Плеер был водружён на витрину, между стопки с самодельными школьными тетрадями из серой, грубой бумаги, и затейливой старой вазочкой. Готка порылась в тумбочке и достала десяток карточек с карандашными пометками на уголках. Задумчиво отобрала две, остальные убрала.

— На паспорта приличных людей твой плеер, конечно, не тянет. Выбирай, кем будешь — Денисом Тарасенко, тридцати семи лет, ранее судимым за мошенничество, или Романом Ковалёвым, двадцати семи лет, бывшим наймитом, сейчас сбежавшим с женой на север?

Выбор был невелик.

— Лучше наймитом, вдруг, понадобиться пойти во Внутренний, — пораздумав, решил Константин.

Он принял карточку из рук готки, и, впервые в жизни почувствовал себя счастливым от того, что снова является гражданином Империи.

* * *

— Ты знаешь, ты молодец, — сказал Дмитрий Хэви. — Просто герой — первый раз живьём вижу человека, сбежавшего из зомби-отрядов. И поступил с индуистами правильно. Нечего тусоваться с этими фанатиками. А мы уж думали тебя искать, после того, как Олега выпустили, и он рассказал всю историю.

Константин не был в гостях у друга почти год, и за это время квартира, да и вся община в целом, сильно изменились. И без того редкие плакаты классиков металла на стенах сменились на ещё более раритетные — «Мановар», «Чёрный Кофе» и «Кинг Даймонд». Денис Дмитриевич подрос, носил чёрную бандану и играл уже не деревянными кубиками, а рожком от автомата Калашникова и пустыми гильзами. К лазерной системе на крыше первой семнадцатиэтажки добавилась ещё одна, на крыше третьего здания коммуны. Новая пушка прикрывала старый парк, совсем недавно переданный по решению императорского суда общине и обнесённый забором. Не зря коммуна считалась одной из самых процветающих в южной части Внешнего города и одним из настоящих оплотов металлической культуры.

В большой комнате для совещания негромко играл «Дип Пёрпл». Жена Дмитрия, Юля, тихо принесла жареной свинины с овощами и пять бутылок пива — нижнетагильского, из частной пивоварни, и ушла, чтобы не мешать. Константин впервые за последние недели почувствовал себя как дома.

Помимо Константина, в комнате собралось ещё четыре человека. Дмитрий Хэви, и его отец — пожилой председатель общины, дядя Миша, расположились на старинном диване. Рядом с Константином сидели рыжий Олег и Алекс «Спонсор» — странно похудевший в последние месяцы, но, как и прежде, с аристократично-гордым выражением лица.

— Дело не в фанатизме, Хэви, — задумчиво сказал Константин. — Это не просто фанатики. Они владеют знаниями о строении мира. Они умеют посещать другие миры. И я жалею, что оставил умирать ту даму — но иначе бы не спасся сам.

— То есть ты говоришь, что ты лично видел эти миры? — спросил Алекс «Спонсор».

Константин кивнул.

— Я помню призрак того юноши, — сказал Алекс. — Когда мы пришли пить коньяк у тебя. Лиза что-то долго болтала про сеанс спиритизма. А я уж подумал, что это от алкоголя. Вот ведь дура…

— Фиг с ней, — нахмурился Константин. — Я знал с самого начала, что ей на меня наплевать, и никак не мог понять, что она во мне нашла, и что ей надо. Вопрос в другом — что делать?

Дмитрий Хэви скрестил на груди руки, вопросительно замолчав.

— Я бы предложил тебе не париться, Конст, — сказал Алекс. — Какое тебе дело до этого Путника?

— Какое дело? — усмехнулся Константин. — Ты не видел армий этих тварей. Ты не видел, что творится в лесу. Скоро наступит конец света, наш грёбаный мир развалится на куски из-за действий индуистов и этого демона, а вы просто собираетесь сидеть и смотреть на это?

— Я видел деревья, — подтвердил Олег. — И видел здорового мохнатого слона в лесу. Оно уже лезет сюда, это как раковая опухоль для нашей реальности.

Все замолчали, не зная, что сказать.

— Не верю в это всё! — шепеляво проговорил наконец дядя Миша. — Наш грёбаный мир не может развалиться на куски из-за какого-то попсовика. Разве что из-за японцев.

— Наш мир — фальшифка, — твёрдо парировал Константин. — И Японии никакой нет, а мы — копия с небольшого региона Земли. Таких миров много. Нашим миром и его окрестностями

правят какие-то Авторы реальности. Наала говорила, что они живут рядом, буквально по-соседству — в Уктусских горах.

Олег, сидевший ближе всех к окну, поднялся и задумчиво посмотрел на поросшие лесом холмы за окном.

— Второй день стреляют, — пояснил Дмитрий Хэви Олегу. — Говорят, захватили Иннопромскую базу. У них там действительно армия в лесу. Детишек не подпускаем к окнам на верхних этажах — мало ли что.

— Но мне кажется, индуисты неправы, когда считают, что на Уктусе кто-то есть, — продолжил Константин. — Этим творцам незачем жить во Внешнем городе, здесь небезопасно. Они либо в Твердыне Корпорации, либо где-то на дальнем севере, либо вообще, в параллельных мирах.

— Всё это ерунда. И вообще, Вторчермет — не район индуистов, им нечего здесь делать, — отрезал дядя Миша и стал звать внука. — Дениска, Деня, беги сюды!

«Да, похоже, у старика начался лёгкий маразм», — подумалось молоту. Мальчик меж тем прибежал из соседней комнаты, услышал «Дип Пёрпл», доносившийся из музыкального центра, сделал погромче и стал изображать гитариста. Константин усмехнулся — картина была потешная, хотя двигался парень неплохо. Эх, научить бы его… Но сначала надо найти гитару.

— Кончай кривляться, скажи, Дениска, как называется наш район? — спросил дед.

— Втолчелмет, — прокартавил Денис.

— А как расшифровывается?

— «Втолая волна чёлного металла!» — отчеканил мальчик, а дядя Миша довольно кивнул. Ребята заржали над старой шуткой.

— Не чёрного, а блэк-металла, — нахмурившись, поправил сына Дмитрий. — А вообще, тут завод раньше такой был, по вторичной обработке чёрного металла. Оттуда и название. Ты, батя, его к ерунде не приучай, глядишь, и родную историю забудет! Лучше, ребята, давайте подумаем, что делать.

— Фигня всё это, — Алекс «Спонсор» махнул рукой и вернул разговор к изначальной теме. — Дядя Миша прав про ерунду, Хэви. Мало ли бывает паранормальных вещей. И пусть что-то странное происходит. В любом случае, Корпорация умнее нас. Она наверняка уже всё знает, и у неё есть свой план действий.

Константин оглядел собравшихся и сказал:

— Есть одно но. Я уже сказал, что в ту ночь играл на гитаре. Алекс видел мою гитару, хотя обычно я её прячу. Дело в том, что по слухам, Путника можно вызвать и обезвредить только при помощи этой гитары. Она находится у Корпорации.

— Всего у нас в стране, по прикидкам, около десятка гитаристов, — сказал Дмитрий Хэви. — Купидонов, конечно, электрогитары и их обладателей нещадно жёг, но какие-то могут остаться и работать на Корпорацию. Так что они могут справиться и сами.

— Я общался в тюряге с одним генералом, он сказал, что я ещё могу им понадобиться, — сказал Константин. — Наверное, он имел в виду именно мою гитару. Но мы не можем ждать, и я до сих пор не доверяю шавкам.

— Что ты предлагаешь?

— Надо найти, где этот Путник. И убить его. Я уверен — он причина всех бед, если убить его, аномалии пропадут, и мы спасём город от нашествия.

— Хе, — усмехнулся Дмитрий Хэви. — «Я тебя породил, я тебя и убью»?

— Именно, — нахмурился Молот. — Я должен отвечать за своих проступки. Хоть мне это и не нравится.

Дмитрий кивнул.

— Я поговорю с одним моим старым приятелем. Он точно найдёт этого парня.

(Путник)

Квартира оказалась пустой. Это немного огорчало, но Ник решил не беспокоиться — он был уверен, что Мила не оставит его, и её отсутствию есть веские причины. Гораздо больше отсутствия Милы расстраивали собственные сонливость и рассеянность. Стоило Нику закрыть глаза, как его сознание переключалось во второе тело, он открывал свою вторую пару глаз и видел себя медленно летящим над волнами в руках гигантской человекоподобной птицы. В такие моменты у него начинала сильно болеть голова — это были ощущения его второго израненного тела, и поэтому он стал стараться не моргать.

Комната была обставлена весьма аскетично, если не сказать бедно: диван, кресло, письменный столик, старый шкаф. Внимание привлекали разве что настенные часы — огромные, очень дорогие и почти бесшумные. Стрелки на часах показывали десять часов двадцать минут.

За перегородкой оказалась крохотная кухня, а сбоку — столь же крохотный санузел с душевой. На кухонном столе, рядом со стеклянными тарелками, стоял открытый ноутбук — выключенный, с треснутым сбоку корпусом. На столе рядом с ноутбуком лежала записка «Я уехала к дяде, вернусь через пару часов, зайди к соседям». Нику стало спокойнее, он оделся и зашёл

к соседям, у которых играла музыка.

За столиком сидели три мужчины и одна девушка, они смеялись и играли в карты. Увидев Ника, они на миг замолчали, затем один из играющих, полноватый парень в очках лет тридцати, спросил:

— Никита?

Ник кивнул. Соседи Милы выглядели дружелюбно.

— Егор, — представился тот же парень. — Присоединяйся, мы в драконов играем.

Остальные двое не представились, молча пожали руки. Ник подошёл и посмотрел на карты. Вместо тузов и королей на старых, потёртых картонках были изображены драконы и мифические существа. В другое время он, может быть, и поиграл бы, но только не сейчас.

— Интересно, но мне бы поесть, — сказал Ник. — Есть что перекусить?

— Женя, у нас что-то осталось? — спросил девушку второй мужчина, постарше, лысый и небритый.

Девушка — блондинка в узких очках, невысокого роста — кивнула, поднялась и стала рыться в холодильнике. Достала бутылку кефира, банку рисовой каши и кусок колбасы. Попутно переключила музыку на плеере с подключёнными к нему колонками — заиграло что-то лёгкое и незамысловатое, похожее на народное.

Путник ел молча, подглядывая за играющими. Они говорили о каких-то заклинаниях и артефактах, связанных с игрой, и Ник ничего из этого не понял. Потом Женя сказала:

— Слышали, в окрестных лесах творятся какие-то странности?

— Ты про мамонта из зоопарка? — спросил Егор.

— Его же японцы прислали, — сказал третий парень — молодой, но волосатый и бородатый. — Генная инженерия, все дела.

Ник вздрогнул, вспомнив про подопечного мамонта Илью. Забавно, что его считают японским. То, что никакой Японии в этом мире нет, Путник уже начал догадываться.

— Сейчас какой день недели? — спросил он.

— Понедельник! — с удивлением хором ответили игроки.

— Первое марта, — добавила Женя.

— Получается, почти трое суток… — проговорил Ник.

— Вообще, странное творится, — подтвердил Егор. — Вы помните, чтобы когда-нибудь было так тепло в первый день весны?

Путник пожал плечами и подошёл к окну. Солнце отражалось

в стёклах башни Корпорации, возвышавшейся за центральной мусорной свалкой. Неоновая надпись «Корпорация Любит Нас» над руинами бетонных зданий и грудами мусора выглядела даже в чём-то забавно.

— Какой-то ты мутный, — сказал Егор полусонному Путнику. — Ты где работаешь?

— В зоопарке. В вольере с тем мамонтом.

На лице Егора отразилось изумление.

— Погоди, так это ты — тот самый, который укротил зверюгу?!

Музыка в музыкальном центре сменилась на что-то более тяжёлое и жужжащее. Ник настороженно прислушался.

— Что это? — удивлённо спросил он.

— Группа «Небесный Ландшафт», — пояснила Женя. — Редкая, уральская. Начало двухтысячных годов.

Путник закрыл глаза. Музыка продолжала звучать, став более мелодичной, но Ник снова увидел себя летящим в лапах гаруды. Под ними проносились острые пики и снежные долины незнакомой горной страны. Он почувствовал своё второе тело и обнаружил, что переломанные ноги срастаются, ими можно шевелить, а ссадины и ушибы на лице заживают. Гаруда что-то тихо медленно шептала на незнакомом наречии, у неё был низкий грудной контральто. Невидимые нити музыки откуда-то извне словно окутывали его, погружали сознание в мистический транс и излечивали от болезней. Но он пересилил себя.

Ник открыл глаза, качнулся, посмотрел на свои ладони. Они начинали светиться бледно-жёлтым цветом. Он спрятал руки в карманы и попрощался:

— Спасибо за угощение. Я не против, чтобы остаться, но мне пора на работу.

Его не стали задерживать.

III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (б)

* * *

Галактионов устроил Путнику выговор за опоздание. Не то, чтобы строгий — в нём Ник услышал скорее нотки какого-то родительского волнения и укора, нежели гнев начальника. Оказывается, сменщик в выходные не смог справиться с мамонтом — Илья отказывался слушаться и протестовал, когда кто-то, кроме Ника, заходил в вольеру. Анастас был отправлен искать Ника в квартирах, но так и не нашли его, и подумали, что его арестовали вместе со Станиславом.

О судьбе последнего так ничего и не было известно, хотя директор наводил справки. Видимо, напарника Ника отправили далеко — возможно, на самый север, на последнее нефтяное месторождение. Оттуда ещё никому не удавалось сбежать. Ник приуныл, вспомнив задержание друга. Казалось, это было так давно — из-за путешествий по другим мирам искажалось чувство времени.

Путник решил не терять время даром, и сразу направился к слоновнику. Илья встретил своего кипера восторженным трубным рёвом, затем осторожно подошёл и прислонился к нему мохнатой головой. Следующие два часа Ник убирал вольер, сходил на кормокухню, мыл своего питомца из шланга. Простой физический труд был, с одной стороны, прост и незамысловат, с другой стороны он позволил на время выйти из забвения и почувствовать себя нужным.

За пару часов до вечера Ник сделал перерыв, хотя чувствовал, что может и продолжать работу. Вопреки здравому смыслу, он не устал, а наоборот, даже чувствовал себя более бодрым. Прислонившись к изгороди, он закрыл глаза и вдруг с удивлением увидел нормальную привычную черноту. На какой-то миг это напугало его, но потом он понял, в чём дело — просто его вторая половина сознания на время уснула вместе с телом, которое нёс огромный крылатый исполин. Ник прикинул — даже если сон там будет продолжаться всего полчаса, здесь он сможет нормально бодрствовать до самой ночи.

К изгороди с наружной стороны подошёл Анастас. Старый мулат был пьян — для Ника это был первый раз, когда он увидел пьяного человека в этом мире.

— Ты!.. — сказал он. — Из-за тебя.

— Дядя Анастас, я не знаю, за что взяли Станислава! — воскликнул Ник. — Мы просто пошли с ним гулять по городу, и тут…

Лицо Крутакова исказила гримаса гнева. Он замахнулся, пытаясь ударить Ника через прутья ограды. Путник отбежал в сторону. Неровной походкой Анастас пошёл к калитке вольеры, намереваясь зайти внутрь, но мамонт подошёл и заслонил своего хозяина, грозно махнув бивнями.

Анастас испуганно отшатнулся от калитки.

— Что-то странное творится! — задумчиво пробормотал Анастас. — Наверное, из-за тебя. Уходи… Я не знаю, почему я тогда помог тебе.

Нику горько было слышать эти слова от человека, которого он считал другом, но он всё же спросил:

— Вам тогда подсказал кто-то?

— Возможно. Корпорация… говорят, они могут управлять мозгом…

«Да какая, к чёрту, Корпорация», — горько усмехнулся про себя Ник. Если кто и направлял его случайных знакомых, так это рыбы покрупнее Корпорации — это он уже понимал.

— Стаська был мне как сын, — неожиданно трезвым голосом сказал Анастас и поплёлся куда-то от вольеры.

Вернулось чувство вины за то, что он разрушает чьи-то судьбы. Словно почуяв тревогу товарища, Илья положил на плечо Ника свою гибкую «руку». Путник обернулся. Мамонт ловко подхватил хоботом метлу, лежавшую у забора, и стал водить черенком на песке.

«Ты не прав», — прочитал Ник.

* * *

— Это ты?! — воскликнул Ник. — Механик из курятника?

Мамонт бросил на пол метлу и медленно кивнул мохнатой головой.

— Значит, ты тоже можешь переселяться в другое тело?

Илья снова кивнул. Ник спросил:

— Но зачем ты здесь?

Мамонт стоял неподвижно, легонько покачиваясь из стороны в сторону. Потом вытянул хобот и прорубил, показывая куда-то в сторону административных зданий.

Ник услышал какой-то одновременно странный и какой-то удивительно знакомый механический звук — похожий на звук

электромобиля, только громче и грубее. Затем из-за угла административного корпуса медленно выехала колонна из трёх машин, покрашенных в красно-синюю полоску. Ник уже видел эти цвета (хотя гораздо привычнее здесь был сине-зелёный флаг Корпорации) и уже смутно догадался, кто посетил зоопарк. От машин пахло чем-то резким, и Путник с удивлением узнал в них бензиновые автомобили, даже вспомнил марку — «Тойота». Ник думал, что нефть из единственного месторождения на крайнем севере уже давно не использовалась для производства бензина — но императорский кортеж, очевидно, был исключением.

Машины остановились напротив слоновника, следом за ними со стороны административного корпуса прибежал запыхавшийся Галактионов. Илья затрубил и отошёл вглубь вольера. Редкие посетители почтительно отступили в сторону. Из первой и третьей машины выбежали шесть рослых парней в красных кителях, окружили кортеж и встали по стойке смирно.

Из средней машины вышел статный мужчина лет пятидесяти. Налысо бритая голова, пижонский красный сюртук и тонкие элегантные очки выдавали в нём аристократа. Незнакомец некоторое время разглядывал гиганта за спиной Путника, улыбаясь, затем подошёл к изгороди и спросил:

— Никита?

Ник кивнул. Незнакомец протянул сквозь прутья руку:

— Савелий.

— Давыденко? — догадался Путник.

Император засмеялся, но рукопожатием всё же обменялся. Сказал с улыбкой:

— Редко встречаю такую непосредственность!

Путнику стало немного стыдно за свои слова, и он вежливо поклонился.

— Извините, Ваше Величество.

— Бросьте, — поморщился император. — Мы не в средневековье, оставьте все эти церемонности. Лучше скажите, как вам удалось совладать с этим гигантом?

— Сам удивляюсь, — Ник обернулся и посмотрел на мамонта. — Наверное, он почуял во мне родственную душу. Я до сих пор не знаю, откуда его привезли, вы не в курсе?

— Из юго-западного лесопарка, — улыбнулся император. — Подарок войск Корпорации.

Галактионов, боязливо стоявший в стороне, похоже, был поражён такой наглостью Ника. Наконец граф рискнул подойти и присоединиться к разговору.

— Никита наш новый сотрудник, Савелий Аркадьевич. С очень непростой судьбой. Поэтому немного наглый.

— Ну, у вас тут все с непростой судьбой, — вздохнул император. — А что делать, сейчас всем нелегко.

Ник вздрогнул от фразы, которая показалась ему знакомой. Он не сразу вспомнил, где мог слышать её, но потом его словно пробило током.

Бигль, мангуст из страны Антропоморфов. Но как, как они могли быть знакомы?!

— А о Никите твоём я и без тебя, Владимир Леонидович, наслышан, — обратился Савелий к директору. — Славный малый, только с сомнительным прошлым.

Император подмигнул.

— Что вы имеете в виду?! — едва не крикнул Ник.

— Ну… у вас же были определённые проблемы с Корпорацией, не так ли, Никита?

Путник кивнул. Галактионов нахмурился, видимо побоявшись прилюдных разговоров.

— Обращайтесь, Ник, если возникнут какие-то проблемы, — император лукаво подмигнул. — Я на вашей стороне.

— Савелий Аркадьевич, — осторожно спросил Галактионов. — У нас тут в вольере хищников крыша течёт…

— Все хозяйственные вопросы обсудим чуть позже, — твёрдо сказал император. — А вы, Ник, не стесняйтесь. Заходите.

Император с охраной сел по машинам, и колонна, развернувшись, поехала обратно.

— Ты чего так резко с ним! — испуганно, в полголоса проговорил Галактионов. — И почему он так?! Он даже меня к себе в резиденцию не приглашает!

Ник хотел ответить, что не знает сам почему, но вдруг внутреннее чувство слабости заставило его закрыть глаза и прислониться к изгороди.

Вторая часть Ника проснулось.

Искалеченное на ступенях пирамиды тело снова отозвалось болью. Путник посмотрел вниз. Дождь кончился, гаруда теперь летела над влажными равнинами, покрытыми густым древовидным папоротником.

— Где мы? — спросил Ник, не узнав своего голоса. Два коротких слова, казалось, растянулись на несколько минут — сознание, существовавшее одновременно в двух мирах, не могло приспособиться к разнице в скорости течения времени.

— Покинутая ойкумена, остров болот, — ответила птица, и вдруг начала резко пикировать вниз.

Перехватив Путника левой рукой и прижимая его к груди, гаруда нырнула в папоротниковые заросли. Ник зажмурился, прикрывая глаза от жёстких листьев, но птица не стала

задерживаться на земле — оттолкнулась от поверхности и снова взмыла в небо. Ник повернул голову направо — в правой руке человекообразной птицы извивалась крупная змея. Гаруда ловко откусила клювом голову гадюки и проглотила тело.

Солнце клонилось к закату. Внезапно Ник понял, что совсем не ощущает своего первого тело, и потому немного испугался.

— Нужно найти место для ночлега, — сказала птица.

Ник только сейчас понял, что она не произносит вслух ни слова, и разговаривает с ним телепатически. Ник дотронулся до своего лица. Кровь на ссадинах засохла, но ушибленный висок болел прилично.

— Куда мы летим?

— В пограничье. Главное, уйти из этого мира.

— Кому ты принадлежишь?

— Мой атман свободен, мой долг — спасать.

— Этот мир пуст?

— Здесь меньше сотни стражников и один брошенный народ. Лучше усни. Так легче.

Ник закрыл глаза и попытался переключиться в своё первое тело. Удалось это не сразу, какое-то время его сознание блуждало в темноте. Наконец он увидел над собой заплаканное лицо Милы.

— Ник, ответь мне, Ник!

Он узнал потолок медицинского кабинета в административном корпусе зоопарка. Кроме девушки рядом стояли Галактионов, кипер Тимур и фельдшер-узбек.

— Живой! — радостно воскликнула Мила и прижалась к Путнику.

— Сколько я провалялся? — спросил Ник, приподнимаясь на койке.

— Часа два, — ответил Владимир Леонидович. Вид у него был недовольный. — Ходить сможешь?

Ник кивнул.

— Конечно.

— Барышня, забирайте своего кавалера, — скомандовал граф. — Но завтра — чтобы без всяких опозданий на работу.

Они пошли с Милой по Васнецовской улице, взявшись за руки. Уже стемнело, и прохожие под светом редких фонарей выглядели бледными призраками. Большая свалка, на которой Ник чуть не погиб, была в этой части огорожена большим забором.

— Я сейчас живу в двух измерениях, поэтому я выгляжу таким рассеянным.

— В смысле? Часть твоего сознания не покинула тот, другой мир?

— Да, — кивнул Ник. — Меня несёт над каким-то болотом огромная огненная птица. Я ранен, в меня стрелял антропоморф.

Мила вздохнула.

— Я знаю, как нелегко находиться в двух мирах.

— Откуда? — удивился Ник. — И вообще — расскажи больше о себе, ведь я знаю так мало.

Девушка молчала какое-то время, видимо, обдумывая, с чего лучше начать.

— Для начала, наверное, мне лучше будет рассказать о моём дяде, Юргене Серафимовиче Нищцельском.

— Нищцельском?! — переспросил Ник.

— Да, тебе дали ту же фамилию, что и нам. Мой дядя был таким же путником, как и ты — он забыл своё прошлое, забыл то, кем он был в прошлой жизни, и в каком мире появился на свет. Он шёл по мирам, и со временем понял, как и ты, что должен и способен разрушать их.

— Я никогда не хотел разрушать миры! Я не хочу этого! — воскликнул Путник.

Мила успокаивающе погладила его по плечу.

— Позволь мне договорить, я не хотела тебя обидеть.

— Извини, что перебиваю.

Ник закрыл глаза, и на короткий миг увидел кадр из второго мира — гаруда, наклонившись в полёте назад, готовилась сесть на неровную поверхность какого-то большого засохшего пня. Похоже, место для ночлега было найдено.

— Тебя качнуло, осторожнее, — предупредила Мила. — Моя дядя пришёл в этот мир в тридцать пятом году, разрушив десяток малых окрестных миров. Авторы нашего мироздания сделали защиту мира прочной, такой, что сломать её за один раз просто невозможно. Для этого Юрген создал меня.

— Создал?! — воскликнул Ник, остановившись.

— Да, — кивнула Мила и повела его дальше. — К тому времени он научился создавать не только разумные сущности, но и целые миры, из которых планировал начать вторжение. Я появилась здесь семилетней девочкой и была связной. Дядя отделил от себя часть накопленных знаний, добавил женского характера и передал их мне.

— То есть он никакой тебе не дядя?

— Да, просто он поселился во Внешнем городе под видом старого антиквара, а я жила в его доме — он всем говорил, что я сирота. Но ты знаешь, я всегда воспринимала его как самого близкого и родного человека. Я ежедневно уходила в другие миры, была посыльным, создала разветвлённую агентурную сеть, пытаясь вычислить и обезвредить Авторов мироздания. Или хотя

бы завести их по ложному следу. Это мне не удалось — моего дядю нашли и убили.

— Но ведь он жив сейчас?

— Странников вроде него невозможно убить, — улыбнулась Мила. — Он возродился.

— Старый антиквар… Так он твой дядя, — догадался Ник. — И зачем он тогда оглушил меня?

— Он пытался помочь! Хотел увезти тебя подальше от города, чтобы уберечь от Корпорации. Неужели ты не доверяешь нам?

Путник промолчал, ему стало немного стыдно. Потом сказал:

— Кажется, я знаю, что было дальше. В мире, в котором сейчас находится моя вторая часть, я встретил Максима Молоткова…

Мила вздрогнула:

— Молоткова?

— Он прибыл туда семнадцать лет назад. Он сказал, что Авторы мира использовали его для нейтрализации тебя и твоего дяди. И посоветовал найти Константина, его сына.

Они подошли к твердыне Корпорации. Ник взглянул на пыльную дорогу вдоль стены — ту самую, на которой его после освобождения чуть не сбил грузовик. Гигантская башня тёмной громадой возвышалась над стеной, освещая прожекторами городские кварталы.

— Я не думаю… что это хорошая идея, — задумчиво сказала Мила.

— Ты знаешь его? — догадался Ник.

— Мне пришлось найти Константина, чтобы воспользоваться его гитарой для вызова тебя. Он обладатель одной из последних гитар в этом мире. Мне… даже пришлось спать с ним.

Путник почувствовал горечь разочарования. Но разум победил — хоть и неприятно сознавать, что у Милы ещё недавно был кто-то ещё, Ник понимал, что без этого он не мог спастись.

— Вы очень похожи с ним. Но ты моложе на десять — пятнадцать лет. И добрее.

Ник вспомнил Страну Песка и лицо бородатого мужчины, похожего на него. Теперь многое вставало на свои места.

— Нам надо найти его, — твёрдо сказал Ник. — Если тебе не хочется встречаться с ним, я найду его сам.

— Он металлист, живёт во Внешнем городе. Там небезопасно. К тому же, с раздвоенным сознанием тебе сложно будет пойду искать его в одиночку.

— Но кто ещё может помочь мне?! — воскликнул Ник. — Корпорация? Кто может остановить разрушение, которое я невольно запустил? Ведь оболочка мира, которая сдерживает от

вторжения извне, уже разрушена. Может, твой дядя?

Девушка виновато покачала головой:

— Ему запретили встречаться с тобой. К тому же, он хотел спасти тебя от Корпорации и увезти из города, но сейчас это сделать слишком поздно.

— Хочешь сказать, выхода нет? Я не верю.

— Возможно, всё пройдёт само собой, — сказала Мила и обняла его, пытаясь успокоить.

Похоже, это подействовало. Некоторое время они простояли молча, потом Ник спросил:

— Получается, ты тоже — Путник?

— Я была всего лишь частью Путника, — улыбнулась Мила. — Ведь Путник — не столько личность, сколько явление. Процесс.

Они обошли Твердыню Корпорации и вышли на Главный проспект. Здесь было светло и многолюдно. Электромобилей и грузовиков почти не было, лишь изредка проезжали мимо синие такси с киберготами-наймитами. По широкому тротуару неторопливо прогуливались молодые пары и группы отдыхающих. Ник смотрел на их лица — люди радовались ранней теплой весне, думали, мечтали о чём-то, и наверняка никто и помыслить не мог об угрозе, которую представляет Путник, пришедший в их мир. Около чёрной стены, под люминесцентными фонарями выступали жонглёры и фокусники, мелкие торговцы-наймиты продавали бижутерию, старые книги и нехитрые предметы быта.

— Жаль, если этот мир невозможно спасти, — задумчиво произнёс Ник.

— Я люблю тебя, — вдруг ответила Мила.

Через пару секунд в тёмном небе впереди возникла яркая вспышка, ослепившая всё вокруг. Прохожие встали и замерли, обернувшись. Луч прожектора с башни Корпорации на миг выхватил из темноты неправильной формы тёмный предмет, и в следующее мгновение со стороны Плотинки и площади Тринадцатого Года послышался грохот падения. Люди вокруг закричали и бросились бежать. Послышались крики:

— Метеорит!

— Челябинцы бомбардируют!

Ник и Мила стояли на месте.

— Похоже, началось, — сказал он. — Идём туда, мы должны проверить.

III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (в)

* * *

Через минут десять, когда Ник с Милой проходили по Плотинке — самой древней и почти нетронутой части города, где некогда располагался завод — мимо них промчалась колонна из пяти сине-зелёных броневиков.

— Из Твердыни? — предположил Ник.

Мила кивнула и остановилась, глядя им вслед, затем обернулась в сторону городского пруда. Ник тоже посмотрел — с Плотинки открывался величественный вид на старинные небоскрёбы, стоявшие на берегу пруда. С другой стороны, вниз по течению Исети, виднелась башня аэропорта с одиноким причалившим дирижаблем. Но разглядывать красоту городских пейзажей было некогда.

— Мы всё равно должны прийти туда, — сказал он и потянул Милу вперёд, на площадь. — Я чувствую это.

Над площадью Тринадцатого года поднимались клубы серой пыли, подсвеченные уличными фонарями. Народ перешёптывался, большинство боязливо стояли в стороне, но находились смельчаки, подошедшие поближе. Ник с Милой остановились у большого графского дома, бывшего некогда консерваторией, и встали за одной из колонн.

В клубах пыли на площади виднелся неправильной формы кусок камня, лежащий в семиметровой воронке. Он упал в каких-то двадцати метрах от городской управы, рядом с памятником первому императору, Антону Рябинину. Ник не знал, списывать ли это на простое везение, или этот метеорит специально выбрал себе такое место падения.

Подъехавшие инженеры Корпорации спешно расставляли ограждение вокруг воронки и отгоняли особенно любопытных зевак. В воронку спустились несколько офицеров с какими-то приборами. Ник вздрогнул, разглядев в одном из них Хакима. Он видел его всего несколько секунд, потом обзор загородили, но этих секунд хватило, чтобы узнать его узкую козлиную бородку.

— Что такое? — тихо спросила Мила.

— Я видел их. Тогда, в Твердыне. Это безопасники.

Мила тоже всмотрелась в бойцов Корпорации, потом наклонилась и сказала почти шёпотом:

— Видишь пожилого мужчину, стоящего у последней машины?

Ник кивнул и тут же узнал этого человека.

— Его же зовут Вячеслав?

— Вячеслав Кадочников, — кивнула Мила. — Моя дядя знаком с ним. Этот генерал — один из немногих в Корпорации, кто знает почти все тайны нашего мира.

— Это он отпустил меня, — сказал Ник. — Но я всё равно немного опасаюсь его.

Кто-то из бойцов Корпорации наконец-то достал мегафон, и послышался громкий резкий голос:

— Камрады, расступитесь! А ну быстро разошлись по делам! Это обычный метеорит, в нём ничего такого странного. Идут стандартные исследования радиационного фона. Тут нечего смотреть!

— Да уж, ничего странного, — пробормотал прошедший мимо мужчина в сине-зелёной форме инженера.

Пыль улеглась, и Ник смог получше разглядеть верхушку метеорита — он оказался около полутора метров в поперечнике, и по форме больше напоминал не каменную глыбу, а серый кусок бетонных перекрытий.

— А-а! — послышался крик, и в следующий миг два офицера, стоявшие в воронке, испуганно отскочили назад, словно увидев что-то страшное.

— Ловите, ловите его! — послышался голос Вячеслава.

Ник не сразу понял, что происходит, но вдруг заметил какое-то маленькое белое существо, спрыгнувшее с камня и пробежавшее между ног бойцов Корпорации. Один из них сорвал с себя жилет и попытался набросить на беглеца, но безуспешно — тот оказался проворным. Существо добежало, припрыгивая под лучами фонарей, до круглой арки ворот городской управы и скрылось внутри. Бойцы Корпорации поспешили внутрь.

Путник узнал это существо. Это был маленький нюхач, один из уцелевших жителей реальности Бункера, которую Ник разрушил.

* * *

Люди застыли в изумлении. Безопасники снова принялись кричать в мегафон, пытаясь отогнать невольных зрителей.

— Я видела нюхачей, — сказала Мила. — Они жили в Бункере и в некоторых других небольших мирах. Заходила к ним, когда могла это делать. Потом мне рассказывали про них.

— Я уничтожил их мир, — сказал Ник. — Запустил команду удаления. Она была написана прямо на мне.

— Раз была написана — то тебе помогли её запустить. Очутись ты в теле другого нюхача, ничего бы не произошло. Миры вроде Бункера временные и кишат подобными существами.

— Может, они пришли мстить мне, как отомстил тот антропоморф?

Мила снова погладила его по голове.

— Не бойся их, они мирные. В отличие от других слоноподобных. Так, мелкие паразиты, способные жить в разных мирах. Иногда этих существ даже используют, чтобы хранить коды.

— Я и не боюсь, — немного резко сказал он. — Я уже устал бояться. Будь что будет, в конце концов…

Ник осёкся, заметив чей-то взгляд со стороны военных, и повернулся. Вячеслав Кадочников, отошедший от машин немного в сторону, выжидающе заложил руки за спину и неотрывно смотрел на Путника. Затем легонько поманил рукой.

— Идём отсюда, — скомандовал Ник, схватил Милу за руку и выбежал от колонны.

— Ты куда?!

— Нас заметили. Где здесь остановка такси?

Они обогнули серое здание бывшей консерватории и выбежали на Уктусский проспект, оставив площадь с метеоритом позади. Станция такси находилась у забаррикадированного и тщательно охраняемого Корпорацией входа в метро. На стоянке стояли всего три машины. Ник посмотрел на водителей, выбрав доброжелательного на вид кибергота лет сорока, с жёлтыми длинными косичками.

— До зоопарка, да побыстрее!

— Цена вопроса — тридцать иен, — весело заявил кибергот.

Ник запрыгнул в кабину, подал руку Миле. Вытащил из кармана сдачу, оставшуюся с обеда, и высыпал в ладони водителя. Тихо зашумел электромотор, такси развернулось и поехало мимо городских огней.

— Это Вячеслав, да? — спросила Мила. — Он тебя напугал?

— Не напугал. Он зачем-то подозвал меня, — Ник обернулся, посмотрев назад, в сторону площади. Погони не было видно, Путник облегчённо вздохнул и откинулся на твёрдую спинку сиденья.

— Может, стоило поговорить с ним? Раз тогда они отпустили тебя, то, может, вовсе не хотели тебя теперь задерживать?

Путник не ответил. Он решил, что так будет лучше. Он закрыл глаза и снова увидел себя на болотистом острове.

Поверхность пня была твёрдой и неудобной. Гаруда, сложив крылья, сидела рядом — совсем по-человечески, на корточках. Путник разглядел её длинный, похожий на сорочий хвост. Увидев, что Ник проснулся, она повернула голову и протянула большой лист, сложенный лодочкой и сжатый в огромной руке. Только сейчас Ник почувствовал, насколько сильно хочет пить и жадно напился из импровизированной чашки. Гаруда выбросила лист и тихо проговорила, не раскрывая клюва.

— Спи дальше, Путник.

— Ты несёшь меня в мир Каменного Пояса?

— Нет. Нужно уйти отсюда. Уйти из всех окрестных миров.

Уйти от Милы. Уйти от новой работы. Уйти из странного города, который всё больше и больше становился ему родным, несмотря на всю его суровость и неприветливость.

— Неужели нет другого выхода?

— Есть. Можно совместить два твоих тела.

— Но что тогда будет?

Гаруда совсем по-человечьи пожала плечами.

— Непредсказуемые последствия.

Ник ещё раз огляделся по сторонам и попробовал приподняться. Пальцы на ногах двигались — похоже, перелома не было, или всё зажило в полёте. Удивительно, но находясь в этом теле он ничуть не боялся погибнуть, возможно, потому, что всегда было запасное тело. Промелькнула мысль — возможно, если всё так и останется, он сможет жить с несколькими телами. Но спрашивать об этом гаруду он не рискнул. Он с грустью кивнул.

— Если так будет лучше, то унеси меня отсюда. Унеси как можно дальше. Ты нашла выход?

— Пока нет. Отсюда непросто выбраться, но выход должен быть где-то здесь.

В следующий миг его тронули за плечо, и он снова переключил сознание в своё первое тело.

— Выходим, мы приехали, — сказала Мила.

Ник остался спать в квартире Милы. Выспаться не получилось: или одно, или другое его тело всё равно оставалось бодрствующим, и сознание не отдыхало. Птица, сидящая рядом с ним на огромном пне, уснула. Уснула и Мила, по-кошачьи свернувшись на кресле рядом с Ником. А Ник лежал и думал, оставшись в двух обличьях наедине с самим собой.

В первую очередь, он думал о том, что теперь делать. Ему было тяжело оставаться одновременно в двух телах, но гораздо тяжелее было сознавать, что своим присутствием он разрушает мир Каменного Пояса. Мир, который он полюбил, и в котором живут люди, полюбившие его. Способность невольно разрушать,

как страшная болезнь, мешала ему и близким ему людям.

Он мысленно перебрал всех знакомых и значимых личностей, которые повстречались ему на пути. Мила? Она и так делает всё возможное, но она не знает, как избавить Ника от недуга. Корпорация? Путник вспомнил допрос и сделал вывод, что, похоже, руководство этой гигантской организации тоже не знает, что делать. Либо — знает, но получило откуда-то «сверху» распоряжение не вмешиваться. Юрген? Он старик, и Мила сказала, что он уже опоздал с помощью. Работники зоопарка? Они не были даже пешками в этой игре.

Мила упомянула вечером про Авторов мироздания, и Ник даже захотел разбудить её, чтобы узнать об этом получше, но тут же, следом, вспомнил о том, что они убили её дядю.

Оставался один вариант. Всего один. Константин — сын Максима Молоткова.

Вспомнился совет Максима поискать в Урнете. Пока вторая часть сознания дремала, Ник поднялся с кровати. Мила заворочалась во сне, он наклонился и поцеловал её в плечо. Тихо прошёл на кухню, включил ноутбук и воткнул сетевой шнурок. За время работы в зоопарке Ник сидел за компьютером всего пару раз, но умение пользоваться то ли приходило откуда-то извне, то ли было заложено в него более ранний временной отрезок жизни, который он не помнил. Загрузилась операционная система — нелепая и неудобная. В закладках было несколько сайтов, из которых он выбрал поисковик «Что-где-когда».

Набрал «Молот Конст», и поисковик выдал список из десятка сайтов, где упоминался ник-нэйм Константина. Ник пролистнул страницу, и наткнулся взглядом на цитату из форума «метал.ур». Некий Трофим писал:

«Четыре дня провёл в юго-западном обезьяннике Корпорации. Попал я туда с соседом Олегом и одним попутчиком, трэшером с проспекта Шахрина. Молот Конст его ник-нэйм. Причины нашего задержания назвать не могу — нас с Олегом отпустили за большой откуп и подписку о неразглашении. Спасибо дядя Володе из нашей общины и графу Никифорову. А вот Константина — не выпустили и, похоже, отправили в зомби-войска. Если кто знал его, приношу свои соболезнования. Будьте осторожны, ребята».

Ник вздохнул. Получается, и этот вариант не подходит? Ему говорили, что из войск Корпорации выхода нет.

Нет, твёрдо сказал он себе. Нельзя отчаиваться, выход всегда есть. Ник лёг обратно на диван и мысленно пролистал события последнего дня.

И тут его осенило — Император! Вот кто может ему помочь.

Его власти хватит, чтобы найти Константина и спасти Путника. Хотя — наверняка попасть к нему на приём будет весьма непросто, подумалось Нику, но попробовать стоит. В конце концов, ему мало чего терять. Он поправил одеяло у Милы, бесшумно оделся и вышел на улицу.

Когда он выходил, на часах было четыре часа утра, и в столь ранний час улицы пустовали. Безмолвный город был по-своему прекрасен. Пошатываясь из-за бессонницы, словно пьяный, он медленно зашагал по Васнецовской и через пару минут вышел на Главный проспект. На перекрёстке к нему суетливо подбежал постовой войск Корпорации.

— Документ покажи.

Ник молча протянул карточку. Ни боязни, ни смятения от встречи с солдатом он не испытывал. Солдат провёл карточкой по считывателю и прочитал на экранчике.

— Так… Никита… Наймит… Куда идём?

— Не подскажете, где дворец Императора?

Солдат расхохотался, потом достал откуда-то какой-то прибор с трубкой и приказал выдохнуть. Ник пожал плечами и послушался.

— Странно, трезвый. Наркотики не употребляешь?

— Бессонница, — признался Ник.

— Понятно, — кивнул солдат и, усмехнувшись, показал рукой в конец Главного Проспекта. — Ну тогда шагай вон туда. В УПИ наш Император живёт, на границе Внешнего, лучше в школе учиться надо было.

Ник увидел вдали за длинным сквером большое тёмное здание с восемью колоннами, подсвеченное прожекторами.

— Спасибо, — сказал солдату Путник и медленно зашагал по улице.

III. Токката. Эпизод 9. Второе пришествие (г)

* * *

Сквер был перегорожен решётчатым забором. У высокой калитки под одиноким светодиодным фонарём он увидел группу из двадцати человек. Мужчины и женщины разных возрастов, цвета одежды и внешности сидели на корточках и раскладных стульях, стояли, прислонившись к забору, и ждали. Видимо, из-за бессонницы Путник не подумал о том, что на аудиенцию к императору может быть очередь. По сонным и раздражённым лицам Ник понял, что ждут они давно, возможно, даже с прошлого дня.

Здание с колоннами за оградой выглядело величественно. Видимо, именно так и должен выглядеть императорский дворец, подумалось Путнику. Смущала только надпись наверху фасада — «Уральский политехнический институт им. Кирова». В пустынном дворе, окружённом с трёх сторон массивными флигелями здания, не было никого, кроме нескольких стражников, ещё несколько с автоматами стояли на крыше.

— Кто последний? — спросил Ник, подойдя к толпе.

— Я, — раздражённо сказал полноватый мужчина лет тридцати пяти. Его лицо показалось знакомым, и Ник вспомнил — он видел этого человека вчерашним вечером на площади тринадцатого года. Судя по всему, мужчина не узнал Ника, или не запомнил в тот раз.

— Это все на аудиенцию? — на всякий случай переспросил Ник.

— «На аудиенцию!» — передразнил мужчина. — На собеседование по поводу аудиенции! Думаешь, каждый из этой очереди попадёт?

В очереди посмеялись, услышав диалог. В очереди кто-то заговорил про то, что со стороны Внешнего города своя очередь, и она ещё длиннее. Путнику протянули какой-то листок и ручку.

— Фамилию напиши.

Ник оказался семнадцатым в списке и молча сел на приступок у забора. Он умел ждать, но конкретно сейчас надо было действовать.

Дёрнулся и уже привычно закрыл глаза — со вторым телом всё было нормально, просто гаруда подхватила его и полетела

куда-то дальше над тёмными зарослями. А вот голод уже давал о себе знать.

— Есть хочу, гаруда! — хрипло сказал Ник.

— Терпи, скоро мы уйдём отсюда.

Сознание вернулось в Верх-Исетск.

— Не спи — замёрзнешь, — сказал ехидный мужик из очереди.

Ник порылся по карманам и обнаружил плеер Станислава. Распутал наушники и включил случайную композицию — ею оказалась «Одинокая птица» уральского Наутилуса.

Музыка была одновременно и тревожной, и успокаивающей, она хорошо подошла к состоянию Путника. Из-за стереоэффекта казалось, что играет сам город — тёмные деревья, асфальт и свинцовое небо, в котором начинал заниматься рассвет. Ладони снова засветились тихим внутренним светом, и он спрятал их в карманы, чтобы не смущать остальных.

— Ты правильно делаешь, Путник, — послышался откуда-то изнутри голос Гаруды. Здесь голос звучал гораздо медленнее и ниже по тембру, чем там, в покинутой ойкумене. — Я приду на звук.

Ник послушал ещё пару песен из того же альбома. Песни в основном были грустные и даже депрессивные, и вскоре Путник не выдержал, потыкал кнопки плеера и переключил на другой альбом — «Оглашённые изыдите» некоей «Оргии Праведников». От непривычно тяжёлой музыки Ник сначала вздрогнул, но вскоре привык к утяжелённой электрогитаре, и она даже стала ему нравиться. Сознание стало рваться куда-то наружу, вверх, его приходилось сдерживать внутри. И вдруг Ник вспомнил.

Вспомнил свой самый первый миг, когда он пришёл в этот мир.

Небольшая комната с рваными обоями. Четыре человека, сидящих вокруг импровизированного стола на матрасе и табуретах. Он стоит у окна, окружённый сиянием, а люди испуганно смотрят на него. Лица двух человек он не запомнил, но двое других оказались ему знакомы. Чуть поодаль сидит Мила, его Мила, только одета совсем по-другому, а рядом с ней — тот самый трэш-металлист, сын Максима. В его руках гитара, подключённая к старому магнитофону, взятый квинтовый аккорд всё ещё звучит, отражаясь от стен комнаты. Затем один из незнакомцев кричит, выхватывает откуда-то автомат и дважды стреляет в Ника. Сознание меркнет и загорается снова в тёмном парке около большого торгового центра.

Путник вспомнил эту картину в мельчайших деталях — одновременно и радуясь, и переживая за себя. А музыка играла,

проникала всё глубже и глубже

Через полчаса оглянулся по сторонам — народ засуетился у калитки и подошёл ближе. За забором показался стражник императорской гвардии в красном мундире. Ник поднялся с тротуара и выключил плеер.

— Кто с заявами о милостыни, сюда давайте, — протянул он руку через решётку. Человек десять из очереди, в основном, те, что одеты победнее, протянули какие-то мелко исписанные листки и отошли в сторону.

Гвардеец зашагал обратно к императорскому дворцу. Стоящий впереди Ника мужчина заметно повеселел — ещё бы, очередь сократилась почти вдвое. Путник снова вернулся к месту у забора и включил плеер. Снова заиграла музыка — на этот раз длинный трек без названия — что-то электронное, ритмичное и вводящее в транс.

Ник решил посмотреть, что происходит с его вторым телом.

— Как ты себя чувствуешь, Путник? — спросила гаруда.

— Отлично, — сказал Ник. — Есть только хочу.

— Осталось совсем немного. Через пару часов всё объединится.

— Что объединится? — настороженно сказал Ник.

— То, что давно должно быть целым, — сказала гаруда. — Ты увидишь всё сам.

Некоторое время Путник просто слушал музыку и рассматривал незнакомые пейзажи. Ник дёрнулся и переключился, потому что его тронули за плечо. Мужчина из очереди глядел на него ошарашенными глазами.

— Там! Там такое! — Сказал он и быстро зашагал вдоль ограды.

Ник последовал за ним, туда, где столпились люди, ещё недавно стоящие в очереди. На лицах людей был страх, смешанный с искренним удивлением. Они неподвижно стояли, прильнув к забору напротив края императорской резиденции, и смотрели в просвет между зданиями, туда, где всходило солнце.

Нет, не солнце. Два солнца.

* * *

Два гвардейца выбежали из боковых ворот здания и направились вдоль забора к толпе, в которой стоял Ник.

Хорошо, что не пришлось ждать, подумалось Нику, и он зашагал к калитке.

— Что происходит, солдатики? — окрикнули из толпы. — Это

японцы?

— Понятия не имеем, — ответил гвардеец.

Ник решил воспользоваться ситуацией и пошёл в направление ворот. Навстречу ему уже спешил мужчина в мантии.

— Никита Нищцельский — это вы? — придворный, как и все, выглядел немного испуганным.

— Да.

— Следуйте за мной.

Путника повели по скверу мимо старого памятника и провели внутрь, захлопнули высокие дубовые двери и встали около них. Внутри был высокий колонный зал с лестницами и балконом, слабо освещённый и от того казавшийся мрачным. На полу виднелись стрелки, указывающие в какую-то боковую комнатку — видимо, для собеседования.

— Ник, я здесь, — послышался голос императора откуда-то сверху. — Поднимайся по лестнице.

У лестницы сидел кот. Огромный, рыжий, и наверняка наглый. Завидев Путника, он подошёл и доверчиво потёрся о ногу. Но ощущения уюта это почему-то не прибавило. Вальяжным шагом кот подошёл к дверям и оглянулся на Ника, словно зовя за собой обратно, на улицу.

Путник усмехнулся и зашагал по широкой лестнице мимо картин — уральских пейзажей и портретов каких-то известных в прошлом личностей.

Император был одет по-домашнему — длинная чёрная футболка с какими-то готическими надписями, шорты и потёртые тапки. Без очков правитель страны выглядел близоруко и как-то растерянно. Он пожал Нику руку.

— Вы здесь живёте один? — зачем-то спросил Путник, и тут же подумал, что вопрос немного дурацкий.

— Да, вчера я отправил свою семью в Каменск, — с грустью в голосе сказал Савелий. — Я рад, что ты пришёл сам, по правде сказать, не думал, что ты сообразишь. Но мы бы всё равно нашли тебя, ведь ты был под нашим постоянным присмотром.

— Под присмотром? — насторожился Ник. — И кто же шпионил за мной?

Савелий махнул рукой, приглашая пройтись по длинному коридору.

— Сначала Станислав. Чёртовы солдафоны! Его взяла Корпорация, мы уже завербовали другого работника зоопарка, но его помощь не понадобилась. Ну и также помогали индуисты. Их техники позволяют сознанию гулять по соседним мирам, правда, не так хорошо, как это умеешь ты.

— Получается, вы всё знаете обо мне?

— Почти всё, Ник. Почти всё. Мы не поняли только одного. Скажи, ты можешь всё это остановить?

— Что «всё»?

Император усмехнулся и остановил Ника, взяв его за плечо.

— Не делай вид, что не знаешь. Двойное солнце. Доисторические звери. И ещё то, о чём пока не говорят в новостях. Ты слышал о столбах выветривания Мань-Пупу-Ньер? Про мансийских болванов?

— Нет, — признался Ник.

— Это семь древних каменных столбов, которым поклонялся вымерший уральский народ. Тридцатиметровые. Они стоят у самой северной границы нашей страны, на Горе Мертвецов. Вернее, стояли. Вчера они превратились в гигантских тридцатиметровых слоноподобных великанов и сегодня ночью дошли до единственного нефтяного месторождения.

— Слонотавры… — проговорил Путник.

— Да. Люди в панике бежали оттуда, сейчас исполины движутся к Ивделю, центру провинции. Сдаётся мне, что это только первая ласточка, первые твари из соседних миров, которые придут в наш мир. Ты не ответил на мой вопрос. Скажи мне, ты сможешь их остановить?

Ник выждал пару секунд и кивнул.

— Мне нужен Константин Молотков. Он сын Максима Молоткова. Сейчас он находится в зомби-войсках Корпорации.

Император улыбнулся, но улыбка его была полна грусти.

— Нет, Ник, он уже на свободе. На меня вышел один наш общий с ним приятель. Константин тоже хочет помочь нам всем. Но ты уверен, что этот способ поможет? Поверь, мне не хочется причинять тебе зла.

— Я уверен, — сказал Ник.

Савелий кивнул, пошёл по коридору и свернул на запасную лестницу, выходившую на флигель. Путник зашагал за ним вслед, на миг остановившись у высокого окна. Там, за окном, в лучах двух всходящих светил раскинулся Внешний город — ещё более серый и странный, с лазерными пушками на крышах домов, жестокий, но по-своему прекрасный.

— Не торопись с решением, — послышался голос гаруды из второго мира. — Возможно, это не то, что тебе нужно. Скоро я покину этот сектор миров навсегда.

Ник закрыл глаза. Во втором мире на горизонте тоже было два солнца.

— Нет, — сказал Ник, переключился и побежал вниз по лестнице. — Я должен.

Дверь во внутренний дворик была открыта. Император отошёл в сторону, пропуская Ника. Впереди у старого электромобиля стояла группа людей — два гвардейца и третий, коротко стриженый, одетый в длиннополый плащ. У Путника засветились ладони. Несмотря на изменённый облик, Ник узнал незнакомца, во второй раз удивившись сходству черт лица, но тут же почувствовал дикую тревогу и захотел убежать.

Путник не успел.

— Прости, — сказал Константин, подходя ближе. — Надеюсь, это поможет.

Он достал из-за спины автомат и разрядил половину обоймы в Путника.

Половина сознания отключилась и угасла навсегда.

III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен

(Абориген)

— Говоришь, из-за него погибла Наала? — сказал Савелий, наклонившись над трупом.

— Да, — сказал Константин. Его руки дрожали, он поднял лицо на императора и задал немой вопрос.

— Ты сделал всё верно. Верно, — больше убеждая сам себя, чем убийцу, сказал Савелий. — В конце концов, подумай о том, что смерть Наалы теперь отомщена.

На лестнице послышался шум шагов, и в дворик выбежала группа офицеров Корпорации. Константин узнал среди них того самого генерала, что беседовал с ним на фабрике альфа-батарей. Секунду он стоял молча, глядя на место убийства Путника, затем выкрикнул:

— Идиот! — и съездил императору кулаком в челюсть. Савелий потерял равновесие и свалился рядом с трупом Ника, Вячеслав подошёл и стал пинать императора ногами. — Кретин!!! Ты нас слушал?! Ты ИХ спросил?! Ты хоть понимаешь, что сейчас может начаться?

Хаким оттащил генерала от императора. Савелий поднялся, вытирая кровь с лица. Вячеслав отдышался и устремил злой взгляд на Константина.

— А ты, блин, герой! Ты хоть знаешь, какими силами нам дался твой побег? Какие потери мы понесли, чтобы сохранить твою никчёмную жизнь? И для чего это всё, вот для этого?!

— Мы опоздали, камрад, — обречённо сказал Хаким. — Чёрт возьми, мы просто опоздали.

— Но ведь этот парень был источником всех проблем, так? — попытался оправдаться Константин. — Сектанты с помощью него начали вводить в наш мир свои армии, он менял мир!

— Этот парень был защитой от более опасных Путников! — рявкнул Вячеслав. — Вакциной, протезом! Отсекая больную конечность, мы не вылечимся от болезни! А только обретём новые проблемы! Если бы надо было, мы бы давно его прикончили.

Словно в доказательство слов генерала по земле побежала мелкая дрожь. Задребезжали стёкла в резиденции, император испуганно отбежал в сторону, глядя вверх, на здание. Правда, продолжалось всё это недолго — спустя двадцать секунд землетрясение прекратилось.

— Смотрите! — сказал император, указывая на восток. —

Второе солнце исчезло!

— Оно пропало сразу же, как Путника убили, — нахмурившись, ответил Вячеслав. — Не знаю, хорошо это, или плохо. Скорее всего, второе.

— И что, получается, мы все обречены? — спросил Константин. — Что говорят ваши Авторы Мироздания?

— Авторы молчат! Они выходили на связь только однажды, приказав отпустить Путника, что мы и сделали. Мы вынуждены сами принимать все решения.

— Есть же какая-то гитара, — сказал император. — Может, она поможет.

— Ну да, есть. Но чему поможет?

— Наала говорила, что Путник может возрождаться.

Вячеслав задумался.

— Я понятия не имею, как этот фокус с гитарами может сработать. И к чему он приведёт. Если с прошлым странником, семнадцать лет назад это помогло, то теперь… Но ты прав, Савелий, мы должны попробовать. Константин, в машину, скорее.

(Путник)

Путник был жив. Чувство нестерпимой боли сохранялось какие-то доли секунды, но потом уступили место привычным для второго тела ощущениям. Осталась лишь моральная боль — из-за утраты части собственного «я», к которой так привык.

Сознание сохранилось.

— Второго тела больше нет, — сказал он больше себе, чем Гаруде.

— Я потеряла путь, — сказала гаруда и стала парить по спирали, поднявшись на восходящих потоках выше над болотистым островом.

— И что теперь?

— Непредсказуемые последствия.

Ник оказался перед главным выбором в своей жизни. Лететь с Гарудой к новым мирам. Уйти от проблемы, уйти от неизвестности и начать всё с нового листа. Или вернуться в мир, в котором его только что убили и который он едва не убил сам. Но при этом в котором его ждут и где надеяться на него, как на спасителя.

— Лети в Верх-Исетск, — твёрдо сказал Ник. — Шут с ними, с последствиями, я хочу вернуться туда.

— Тогда надо снова ждать, пока время этого и того мира совпадут, — послышался голос гаруды. — Ждать, когда откроется путь в тот мир. Мы должны связать их. И ты, как Путник, можешь это сделать. Ты уже почти начал это делать, живя одновременно в

двух мирах.

Выбора не было. Ждать — так ждать. Ник закрыл глаза и попытался вспомнить место, где лежит его убитое тело. Вспомнить время суток. Вспомнить какие-то мельчайшие подробности своего пребывания в этом мире.

Долго ждать не пришлось. Через полчаса вдали послышался шум двигателей, гаруда резко повернулась в воздухе на этот звук. Ник увидел висящее низко над горизонтом солнце — одинокое солнце, а над ним, ещё выше, красно-белый вертолёт — большой, с вытянутым корпусом, тремя винтами и круглой стеклянной кабиной, ощетинившейся боевыми орудиями. Путник вспомнил, что видел эту грозную машину во сне, когда он был маленьким нюхачём в мире Бункера. Позади вертолёта виднелось несколько других точек.

Гаруда резко спикировала вниз, и Ник услышал стрёкот пулемётной очереди наверху, а спустя пять секунд под ними у земли взорвалась ракета, обманутая птицей. Затем гаруда стала быстро маневрировать в воздухе, сильно придавив Ника руками к пернатой груди. Вертолёт вслед за ними пошёл на снижение.

— Кто это?!

— Ещё один Путник! Его армия давно была здесь, — ответила птица, продолжая лететь на низкой высоте над зарослями папоротников, как вдруг громко вскрикнула, качнулась и бросила Ника вниз, полетев куда-то дальше.

Ник упал на куст папоротника — листья самортизировали падение, он зацепился и скатился по ним в травянистый мох. Шум роторов машины стих в нескольких десятках метров от Ника, но из-за широких листьев никого не было видно. Ник приподнялся и с трудом встал на ноги — они всё ещё сильно болели, но ходить он мог. Быстро оглянулся — что-то красное, похожее по цвету на крыло птицы, виднелось в нескольких шагах дальше по склону, но была ли гаруда жива, оставалось неясным. С юга, откуда прилетел вертолёт, послышался приглушённый гул двигателей ещё каких-то машин, но каких именно, не было видно.

Со стороны севшего вертолёта послышался шаги и шорох падающих листьев.

— Ник! Где ты, Ник? — Путник услышал голос, показавшийся знакомым, и решил подождать.

Из-за кустарника в десятке метров показался Казимир — Путник узнал его по тонкой бородке и длинным закрученным рогам на голове. Рост его теперь превышал два метра, в руке антропоморф держал мачете, мокрое от сока папоротника, но более всего Ника напугало другое.

Вместо носа на лице Казимира был хобот.

Ник побежал, спотыкаясь об упавшие ветки. Каждый шаг отзывался дикой болью в коленях, от голода дико крутило в животе, но он бежал без оглядки.

— Стой, Ник! — кричал Казимир, рубя наотмашь листья за спиной. — Это я должен был разрушить все миры в этом секторе! Ведь это моя армия, мои слонотавры! Хобот — это мой штамм, мой вирусный код! Моё изобретение. Ведь разрушать — наша цель, наша функция, как ты не понимаешь! Мы должны разрушить и их мир!

Получается, не один виновен в уничтожении миров. Получается, Казимир — такой же Разрушающий Путник. Получается, все ждали и боялись не его, а совсем другого Путника?

Все эти мысли закрутились в голове.

— Почему ты не с нами? Получается, ты против нас! — сказал Казимир. Он приближался, его мачете свистело в считанных метрах от головы Ника.

— Мы бессмертны! — крикнул Ник.

— Нет. Путник может убить другого Путника.

Впереди оказалась скалистый уступ чуть выше человеческого роста. Ник слишком поздно понял это и попытался обойти его. Гаруда с простреленным телом лежала на горном выступе в десяти метрах от места, куда прибежал Ник. Птица была мертва — лужа странной сине-зелёной крови стекала вниз по граниту. Путник прошёлся вдоль скалы, попытался спрятаться за старыми листьями, но тщетно — Казимир уже заметил его.

— Пора, — сказал антропоморф, подходя ближе.

Ник огляделся по сторонам, вырвал из древовидного папоротника засохшую ветку. Глупо было надеяться, что хрупкое дерево спасёт от стального клинка, Ник сначала захотел его выбросить, но вдруг понял, что нужно выжить. Выжить, во что бы то ни стало. И решил сражаться. Ник встал в полный рост и перехватил ветку поудобнее. Ветка в его руках стала тяжелеть и приобрела металлический оттенок.

Казимир рассёк последние листья перед Путником и замахнулся мачете. Путник заблокировал удар и, навалившись телом, смог оттолкнуть Казимира. Антропоморф не упал, лишь отошёл назад, коварно улыбаясь. Ник пошёл в атаку и нанёс Казимиру два удара палкой. Один из ударов пришёлся на основание рога, козёл на миг замотал головой, оглушённый, и Путник, воспользовавшись этим, ударил основанием палки ему в грудь. Казимир упал в листву, Путник попытался ударить по лицу, но противник заблокировал удар. Мачете покраснело, словно раскаляясь адским пламенем. Казимир вскочил на ноги,

сделал обманный жест и рассек палку Путника пополам, как масло горячим ножом.

Путник избежал касания лезвия и бросил обломки своего оружия на землю. Он сделал шаг назад, готовясь принять смерть — последнюю и самую главную, как вдруг услышал тихую музыку, донёсшуюся с небес. Вокруг стало ярче. Казимир обернулся — в просвете между листьями древовидного папоротника виднелись два светила, как и несколько часов назад, а вдалеке за ними проглядывали призрачные, расплывчатые силуэты до боли знакомых домов.

В следующий миг Ник схватил Казимира за хобот и резко дёрнул голову врага поперёк движению его же мачете. Хобот упал на землю, чернея и рассыпаясь в пыль. Чёрная кровь брызнула на землю, рогатый путник заорал, зажимая чудовищную рану на лице. Его черты лица менялись — рост стал уменьшаться, пока не стал даже меньше, чем у Ника, рога начали уменьшаться в размерах, противник стал более похожим на человека. Вирусный код выходил из него.

— Армия… моя армия всё равно идёт в тот мир… — почти бессвязно бормотал он, и было непонятно, сожалеет ли он об этом, или, наоборот, пытается угрожать.

Ник подобрал мачете, размышляя — стоит ли добивать обезоруженного противника, или сжалиться, затем посмотрел на город. Он не знал, далеко до соседнего мира, или нет, но решил, что отправится туда пешком и принялся рубить ветки, прокладывая путь. Серая тень скользнула над антропоморфом, и огромная красная птица опустилась на землю. Путник бросился вперёд, гаруда схватила его в свои объятия, оттолкнулась в полёте от скалы и полетела в сторону силуэтов города.

— У тебя тоже есть второе тело? — спросил Ник.

— Резервное. Надо успеть, — коротко ответила птица. — Ты уже почти синхронизировал время.

III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен (б)

(Абориген)

А музыка продолжала литься над обоими мирами.

Константин стоял с «Ямахой» на крыше башни Корпорации и встречал рассвет. Он играл лучшее, что мог сыграть в своей жизни.

…В первые минуты, когда Константину дали в руги гитару, он привыкал к ней — пробежался отвыкшими пальцами по грифу, взял пару простых аккордов и сыграл для разминки гаммы. Поморщился: пальцы стали немного «деревянными», и собственная игра ему не нравилась. Затем включил усилитель с гитарной примочкой — «дисторшном», чудом сохранившиеся в эпоху дефицита, и подключенные к большим концертным динамикам на крыше. Медиатор ударил по струнам.

Пульсирующее эхо металлического звука отразилось от соседних домов и растеклось по городу. Константин рефлекторно приглушил струны — он не был готов к столь громкому звучанию своей «Ямахи». Отец учил беречь гитару и своё знание, играть только для себя, потому даже самые тяжёлые и громкие песни Молот играл тихо, подключив к старому микрофону. Здесь же звук оказался странным и непривычно могучим, словно играл не человек, а могучий исполин из другого мира, залезший на вершину башни.

Константин сыграл рифф из ранней «Сепультуры», простой, быстрый и короткий. Небо сразу же помрачнело, грозовые тучи возникли словно из ниоткуда. Подул сильный ветер, и металлист остановился, немного испугавшись такой быстрой смене погоды. В воздухе повисла беспокойная пустота, казалось, город замолчал вместе с гитарой. Тучи начали рассеиваться. Никогда раньше Константин не чувствовал такой сильной отдачи от своей игры.

Вспомнилось, что сказал кибергот на стоянке в день, когда он покинул комунну. Не спасёт. Или спасёт. Эта гитара обязательно спасёт мир.

«А что, если я сыграю не так?» — промелькнула страшно мысль, но он прогнал её — слишком тяжело было сознавать, что ещё одна твоя ошибка может испортить всё на свете.

С другой стороны, это хорошо, что гитара работает — значит, Вячеслав не ошибся. Металлист сделал звук на усилителе помягче и попробовал сыграть снова. Пальцы машинально начали всё тот же мотив, что и в первый раз.

— Тьфу! — нахмурился металлист. — Въелось.

Так бывает иногда — начинаешь играть, и ничего, кроме одной мелодии не приходит на ум, подумалось Константину. На миг возникло ощущение, что он вообще разучился, или никогда и не умел — по крайней мере, так же хорошо, как играл его отец. К тому же, звук гитары звучал одиноко, ведь других музыкантов вокруг не было.

«Мы поможем тебе», — послышался голос откуда-то сверху, и тут же, словно ведро холодной воды, на него опрокинулись знания. Тысячи композиций, сольных партий и аранжировок, миллионы нот стали доступны ему, словно кто-то свыше открыл дверь в хранилище, полное нот. Не просто нотных грамот или табулатур — Константин понял, что его руки могут и умеют играть всё это, как если бы он учился долгие десятилетия.

Возникшее чувство счастья и желание попробовать сыграть всё, что он теперь знает, было настолько сильным, что сдерживать себя стало сложно. Пальцы сами заиграли длинное соло из старой рок-оперы, название которой он слышал впервые, и город ответил ему аккомпанементом. С его родного Юго-запада донёсся звук ритм-гитары. С южных районов, Вторчермета и Уктуса донеслась басовая партия — простая и уверенная. Ударные зазвучали на Севере, в рабочих районах Корпорации — Уралмаше и Эльмаше, а клавишное соло, перекликаясь с его игрой, заиграло на востоке, со стороны Пионерского посёлка и озера Шарташ. Небо расцвело всеми цветами радуги, люди внизу стали выходить на улицу из домов, чтобы посмотреть на чудо.

Константин остановился, завершив партию, и размял уставшие руки. То, что происходит — удивительно, но задачу он ещё не выполнил. Нужно найти Путника, указать ему дорогу в наш мир, понял Константин. Но что сыграть? Как?

Металлист попытался вспомнить, что он играл тогда, в день первого пришествия Путника. Выключил примочку и попробовал сыграть рок-баллады, музыка стала чуть тише, скромнее. В воздухе запахло осенней сыростью. «Нет, всё же, это не то», — подумалось Константину, и он включил дисторшн обратно. Заиграл весёлую байкерскую песню семидесятых годов. Солнце засветило ярче, а в воздухе, к удивлению металлиста, запахло пивом и табаком.

Константин сделал небольшой перерыв и для интереса перебрал десяток композиций разных жанров — от немецких индустриальных маршей, столь любимых киберготами, до растаманского рэгги. Было забавно наблюдать, как меняется мир вокруг — небо, воздух, свет солнца и городские силуэты. Затем Молот перешёл на классику — попробовал гитарные переложения

Моцарта, Бетховена и Баха. Городской аккомпанемент теперь зазвучал десятком инструментов филармонического ансамбля. Под влиянием серьёзной академической музыки город приобретал европейские черты — стала видна скрыта до сих пор строгость форм и столичная, имперская торжественность. Константин перешёл на русскую классику — сыграл романсы Глинки и начал играть струнную партию четвёртой симфонии Чайковского. Тут он и почувствовал какую-то мимолётную, неуловимую связь, намёк на правильный путь и включил примочку — теперь не на дисторшн, а на «фланжер» с «делэйем», дающие мощное, сочное эхо.

Симфонический металл был любимым жанром его отца, Максима. Константин на миг остановился, и попытался вспомнить мелодию, которую слышал всего пару раз много лет назад — песню, сочинённую его отцом в юности. Получилось не с первого раза, Город узнал эту мелодию, и со стороны городского пруда донёсся звук электрооргана, простой, но глубокий и ровный аккомпанемент. Откуда-то с запада донёсся вокал — тихое оперное сопрано. Константин не смог разобрать текст, похоже, незримая вокалистка пела на латыни или итальянском. Но что самое поразительное, заставившее Константина повернуться на восток — солнца снова стало два. Второе светило висело рядом с первым и казалось полупрозрачным, словно пришедшим из мира призраков.

Гитарист продолжил играть, наблюдая за миром, который продолжал меняться. В туманной дымке на юге, там, где должен находиться Челябинск, проступили очертания незнакомых горных пиков. Холмы возникли на месте равнин на востоке, на водной глади озера Шарташ, частично скрытого за высотками Пионерского района, возник большой незнакомый остров, туманный и поросший какой-то странной растительностью.

Яркая вспышка озарила восточную часть города, и из святящегося облака, зависшего над резиденцией императора, вылетела большая красная птица, похожая на сороку и несущая что-то в человеческих руках. Спикировав с двухсотметровой высоты вниз, она полетела в сторону Основинского парка, скрывшись за зданиями.

Константин понял, что произошло что-то важное, но не останавливался, чувствуя, что дело ещё не завершено. Спустя полминуты, вслед за птицей из светящегося облака возникли силуэты двух десятков огромных боевых машин — красно-белых чешуйчатых вертолётов с тремя наклонными винтами. Молот вспомнил, что видел эти машины несколько дней тому назад, стоя с Наалой на вершине горы в незнакомом мире.

На Главном проспекте возникло облако поменьше, и из него ровной шеренгой, прямо на городские улицы зашагали отряды противника — красно-белые войны, безликие клоны-самураи, взращенные в малых мирах. Если бы Константин был вооружён биноклем, он смог бы рассмотреть хоботы, свёрнутые под масками. В его город шли не люди, а вирусы, слоноподобные антропоморфы, запрограммированные на разрушение.

Вертолёты несколько секунд висели над городом, затем развернулись и стали веером расходиться в разные стороны. Стрелки лазерных пушек, дежурившие на крышах в той части города, отреагировали на появление незнакомцев быстро. Три машины загорелись в воздухе и стали падать на высотки киберготов ещё до того, как успели набрать крейсерскую скорость. Послышались пулемётные очереди, шум сервоприводов боевых роботов, выводимых из ангаров на улицы наперерез колонне сухопутных войск.

Грохотнуло совсем рядом, и из угловой системы охлаждения с шипением пошёл густой пар — это офицер Корпорации, охранявший Константина, выстрелил незримым лучом в ближайшего пришельца, направившегося к Твердыне. Почти одновременно выстрелили с башни-вокзала дирижаблей, стоявшей по ту сторону Исети. Вражеская машина загорелась и упала на Сибирский Проспект.

Облако на главном проспекте, из которого выходили вражеские войска, исчезло, и строй оборвался. В город прорвалось всего около тысячи чужаков, и раздавить, уничтожить этот отряд было делом времени. К Главному проспекту уже спешило подкрепление из Твердыни, стягивались ополченцы из рядов наймитов и инженеров. Лазерные пушки с окрестных высоток жгли ряды иноземцев, оставляя на асфальте запёкшиеся пятна странной синей крови. Хоботоносые отвечали залпами из длинных стрекочущих орудий, похожих на посохи, и упорно, как примитивные роботы, шли вперёд, в сторону Площади Тринадцатого года.

Пять небесных пришельцев тем временем зашли с севера, выстрелили залпом ракет, разрушая крыши ближайших небоскрёбов, и, развернувшись, направились в сторону Твердыни Корпорации. Глядя на них, Константин понял — несмотря на странный вид, эти машины всё равно были человеческими, с «земным» оружием. Видимо, их создателем тоже были люди, или сущности, отдалённо напоминавшие людей. Или кто-то, бывший человеком ранее, но ставший вирусом.

Одна из ракет разорвалась совсем рядом, на городской свалке, сбитая с курса противоракетным лазером. Внезапно

грохот вертолётных винтов послышался совсем близко, но это были не пришельцы — снизу, из-под башни, на которой стоял Константин, поднимались два звена синих вертолётов Корпорации.

Поддавшись боевой агонии, Константин незаметно для себя перешёл на любимый трэш-метал, быстрый, злой и агрессивный. Город помогал ему, бешеный барабанный «бласт-бит» разнёсся над кварталами вместе со скрежетом его «Ямахи».

Со всех частей Внешнего города слышался грохот лазерных систем, казалось, свободные общинники только и ждали случая применить эту ненужную доселе технику, украшавшую крыши высоток. Киберготы, металлисты, простые рокеры и десятки других свободных коммун, разделённые доселе барьерами субкультурных различий, мгновенно, почти инстинктивно сплотились перед лицом общей незнакомой угрозы.

Винтокрылые машины пришельцев отступили в сторону Шарташа, перегруппировались и начали наступление. Они перестали поливать огнём жилые кварталы, направившись с трёх сторон в центр города, на Твердыню. Константин понял — он их цель, ведь это в его руках инструмент, волею Авторов мироздания способный открывать и закрывать вход в миры.

Взрывы и выстрелы слышались недалеко от Твердыни — похоже, там сражались последние пехотинцы чужаков. Вертолёты Корпорации заняли оборону над башней и стали кружить, выпустив веер ракет в надвигающихся врагов. Под грохот их винтов Константин заиграл сольную партию — быструю и пронзительную, как крик защищающегося хищника. Пара машин из десятка наступающих загорелась и упала во дворах, но остальные продолжали сокращать расстояние, успешно сбив противоракетными лазерами все цели. Похоже, они просто шли на таран, намереваясь вместе с собой уничтожить башню и игрока. Уставшему Константину на миг захотелось бросить гитару и бежать вниз, но он не смог — некие силы словно держали его на месте, заставляя доиграть этот концерт до конца.

До конца? И действительно, пора уже заканчивать, догадался он. Константин посмотрел на двойное солнце, сместившееся за время игры в сторону юга и напоминавшее теперь восьмёрку. Он прекратил игру, приглушив струны. Над израненным городом не было слышно ничего, кроме шума роторов. И тут Константин понял, что надо сыграть. Он переключил гитару на чистый звук и заиграл спокойную мелодию, которую никогда до этого не слышал и не играл. Струны зазвучали хрустальным и тихим перебором, заглушая шум техники. Пошёл мелкий дождь, Константин на миг подумал, что это вредно для лазерных

стрелков, но музыка казалась важнее. Металлист представил, что он играет колыбельную — тихую песню, какую поёт отец своему младенцу, закрыл глаза и забыв о приближающейся угрозе. Он играл её для себя, играл для города и для Путника, который, как он понял теперь, был жив.

Глаза заставила открыть яркая вспышка — не прекращая игру, Константин разглядел что-то святящееся на северо-востоке, в стороне Пионерского посёлка и Основинского парка. Вертолёты противника зависли в воздухе в какой-то сотне метров от башни, но теперь они теряли свои очертания, становились под струями дождя прозрачными и туманными. Казалось, их пилоты теперь не собирались воевать, поняв тщетность своей борьбы с такими противниками, как Константин и Путник, а просто слушали музыку, раздававшуюся над городом.

Константин сыграл последний аккорд, и пришельцы исчезли. Он посмотрел на небо — солнце теперь было одно, а к луне, висевшей у западного горизонта, прибавилось ещё два маленьких чёрных спутника, застывших в зените. Металлист бережно снял гитару с плеча, положил на пол и упал рядом, обессиленный.

(Путник)

Птица летела над улицами, пугая прохожих. Позади, в центральной части города слышались взрывы и пулемётные очереди вперемешку с агрессивной музыкой, которая, казалось, идёт отовсюду. Впереди выросла стена Внутреннего города, гаруда взмыла вверх, перелетела через бетонные плиты и помчалась над коммунами киберготов. Сзади послышались выстрелы — стрелок Корпорации из сторожевой башенки принял иноземное существо за врага и открыл огонь. Птица резко дёрнулась в полёте, но продолжила лететь дальше.

— Задело? — спросил Путник.

— Хвост, перья, — ответила гаруда. — Ничего.

Над кварталами послышался шум вертолётных винтов, гаруда спустилась на землю и затаилась между деревьев небольшого сквера, не выпуская Путника из рук.

— Их мало. Долго не продержатся.

Ник огляделся по сторонам. Что-то очень неуловимо знакомое было в очертаниях местных домишек. С ближайшей высотки выстрелила лазерная пушка, вдалеке, над Внутренним городом послышался взрыв.

В кустах поблизости послышался шорох. Птица повернулась — там стояли два длинноволосых подростка лет двенадцати в блестящих комбинезонах и с проколотыми бровями.

— О великая Крипта! — восхищённо сказал один из них,

помянув вымышленную богиню киберготов. — Смотри, она какого-то мужика держит.

— Я такую в игрушке видел, — сказал второй, смело подошёл ближе и выдернул из хвоста красное метровое перо, пробитое стрелком Корпорации.

Гаруда издала пронзительный крик, похожий на ястребиной, и пареньки, истошно заорав, побежали с трофеем в сторону родной высотки.

— Местная молодёжь вся такая наглая? — беззвучно спросила птица.

— Думаю, да, — усмехнулся Ник. — А может, оно и к лучшему — не пропадут.

Гаруда, не ответив, оттолкнулась крыльями от земли и снова полетела над улицей, между девятиэтажек и «новостроек», построенных перед самым Катаклизмом. Ник увидел впереди, за перекрёстком, парк и массивное синее здание из стекла и бетона.

— Я помню! — воскликнул Ник. — Я был здесь.

— Показывай, куда дальше.

— Я шёл с той стороны, получается… Поверни налево на предпоследнем перекрёстке, тот дом второй по правой стороне.

Птица резко повернула за огороженной девятиэтажкой и полетела по узкой улочке. Стрельба и взрывы над городом продолжались, но музыка вокруг сменилась на тихую и спокойную. Пошёл мелкий дождь, тёплый и приятный. Гаруда приземлилась у длинной старой двухэтажки, оставив в земле две глубокие борозды от птичьих ног. Ник спрыгнул на землю и прочитал вывеску «Часовая мастерская» на японском и русском, а затем прихрамывая пошёл к дверям. Птица устало, почти по-человечьи присела на ступеньках, вытянув в сторону длинный сорочий хвост.

Ник испытывал некоторое волнение, когда открывал эту дверь. Звякнул колокольчик. Ник огляделся по сторонам. Внутри было тихо и свежо, в салоне, больше похожем на музей, стояли сотни часов разных размеров, возраста и вида, статуэтки и другая антикварная утварь. В прошлый раз, когда Хаким с Артуром волокли его в броневик, он не успел разглядеть всё это великолепие. Ник прошёлся по ряду часов и посмотрел на время — до полудня оставалось пять… четыре… три… две… одна секунда…

Часы зазвонили, загудели, забили и заиграли разными мелодиями, но самая главная мелодия продолжала звучать среди этой какофонии. Она доносилась откуда-то извне — успокаивающая и уверенная, та самая, которая была нужна Путнику.

Он вышел обратно на крыльцо и посмотрел в сторону Внутреннего города. Колокольчик за спиной звякнул ещё раз, и старческий голос сказал:

— Красиво играет, подлец. Теперь, спустя много лет, мне стала нравится такая музыка.

Ник обернулся — рядом стоял тот самый часовщик, худой, с сеточкой морщин и старыми очками на длинной переносице.

— Здравствуйте, — сказал Путник. — Наконец-то я встретил вас.

— В прошлый раз ты был на лет двадцать моложе, — улыбнулся Юрген, рассматривая Ника, а потом предложил. — Давай послушаем ещё немного.

Путник закрыл глаза, наслаждаясь музыкой, и вдруг они оба, старый Путник и новый, вспыхнули, загорелись холодным огнём, ослепив всё вокруг, и потеряли сознание.

III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен (в)

(Абориген)

Тюремщицу звали Светлана. Грубоватость в сочетании с рэпом, который играл в колонках её ноутбука, в другой момент оттолкнули бы Константина, но теперь ему было всё равно. Он был обессилен. Утром ему принесла рисовую кашу и копчёную рыбу, и металлист попытался расспросить её. Оказалось, что ему позволяется ходить по всей территории центральной тюрьмы, но наружу его не выпускали.

— Почему меня держат? — спросил Константин.

— Ты ж убийца. Прихлопнул какого-то важного парня.

— Чёрт возьми, но я же спас вас всех!

— Ха, от кого, от этих японцев? — хрипло усмехнулось тюремщица. — Мы бы и без тебя справились. Тоже мне — на крыше побренчать.

Константин сжал кулаки и злобно плюнул на пол. Впрочем, японцы — так японцы, в конце концов, их все так долго ждали, подумалось ему. Наверняка эта тюремщица, как и большинство горожан, не была посвящена во все мировые тайны, и столь упрощённое восприятие произошедшего вчера — это даже хорошо.

— И что мне теперь, пожизненно тут сидеть?

— Ну, почему пожизненно, — пожала плечами Светлана. — Скоро Вячеслав придёт, он всё и решит.

Генерал был лёгок на помине, уже через пятнадцать минут в дверь позвонили, и седой офицер вошёл внутрь, в тапочках, одетый в домашний халат. На лице была радостная улыбка.

— Светлана, где у тебя можно переговорить?

— Любая камера на втором этаже. Пусто — вчера же последнего отпустили. Этого… Складовского.

— Конст, пошли, — сказал офицер.

Металлист привёл Вячеслава в ту же камеру, в которой проснулся после полутора суток сна. Кто его принёс сюда, он не знал. Они сели на тюремную койку, Вячеслав достал портсигар со спичками и предложил Молоту закурить.

— В двух словах, что меня ждёт? — спросил Константин, затянувшись.

— Ну, ты эгоист! — рассмеялся генерал. — Нет, чтобы спросить, что ждёт наш мир.

— Хорошо. Что ждёт меня и наш мир?

— Не знаю, — сказал Вячеслав. — Но что-то удивительное. И страшное. Судя по всему, наш мир объединился с каким-то другим, точнее, стал частью какого-то другого, большого. Если раньше стратосферная съёмка показывала серую пустоту, начинающуюся за челябинской стеной, то теперь там какой-то горный массив. Такие же горы за Сибирским морем, и, скорее всего, на западе, за болотами. На камышловских равнинах возникли холмы. Всё это может таить как угрозу, так и океан новых возможностей. Но общество не готово. В частях армии беспорядки. Индуисты, неодиггеры и некоторые киберготские объединения готовы бунтовать, возможно, что графы отдельных провинций и районов присоединяться к ним. Народ напуган, все ждут новых вторжений, и кто знает — возможно, похожие отряды остались где-то в других районах страны. Признаться, мы на пороге гражданской войны. Скорее всего, Корпорации придётся пойти на уступки. Сейчас мы обсуждаем вопрос о сносе стены между Внешним и Внутренним городом и отмены паспортного контроля.

— Что с теми слонотаврами?

— Их не брало ни одно оружие, включая лазеры и фугасы, но они сами сдались и согласились сотрудничать. Сейчас они в Серове, и скоро будут переброшены на специальный полигон в Нижний. Помимо них во время открытых ворот в наш мир перешла куча разумных и неразумных тварей. Антропоморфы, карлики, какие-то курицы в балетных пачках… Бред. Фауна, флора — всё изменилось и, похоже, продолжает меняться.

— А что говорят Авторы мироздания? Вообще, где они?

— Они общались со мной во сне, — задумчиво проговорил Вячеслав. — Сказали, что всё прошло практически так, как и задумывалось, но не без неожиданностей. Сказали, что на днях они вернуться в наш мир. Возможно, они уже тут, но живьём я их никогда не видел.

Константин стряхнул пепел в старую консервную банку, оставшуюся тут ещё от прошлых пленников.

— Ну так что про меня скажешь хорошего?

— Путник жив. У него было второе тело. Получается, что ты его не убил. С юридической точки зрения — тут всё более чем непонятно.

Металлист хрипло рассмеялся.

— С юридической? В такое время — и ещё заботиться о юридической стороне?

— Тут дело не в этом. Я говорю не о наших законах. Похоже, что ты теперь сам должен стать Путником.

— В смысле? — оторопел Константин.

— Посмотри в окно, — Вячеслав кивнул на решетку.

Окно выходило во внутренний двор Твердыни. Там среди вертолётов и танков сидела крупная красная птица, похожая на сороку.

— Эта гаруда прилетела сегодня ночью. Сказала, что за тобой.

(Путник)

Ник проснулся от того, что его гладили по голове. Мила сидела на краю кровати и, проводя рукой по волосам, смотрела на него.

— Что смотришь? Да, я постарел на двадцать лет, — сказал он, зевнув.

— Не постарел, а возмужал, — улыбнулась девушка и поцеловала его. — Хотя в душе ты всё так же молод.

— Проснулся, голубчик, — сказал Юрген, стоявший в дверях. Он помолодел на лет десять. — Больше суток проспал. Идёмте завтракать.

В зале на старинном граммофоне играла старая джазовая пластинка. За столиком сидел рослый парень с узкими усами, похожий на латиноамериканца.

— Здравствуй, Ник, — он пожал руку Путнику. — Прости, что оглушил тогда тебя.

— Ничего страшного. Чем, кстати?

— А вот этими часами! — Ромул показал большие песочные часы в позолоченной оправе.

Ник взвесил их в руке — да, весили прилично. Усмехнувшись, посмотрел внутрь, пытаясь высмотреть слонотавров на плоскости песка.

— Зря ищешь, Страна Песка тут не причём, — сказал Юрген. — Но их мир был скопирован моей бывшей супругой именно с таких же часов. Эх, давно это было…

Завтрак был прост, и в то же время великолепен — большая яичница, гречневая каша и гренки с сыром. После подали чай — настоящий зелёный, смешанный с какими-то душистыми лесными травами.

— Я до сих пор не понимаю, — сказал Ник. — Та музыка спасла меня? Вылечила меня от вируса страха?

— Сейчас перекусим и поедем на пикник, — сказал Юрген. — Там всё расскажем.

— На пикник? — удивился Путник, вопросительно посмотрев на Милу. — Куда?

— На Уктусские горы. Но я не поеду с вами, — покачала головой девушка. — Я поеду к себе, мне надо будет собрать вещи.

К тому же, на пикник может прийти Константин, а я не хочу расстраивать его.

— Брось, этот сорвиголова уже давно забыл про тебя, — усмехнулся Юрген и пояснил. — Вы переезжаете из города.

— Но куда? — спросил Ник. — За город?

— Не совсем, — хмыкнул Юрген. — Но ты почти угадал. Пусть это будет небольшим сюрпризом для тебя.

Около опорного пункта Корпорации лежал подбитый красно-белый вертолёт. Кабина была пуста, место падения было оцеплено бойцами Корпорации. Рядом стояли два боевых «японских» робота киберготов — похоже, после воздушной битвы они заключили какое-то негласное соглашение с Корпорацией. Но зеваки всё равно собирались, разглядывая иноземную технику. Ник с удивлением рассмотрел японские иероглифы на полукруглой кабине.

— Это твоя бывшая супруга создала всех этих существ? — спросил Ник, отойдя в сторону. — Слонотавров, гаруд и прочих.

— Нет. Большинство из этих сущностей нейтральны и существовали в сети реальности уже много веков, — ответил Юрген. — Какие-то могут создавать себе подобных. Самые продвинутые — тоже своего рода Путники, способные мутировать, изменяться, перемещаться между мирами. Это роднит их с вирусами. Они поражают только слабые миры, либо миры, путь в которые открывают Путники вроде нас с тобой или Казимира. Кому-то, как Казимиру с хоботом, удаётся вычленить особый вирусный код и использовать для своих целей. Те вертолёты и существа с хоботами, что напали вчера, были из заражённого им мира. Агенты индуистов ошибочно приняли их за твою армию, и поэтому Наала решила вступить с ними в союз.

Мимо по проспекту проехала колонна из шести автобусов, в сопровождении четырёх броневиков Корпорации. В автобусах сидели странные люди — круглолицые, в каких-то рваных шкурах и с копьями.

— Эскимосы, — пояснил часовщик, улыбаясь. — Новый народ с севера пришёл, как узбеки в прошлый раз. Это хорошо. Мир растёт, увеличивается. Пошли, вон, кажется, свободное такси.

Лестница утопала в молодой зелени и, казалось, уходила прямо на небо. Юрген, кряхтя и вздыхая, поднимался по лестнице с тросточкой, Ник придерживал старика за локоть. В середине дороги они остановились, глядя на город, лежащий на севере. Две башни — Корпорации и вокзальная — были примерно на одной высоте с тем местом, где они стояли.

— Лепота! — сказал Юрген и продолжил подъём.

Ник заспешил вперёд. Без Милы он чувствовал себя неловко

— но это уже был не страх одиночества, а лёгкая тревога за близкого человека, свойственная многим. В то же время Ником владело любопытство. Он уже примерно догадывался, с кем его ведут знакомить, но то, кого он увидел на вершине горы, превзошло все его ожидания.

(Абориген и Путник)

— Ты не прав! — синекожий толстяк в пиджаке набросился на Ника и заключил его в дружеские объятия. Но лицо у него было недовольное. — Ты почему бросил моё второе тело в зоопарке? Совсем не беспокоишься о старых друзьях. Старый мамонт теперь совсем обезумел и истосковался.

— Но почему… ты в своём обычном теле? — спросил Ник.

— О, это тебе расскажут вот эти три человека, — Толстый отошёл в сторону и указал. — Знакомьтесь: Павел, Алексей и Антон. А это Ник, тот самый.

На полянке, окружённой соснами, вокруг старого дымящегося мангала сидели на раскладных стульчиках трое молодых мужчин. Одеты они были в цветные футболки с непонятной символикой, широкие пляжные шорты. Вокруг была разложена нехитрая снедь для пикника — шампуры, тарелочки, замаринованное мясо в кастрюльке и бутылки нижнетагильского пива.

На лицах троицы, скрытых под чёрными очками, читалась заинтересованность, смешанная с настороженностью. Двое из незнакомцев — Антон и Алексей — пожали руки Нику и Юргену, а третий, Павел, нанизывал мясо на шампуры, и показал подошедшим грязные ладони. Он был ниже их всех ростом и казался тихим и молчаливым.

— Берите раскладные стулья, располагайтесь, — сказал Алексей. Он был самым высоким, а из-за белоснежной улыбки и лакированной блестящей причёски походил на богатого клерка.

— Ну что, Ник, рады тебя видеть, — сказал Антон. — Не ожидали, что всё так интересно получится.

— Антон… Вы, случайно, не Рябинин? — спросил Ник, присаживаясь на стул.

— Угадал, — кивнул Антон, почесав небритый подбородок. — Фамилия не настоящая, но большинство знают меня именно под ней. Поначалу, когда мы только создали мир, было решено, что мы будем править по очереди, но потом мы отказались от этой идеи.

— Императором должен быть кто-то посторонний, не являющийся Автором мироздания, — добавил Алексей. — Ведь чем дольше мы находимся в мире, тем сильнее оказываем влияние. Также как и остальные Путники.

— Так вы тоже Путники?

— Давай по-порядку, — сказал Антон, похлопав себя по коленям. — Как ты знаешь, наш мир ведёт своё летоисчисление от две тысяча тринадцатого года. Однако этому предшествовало несколько десятилетий огромной, колоссальной работы, которую мы с ребятами проделали, по сути, втроём.

Павел тем временем закончил подготовку шашлыка, разложил шампуры на мангале и вытер руки о салфетки. Пожал руку Нику и Юргену.

— Вполне ожидаемый вопрос — как устроено то, что мы называем сетью реальностей, — продолжил Павел. Казалось, что монолог ведёт один человек, или трёхглавый змей-горыныч, настолько похожими были интонации трёх Авторов. — Мы тебя разочаруем — однозначного ответа на этот вопрос мы не можем дать. Мы — далеко не последняя инстанция, и есть личности и существа, гораздо более великие, чем мы. Мы властны только над теми мирами, которые создали мы сами. Но мы имеем некоторые соображения на этот счёт.

— Первая гипотеза, которую мы выдвинули, попав сюда, — что мы находимся в виртуальной реальности, — сказал Антон. — Вполне закономерно. В нашем земном детстве мы много играли в компьютерные игры, читали фантастику, смотрели фильмы, и, разумеется, оказавшись на бесконечной серой поверхности, открытой для творчества, восприняли всё это именно так. Позже, когда мы посетили уже существующие миры и обнаружили способность копировать, переносить и модифицировать личности и сущности, мы только укрепили наше подозрение. В этом случае, решили мы, мир — это огромная виртуальная машина, в которой находятся файлы — люди, предметы, материки, вот этот шашлык, и так далее. А мы — подключённые к этой сети игроки.

— Но вскоре обнаружилось несколько фактов, которые ставят под сомнение эту гипотезу, — сказал Алексей, открыв бутылку пива. — Во-первых, в начале двадцать первого века не существовало компьютерной техники, способной смоделировать такое гигантское количество миров, деталей, сущностей. Кроме того, мы обнаружили способность перемещать наши экспериментальные миры во времени и создавать временные коллизии.

— И, что самое главное, мы стали обнаруживать других Путников, странствующих по пограничью, — сказал Павел. — Многие из них понятия не имели о том, что такое виртуальная реальность, потому что родились в России ещё в начале двадцатого века. Многие из них считали, что умерли на земле — в Стабиле — и обречены здесь на вечные страдания, а значит,

попали в ад. Итак, вторая наша гипотеза — что мы находимся в аду, или в чём-то, похожем на чистилище, только упорядоченном на миры. Или, как вариант — Стабиль, по отношению к нам, рай, а мы, по отношению к нему, ад. Но почему тогда люди способны жить здесь, рожать детей?

Мурашки побежали по спине Ника, такая теория о строении мира казалась по меньшей мере мрачной. Юрген и Толстый сидели рядом и улыбались, похоже, они слышали всё это уже ни раз.

— Третья гипотеза — это нечто среднее, и при этом что-то совсем другое, — сказал Антон. — Это пространство одновременно и виртуальное, и реальное, и хранящие знания и память о всех тех, что здесь когда-то побывал. Что-то сродни астралу, или «тонкому миру». С давних пор люди там, в Стабиле, удивлялись снам. Удивлялись тому, что могут встретить во сне давно умершего человека, посетить монстров, или увидеть — такое бывало — один сон на двоих. Говорят, что во сне душа человека путешествует по иным мирам. Но что случается с ней, когда человек просыпается? Она возвращается в тело? Оказывается, нет. Копия того, что сектанты называют атманом, а также всё то, что человек создаст в этом сне, может остаться в этом неведомом астральном пространстве и продолжает свою самостоятельную жизнь, независимую от жизни оригинала.

— Именно такие копии мы называем Путником, — продолжил Алексей. — Первое поколение жителей нашего мира — полностью все Путники. Больше полумиллиона человек, все разного возраста. Мы вылавливали каждого из них, старясь найти тех, кто жил на одной территории и помнил свои родные края, и на основе их воспоминаний по крупицам собрали наш мир, частично его изменив.

Толстый протянул руку к шашлыку, но Юрген хлопнул по ней ладонью и пригрозил. Синекожий толстяк насупился, и Павел, усмехнувшись, протянул ему пивную бутылку.

— Консервы! — обрадовался Толстый.

— Хорошо, но кто тогда я? — спросил Ник. — Почему я не помню своего прошлого, и почему не такой, как все остальные жители этих миров.

Антон и Алексей кивнули Павлу.

— Ты — вирус, и ты же — вакцина, — сказал тот. — Это мы создали тебя, чтобы защитить мир от других, чужих Путников, таких как Казимир, а также от хоботных вирусов, которые наводнили близлежащие миры. Ты тоже способен разрушать реальность, как и другие деструктивные вирусы-черви, ты свободен, как стихия, и неподконтролен нам. Но при этом ты

полон сострадания и сожаления по поводу того, что ты делаешь. Мы учли опыт нашего первого заражения, которое произошло в тридцать седьмом году, и постарались это предотвратить при помощи тебя.

— Получается, у меня и не было прошлого?

— Было, почему, — покачал головой Антон. — Но в сеть реальностей ты попал трёхлетнем младенцем — возможно, ты родился как копия одного из первых снов своего оригинала. Мы добавили в твою душу своих знаний и умений и выпустили тебя на волю, регулярно скармливая тебе заранее подготовленные миры.

Ник не знал, обижаться или нет на своих творцов.

— Но мне удалось, да? — спросил он. — Я же защитил мир от Казимира?

Троица переглянулась, словно решая, говорить ему, или нет.

— Признаться, эксперимент лучше считать проваленным, — сказал Алексей, поморщившись. — Система получилась столь ненадёжна и неустойчива, что мы не можем себе представить, как тут дальше будут жить люди. К тому же, второй заброшенный мир, который сторожил Максим Молотков и который ты сюда притащил, настолько огромен, что наших сил попросту не хватит, чтобы всё это успешно сохранять и контролировать. Следующие Путники запросто могут довершить дело, начатое Казимиром и остальными.

— Ты не прав! — сказал Толстый. — Вы справитесь. Справились же после прихода Юргена? И мне тут нравится. К тому же, столько свободного места теперь!

Авторы засмеялись, а Путнику стало грустно. Он узнал все возможные тайны этого мира, он был счастлив и любим, но то, что мир всё-таки обречён, казалось неумолимо печальным. Юрген похлопал его по плечу.

— Но что сейчас? — спросил Ник. — Что мне делать?

— Собственно, что хочешь, — сказал Антон. — Предлагаем тебе полную свободу. Выбирай — можешь остаться, а можешь перейти в любую другую реальность. Этот мир прошёл перед экспериментом резервное копирование, и по большому счёту, не так важно, погибнет он, или нет. В случае чего, мы восстановим его из замороженной копии.

— Но если мир останется жив, я же смогу сюда вернуться? — спросил Ник.

— Почему бы и нет? — ответил Алексей.

— В таком случае, я хочу выбрать другой мир. Мне не хочется дальше являться причиной разрушений здесь.

Юрген засмеялся и сказал:

— Мила знала, что ты выберешь этот вариант.

— Ну что, они уже готовы! — капризно сказал Толстый, кивнув в сторону шашлыков. — Мне не терпится отведать местной пищи!

Все взяли по шампуру. Мясо оказалось нежным, острым и совершенно незнакомым на вкус. Похоже, Авторы были ко всему прочему гурманами. Юрген сидел, обернувшись и глядя на город. Внезапно из-под горы вылетела огромная красная птица, затормозила крыльями в воздухе и приземлилась на поляну. На её шее сидел Константин.

— Я пришёл проститься, — коротко сказал металлист, спрыгнул на траву и снял с плеча чехол с гитарой. — И извиниться перед Путником. Кстати… а где он?

— Без обид, — ответил Ник и пожал руку Константину. На его лице на миг отразилось удивление — обоим было странно сознавать, что теперь «биологический отец» моложе своего творения. — Кто же знал, что всё так обернётся. Возможно, ты сделал правильно.

Константин кивнул и повернулся к Авторам.

— Гитару, я так понимаю, надо оставить вам?

— Глупость какая, — усмехнулся Антон, вытирая руки о футболку. — Оставляй себе. Нужно будет, мы ещё десяток таких гитар найдём. И гитаристов. Твоя функция как антивируса уже выполнена. Ты хочешь покинуть город?

— Птица сказала, что меня ждут на юге.

Антон кивнул.

— Ну что, ребята, давайте уже пойдём в центр? А остатки пусть Юрген с Константином доедают.

Алексей с Павлом кивнули, поднялись и направились по одной из тропинок куда-то в лесную чащу.

— В какой центр? — спросил Ник, последовав за ними.

— Который напротив площади Тринадцатого года, — ответил Павел и пригрозил Толстому: — Не вздумай переедать! И приберись тут после нас.

Впереди, прямо на тропинке стояла грязная деревянная дверь. Ник вспомнил, откуда она. Механические курочки, мир-курятник. Но вопреки ожиданиям, за дверью оказался высокий зал, полный экранов, проводов и каких-то высокотехнологичных устройств. Люди в белых халатах — в основном, узбеки, — ходили между мониторов, советовались друг с другом, бегали с какими-то распечатками и, казалось, совсем не обратили внимания на четвёрку вошедших людей.

— Гляди под ноги! — послышалось внизу. Ник опустил взгляд и увидел того самого нюхача, что упал с метеоритом на

площади.

— Великий Вождь? — спросил Путник. — Ты?

Нюхач недоумённо махнул хоботком. Жаль, похоже, это был другой житель бункера. На его животе были написаны какие-то бессвязные комбинации цифр.

— Это наш, ручной, — пояснил Алексей, поднял нюхача с пола и посадил себе на плечо. — Заранее прилетел на метеорите. На нём записано несколько паролей от второстепенных миров.

— Это мы где? — Ник обвёл взглядом стены.

— Самый секретный департамент Корпорации. Здесь проводится расчёт климата, природных ресурсов и управление полётом беспилотников с контейнерами. Сейчас, после объединения миров, у них жуткий аврал — большая часть новой территории ещё не изучена, погода становится просто неуправляемой.

— Это ты придумал Корпорацию? — спросил Ник Алексея.

Тот кивнул, плюхнувшись в свободное кресло.

— Ага. А Антон — социальное устройство империи с субкультурами. Чтобы был внутренний конфликт, раз нет внешнего. Павел занимался малыми мирами, окружающими нас. Окрестностями, так сказать. Сейчас они, похоже, вошли в состав объединённого мира, который ты притащил за собой. Чтобы освоить новые земли и сохранить старое, придётся всё менять. Реформировать. Делить Корпорацию на части. Императора менять — кстати, возможно, Юргена поставим вместо Савелия. Покинутая ойкумена должна быть ему знакома. Давать автономию индуистам и другим радикальным. С пришельцами что-то делать. В общем… наделали делов мы с тобой, Путник.

Ник посмотрел в окно с тёмными стёклами. Воронку с бывшим метеоритом на площади засыпали гравием и землёй.

— Отсюда возможен выход в другие миры? — спросил Ник.

— Да, — кивнул подошедший Павел. — В обычное время это единственное место в мире, где это возможно. Ну, не считая тех, что в небе — для беспилотников.

Ник кивнул.

— Я должен заехать за Милой.

— Пошли, — Павел махнул рукой. — Она уже ждёт тебя.

III. Токката. Эпизод 10. Весна Вестника Перемен (эпилог)

(Путник)

Автор открыл засов на широких дверях в конце зала, и по винтовой лестнице они спустились вниз. Павел зажёг свет — две длинные лампы на потолке. Пол был грязный, с разбросанными как попало досками, и везде стояли деревянные двери в обломленных косяках. Маленький кусочек мира-курятника, понял Ник. У одной из дверей — новой, из свежевыструганных досок — на табурете сидела Мила с открытым ноутбуком, рядом стояла большая сумка и чемодан.

— Ты всё это сама тащила? — воскликнул Ник.

— Дождёшься тебя, — с напускной ворчливостью сказала Мила, закрывая ноутбук. — Ты там пиво распиваешь с мужиками, а тяжести мне тащить!

— Семейные сцены — и в такой момент, — усмехнулся Павел и пожал руку. — Ладно, Ник. Увидимся.

Путник кивнул, взял Милу за руку и шагнул в тёмный дверной проём.

Сознание Путника снова на миг рассыпалось на тысячу осколков, но потом он осознал, что находится в огромной, великой пустоте.

— Мила? — спросил он.

— Я тут, — послышался голос.

— Что теперь?

— Начнём всё с нуля, — сказала она.

* * *

Павел глядел им вслед. Через пару секунд их силуэты исчезли, расплывшись во тьме. Подошедшие Антон с Алексеем некоторое время смотрели в открытый дверной проём, затем Павел захлопнул дверь.

— Немногих демонов удаётся усмирить нам, Созидающим, — вздохнул он. — Что получилось с Юргеном, не получится с этим. Рано или поздно он всё равно догадается. Поймёт, что мы не были до конца честны с ним.

— Насчёт чего? — спросил Алексей, почёсывая пузо сидящему на плече нюхачу. — О том, что не мы его настоящие создатели? Или о том, что никакой резервной копии нашего мира

нет?

— И о том, и о другом, — хмурясь, сказал Павел. — О том, что вся эта процедура с гитарой ничуть не излечила его вредоносного кода, хоть и помогла связать наши миры. И о том, что Мила с Юргеном, настоящие антивирусы и единственные его близкие люди, — также единственные, кто может его убить. Даже если он теперь наш союзник, как и Юрген, даже если он не будет обижен на нас после этого — ему снова станет страшно, что он чуть не разрушил наш мир. И тогда страх снова поставит его на путь разрушения. И если Юргена мы смогли утихомирить, то этого… Его даже не посадишь в клетку.

Антон постучал костяшками пальцев по дверному косяку, потом поманил нюхача к себе в руки.

— Время за дверью течёт медленнее нашего в десятки раз. У нас есть время. Возможно, он отвлечётся. Возможно, он уже окончательно вылечился от неуверенности.

— Но потом? — спросил Алексей. — Думаешь, угроза минует, и не будет рецидивов?

— Нет. Они могут быть.

Алексей нахмурился.

— Получается, у нас выход один? Я с Корпорацией буду завинчивать гайки, сохраняя порядок, ты их развинчивать, подогревая общество, а Павел — опять бесконечно творить новые миры для этого прожорливого червя?

— Для трёх червей, — покачал головой Антон. — Он, Мила и их будущий ребёнок. Что делать, такова работа всех Авторов. Только справишься ли ты?

Павел молчал. Потом внезапно улыбнулся.

— Знаешь, этот демон — хороший парень, Он станет взрослее. Он уже стал намного взрослее. Я рад за них. И эта бесконечная игра в создание и разрушение мне продолжает нравиться. Пойдём, что ли, взглянем на наш проклятый мир.

— Да уж, за счёт объединения он стал больше прежнего в раз десять, — сказал Антон. — Даже не представляю, как мы справимся.

— Глаза страшатся, руки делают, — улыбнулся Алексей.

Двое его коллег кивнули, и они пошли по лестнице наверх, под солнце своего беспокойного мира.

Уставшие администраторы серверов заражённой Виртуальной Реальности.

Безликие архангелы крохотной части Чистилища.

Фантомы из мира оживших снов.

(Абориген)

Незнакомый город, стоящий на острове и озарённый лучами солнца, вырастал на горизонте. Под птицей, что несла его, раскинулось озеро кольцеобразной формы, через которое к городу шла широкая насыпная дорога. Раньше где-то в этих краях находились знаменитые челябинские озёра, но металлист понимал, что летит к фрагменту совершенно нового мира, огромного и незнакомого. Один мир врос в другой, как врастают сплавленные воедино куски конструкции огромного механизма. Константин разглядывал незнакомые небоскрёбы, крыши домов и очертания улиц. Город выглядел безлюдным, но металлист знал, что там его ждут.

Когда они летели, местность вокруг менялась так быстро, что Константин не успел понять, где кончился его старый мир, и начался новый. Собственно, это было уже не важно. Счастье полёта и безграничной свободы оказалось столь сильным, что он не думал не о чём плохом.

Он поглядел налево — на востоке он заметил белую точку, движущуюся с той же скорость, что и его гаруда. Точка увеличивалась в размерах, и вскоре превратилась в такую же гаруду, несущую на своих плечах хрупкую женщину в длинном саронге. Две птицы сблизились, полетели рядом друг с другом, перекликаясь на каком-то своём наречии. Константин крикнул всаднице:

— Как же твоя армия? Как же твоя цель?

— Ну их! Ложная цель! Мы служили не тому Путнику. Ты нашёл гитару?

— Нашёл! — крикнул он, хлопнув по чехлу.

Наталья улыбнулась.

— Я же говорила! Говорила, что ты ещё сыграешь на ней для меня.

(январь 2010 — июль 2011, в редакции 2018 г.)

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

Корпорация любит нас